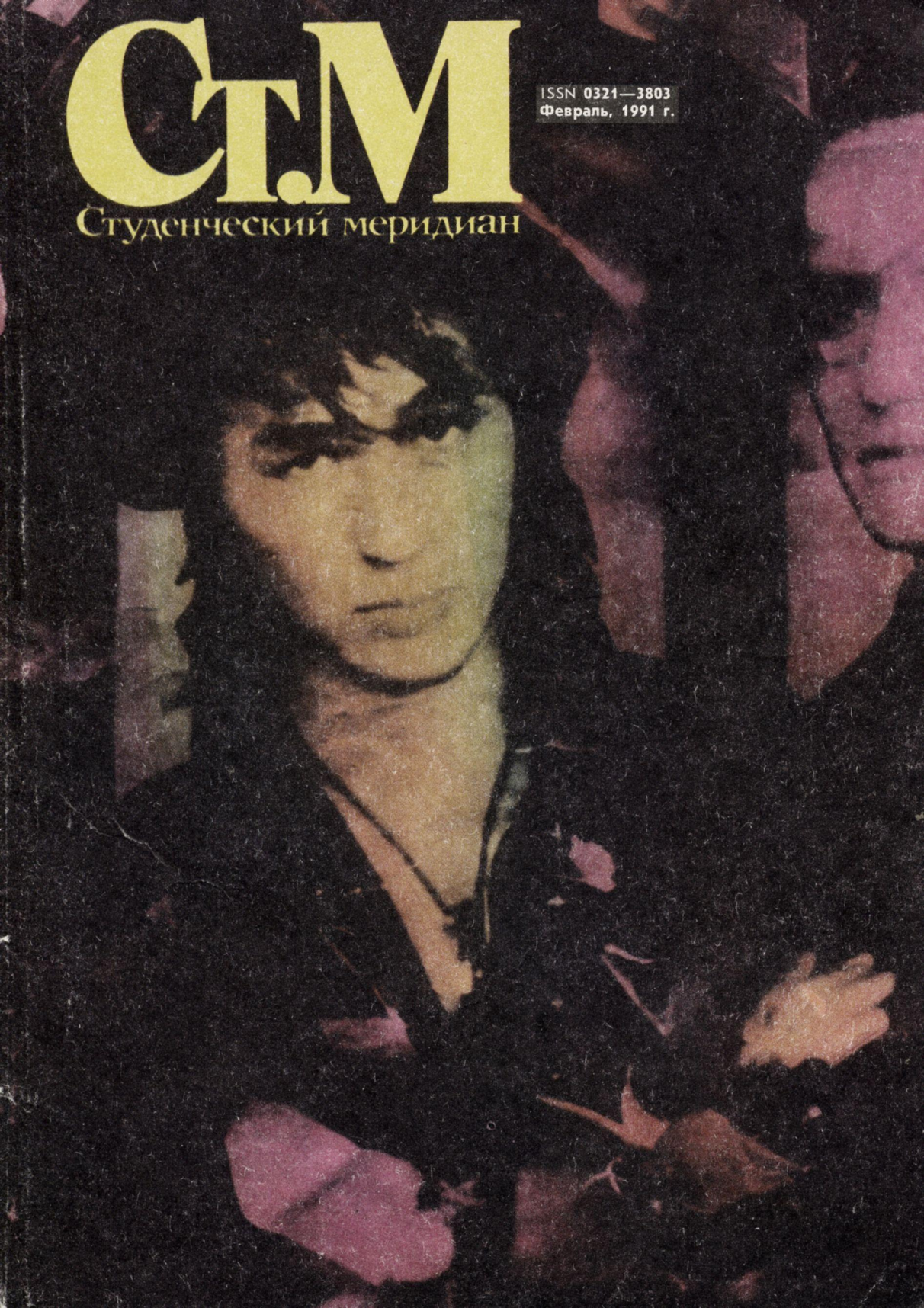

С.М.

Студенческий меридиан

ISSN 0321—3803
Февраль, 1991 г.

Говорят, что нравственное состояние общества нагляднее всего определяется его отношением к детям, старикам и инвалидам, то есть к самым слабым и беззащитным. Не менее очевидно проявляется оно и в том, как живет братьям нашим меньшим — домашним, прирученным испокон веку человеком, а значит, бесконечно от него зависимым животным — собакам и кошкам. Среди наших читателей, мы убеждены, немало людей, искренне любящих кошек и собак, многие наверняка держат

дома каких-нибудь славных питомцев или мечтают ими обзавестись, и нуждаются в информации, советах и рекомендациях специалистов. Именно поэтому и рискнули мы даже в такое нелегкое для жизни страны время, когда и человеку-то порой не просто прожить-прокормиться, открыть новую рубрику, посвященную домашним животным. Вести ее мы попросили студентку пятого курса Московской ветеринарной академии имени К. И. Скрябина Наташу Мальневу.

Наталья Мальнева

Крик души

По крупным городам страны, особенно в последние несколько лет, прокатилась все набирающая силу волна чуть ли не всеобщего увлечения породистыми собаками и кошками. Настоящий бум! По неофициальной статистике в Москве, например, ими обзавелась практически каждая пятая семья, а в прибалтийских столицах, в частности в Риге, — каждая четвертая. Такой резкий подъем интереса вызвал, естественно, бурный рост «поголовья» домашних жи-

вотных и, конечно же, породил десятки проблем у их владельцев. На всех без исключения щенков и котят многократно подскочили цены, и теперь даже не обремененного роскошной родословной обычного пушистого котика не купишь дешевле полсотни рублей. Некоторые же особенно редкие и экзотические экземпляры стоят нынче столько, что у нормального человека просто перехватывает дыхание от одной мысли о таких бешеных деньгах. Вот, скажем,

замечательные и действительно уникальные в своем роде китайские шар-пеи «тянут» почти что на ту же сумму, что и новенький «мерседес» на автомобильном рынке — ни много ни мало пятьдесят тысяч рублей. И желающие, между прочим, находят, даже в очередь выстроились...

Но у богатых, как говорится, свои привычки, и, думаю, нам не стоит особенно тревожиться за судьбу их в буквальном смысле «золотых» любимцев — где нашли такие деньги на покупку щенка, отыщутся скорее всего и средства на то, чтобы их прокормить и позаботиться об их здоровье. Гораздо хуже, увы, обстоят дела у огромного большинства других любителей

Ст.М

Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический, научно-популярный и литературно-художественный иллюстрированный журнал

Издается с января 1974 года
1991, № 2, 1—80

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Редколлегия:
Виктор Астафьев,
Анатолий Богомолов,
Феликс Волков,
Екатерина Гордеева,
Владимир Грошев,
Егор Исаев,
Анатолий Карпов,
Константин Лебединский,
Ярослав Микуляк
(заместитель главного редактора),
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Александр Сельянов,
Станислав Смирнов,
Людмила Третьякова,
Ольга Чистенкова,
Андрей Шаронов,
Михаил Щипанов
Главный художник
Александр Архутик
Художественный редактор
Константин Кухтин
Технический редактор
Галина Белова

Наш адрес: 125015, Москва,
Новодмитровская ул., д. 5а,
«Студенческий меридиан»

Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 26.11.90. Подп. в печ. 28.12.90. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 844 000 экз. Заказ 2251. Цена 1 руб. (по подписке — 60 коп.).

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, Сущевская ул., д. 21.

© «Студенческий меридиан», 1991 г.

животных, которые, быть может, отказывая себе во многом необходимом, скопили-таки по крохам заветную сумму (тоже для рядовой семьи весьма немалую) на желанного коккер-спаниеля, ризеншнауцера, колли или персидского котенка. Для них проблемы встают на каждом шагу — нет ни нормального питания, необходимого для здорового развития, ни медикаментов, ни добротного, на государственном уровне организованного ветеринарного обслуживания.

Наши несчастные, нищие районные ветлечебницы, где нет даже самых элементарных лекарств, не в состоянии оказать помощь сотням нуждающихся в ней. Такие же трудности и у недавно созданных кооперативов, где, к сожалению, к тому же весьма невысок (да простят меня коллеги) и профессиональный уровень подготовки специалистов. Неверная диагностика и некачественное лечение часто обходятся пациентам слишком дорого. Поэтому практически в каждом городе есть теперь достаточно разветвленная сеть «домашних» ветеринаров. Думаю, что не ошибусь, сказав, что у девяти из каждых десяти породистых собак есть свой «семейный» доктор, который едва ли не с рождения следит за ее развитием и здоровьем... (Неплохо бы, мне кажется, и людям вернуться к этой утраченной в нашей медицине традиции). Обходится такое лечение, правда, тоже весьма недешево, но это и понятно, и объяснимо — всеми правдами и неправдами достает такой домашний ветеринар редчайшие прививки и сильнодействующие препараты, мчится в любое время дня и ночи на срочные вызовы, работая порой так, что, да простят меня читатели за излишний натурализм, с трудом вымывают кровь из-под ногтей после очередной операции.

И здесь нужно сказать, что специально лечению собак и кошек у нас в стране никого не учат. Даже наша ветакадемия — крупнейший вуз такого профиля — не выпускает специалистов, подготовленных для работы именно в этой области. Наше образование (и это не только в ветеринарии), к несчастью, слишком оторвано от реальных, конкретных нужд народного хозяйства и в особенности от

ФОТО СЕРГЕЯ ПАНИНА

Ведущая рубрики «Питомник «Ст. М.» Наталья Мальнева со своими четвероногими друзьями.

интересов человека и его домашних питомцев.

Сейчас, уже заканчивая академию, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что первые три года обучения для большинства студентов проходят попросту впустую. Те общие, отвлеченные знания, которыми набивали нам головы, едва ли и на сотую долю смогут пригодиться в практической работе. Так, скажем, усердно преподаваемая нам фармакология к настоящему времени окончательно устарела и настолько далека от современных методов лечения, что, так и не найдя применения, неизбежно навсегда изгладится из нашей памяти. А тем, кто придет работать в хозяйство, придется на практике почти с нуля изучать эту науку.

Так же, к сожалению, обсто-

ит дело и со многим другим. Можно долго говорить о несовершенствах нашего образования, о безобразной организации производственных практик, о безответственности многих студентов и преподавателей, но было бы необъективно не сказать и о том, что в МВА немало первоклассных специалистов, корифеев в своих областях (в том числе и в лечении домашних животных), у которых, без сомнения, есть чему поучиться, было бы желание. Они ведут кружки и семинары, и те, кто их посещает, мне кажется, выходят из стен нашей альма-матер все же не беспомощными неумехами. Иные из нас, и я тоже, на старших курсах начинают подрабатывать на жизнь, становясь такими вот «домашними лекарями», о которых я рассказывала. Честно сказать, это огромное подспорье, и сейчас мои руки и тот опыт, который удалось приобрести, в прямом смысле слова кормят меня, став основным

источником финансовых доходов. Думаю, что студенты и других профессий могли бы неплохо зарабатывать себе на жизнь, да и, наверное, делают это, потому что как иначе проживешь на нищенскую нашу стипендию.

Я с большим интересом отнеслась к идее создания в «Ст. М.» рубрики, посвященной домашним животным. Мне кажется, ее можно сделать и увлекательной, и полезной. Мы собираемся в дальнейшем рассказывать о самых популярных породах собак и кошек, их достоинствах и недостатках, специфических особенностях содержания и разведения. Будем давать и практические советы, а возможно, если такая необходимость появится, откроем и платную письменную консультацию с персональными рекомендациями. Как, кстати говоря, вы к этому относитесь?

Наш специальный корреспондент будет постоянно дежурить на знаменитом московском Птичьем рынке и сообщать самые последние сведения о росте и падении цен, о разнообразных забавных и невероятных историях, происходящих там, предостерегать читателей от надувал и мошенников, коих великое множество норвит погреть руки, пользуясь легковерием и неопытностью большинства покупателей.

Предполагаем давать и самую интересную информацию о крупных выставках (скажем по секрету, есть у нас свои люди даже на легендарной лондонской выставке «Крафт»), помещать рекламные объявления. Если найдутся среди вас желающие разрекламировать своего собственного любимца, то, возможно, отведем место для его портрета и короткой характеристики. Об условиях такой необычной рекламы мы объявим дополнительно.

Хотим рассказать о дрессировке служебных и сторожевых собак, о лучших наших и зарубежных питомниках, о собачьих и кошачьих привязанностях всемирно известных людей... Словом, все самое интересное из жизни этих животных, надеемся, вы сможете найти на страницах журнала. Ждем ваших писем с предложениями, просьбами, советами, возражениями и поддержкой, на которую очень рассчитываем.

Шар-пей — ВОСТОЧНЫЙ ВОИН

«Шар-пей?! Что за игрушка?» — вероятно, воскликнет кто-нибудь при виде этой добродушной и внешне неуклюжей собаки, напоминающей несколько обвисшей шерстью-кожей гиппопотама. Но осторожно! Уморительные складки шкуры скрывают железные мускулы и храброе сердце бойцовой собаки, смело противостоявшей на протяжении всей истории своей породы проискам врагов как четвероногих, так и двуногих.

Долгое время шар-пеев не баловали вниманием. Из китайской провинции Кван-тан, где, как предполагают, была выведена эта порода, «морщинистых» собак так и не призвали к императорскому двору, дав им шанс не деградировать в тепличных условиях, а развивать свои лучшие качества — преданность, выносливость, стойкость, природную бдительность, охраняя жилища и стада крестьян и небогатых горожан. С шар-пеями охотились, их выставляли на поединки. Правда, как считают, агрессивность достаточно уравновешенных собак приходилось стимулировать искусственными средствами — допингами. Впрочем, гладиаторами шар-пеи были отменными. Сама природа позаботилась о том, чтобы ослабить жизнь натравливаемых на них мохнатых противников. Стоит поглядеть представителя рода шар-пеев против шерсти, и вы почувствуете, что шелковистая и мягкая с виду шкурка жестка, шершава и одновременно эластична. На шар-пея бессмысленно нападать с тыла: сзади его невозможно ни укунить, ни ухватить за складку.

Но судьба уготовила шар-пеям куда большую опасность, чем клыки натравливаемых сородичей. Голод, разразившийся в Китае на рубеже 50-х годов, привел к массовому уничтожению кошек и собак. К тому же в сельской местности владельцы сторожевых собак оказались обложеными дополнительным налогом. Видимо, Мао предпочитал

видеть подданных полностью беззащитными. А те немногие носители чистоты породы, что смогли пережить лихую годину войн и революций, подверглись страшной опасности ассимиляции. Дело в том, что кобельки — шар-пеи очень разборчивы.

Еще немного, и, вероятно, из редчайших собак шар-пеи превратились бы в полностью исчезнувших. Но гонконгский кинолог Матто Лоу вовремя ударил во все колокола. Его опубликованная в 1973 году в журнале «Зе догс» статья была страстным призывом к западным коллегам заняться восстановлением редкой и уникальной породы. И глас его был услышан. В США сразу выстроилась очередь желающих «усыновить» «морщинистую» собаку. Люди готовы были ждать щенков по несколько лет, и такая решимость резко стимулировала разведение шар-пеев.

Пожалуй, шар-пеев стали выводить скорее для лечения стрессов, чем для охоты и охраны. А значит, селекционеры сделали упор на усиление экзотических черт породы: увеличение морщин, изменение формы загнутого кверху хвоста, который у некоторых особей буквально лег на спину. Но так или иначе, признаками породы остаются маленькие уши, глубоко посаженные глаза. А также черный или с голубоватым оттенком язык, которым преданный пес всегда готовлизнуть хозяина.

Арена — первый шар-пей, привезенный в Советский Союз, победительница двух международных выставок, проходивших в ЧСФР. Владелец — председатель клуба «Верный друг» Владимир Марков.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШАР-ПЕЕВ:

ЛАСКОВАЯ И ДОБРОВОДНАЯ

СОБАКА, КОТОРАЯ ДОЛЖНА ЖИТЬ В ДОМЕ

СТОРОЖ

Файл ОБРАЗ

Барнаул. С 1 октября начались занятия в уникальном учебном заведении — Барнаульском эколого-гуманитарном лицее, куда после успешного прохождения специальных тестов поступили дети и подростки от 3 до 17 лет. Главная цель обучения в лицее — дать максимально полное представление о мире, верное понимание роли человека в обществе, на Земле и в космосе.

Москва. Московский Центр автодорожного образования открывает политехническую школу, в которую будут приниматься школьники, окончившие семь классов средней школы. Уже прошли вступительные экзамены. Конкурс — 3 человека на место. Выпускные экзамены в этой школе одновременно станут вступительными в Московский автодорожный институт.

Днепропетровск. Сто процентов мест в Горном институте имени Артема заняли в прошлом году абитуриенты, не сдававшие вступительных экзаменов. С поступающими на остродефицитные специальности, не имеющими в своих аттестатах троек, проводилось только собеседование. Таким же образом возрос конкурс и на неспрестижные ранее факультеты Днепропетровского института инженеров транспорта и Днепропетровского металлургического института. Помимо отличников, льготы были предоставлены инвалидам, лицам, прибывшим из районов стихийных бедствий.

В Воронеже ректорат сельскохозяйственного института, устав вести борьбу с низкой успеваемостью, принял решение установить плату за передачу экзаменов: за первую передачу — 25 рублей, за вторую — 50 рублей. Собравшиеся на митинг студенты ВСИ выразили свой протест в отношении такого решения. Требуя отменить «штрафную систему», они предложили безжалостно отчислять «лентяев

и прогульщиков» после первой же двойки. Интересно, кто будет учиться в сельскохозяйственном институте весной?

МХТИ имени Менделеева внедряет новую модель высшего образования. Вуз переходит на двуязычное обучение — основной его задачей будет теперь подготовка специалистов, в совершенстве владеющих английским, которые будут работать в совместных предприятиях химической промышленности.

Файл ДСП

Главное политуправление Внутренних войск МВД СССР сообщило корреспонденту «Студинформо» имя первого профессионального солдата. Это Виктор Овчаров, 23 лет, не женат, служил срочную службу во внутренних войсках. Он стал первым членом подразделения профессиональных солдат дивизии имени Дзержинского. Предполагается, что подразделение будет состоять из 90 человек — 84 солдат и 6 офицеров. Виктор Овчаров получил звание ефрейтора и денежный оклад в 320 рублей. В случае его гибели семье будет выплачено пособие в размере 1500 рублей.

По данным пресс-центра МВД СССР, растет количество тяжких преступлений. Как показало криминологическое исследование, проведенное сотрудниками МВД СССР, почти 60% разбойных нападений совершено в ночное и вечернее время, 20% — с проникновением в жилище, 40% — совершили ранее судимые, 25% — несовершеннолетние, 50% — в возрасте от 21 до 28 лет. Налицо тенденция явного омоложения преступности.

Файл ЭКОЛ

В конце 1990 года на биологическом факультете МГУ прошла презентация партии «зеленых». Главный лозунг, проповедуемый

советскими экологами: «Мыслить глобально, действовать локально!»

Файл РЕЛИГ

Начинает выходить в свет первый в СССР богословский журнал. Московская духовная академия намерена возобновить издание запрещенного в середине 30-х годов «Богословского вестника». Это «толстый» журнал, где будут публиковаться богословские труды, сообщения о деятельности Русской Православной Церкви, философские и публицистические произведения. В отличие от уже существующего «Вестника Московской Патриархии», выходящего еженедельно, новое издание будет выходить раз в два месяца.

Москва. 30 сентября 1990 года в ДК на Волхонке состоялось открытие Воскресного Православного Университета, основателем которого был зверски убитый 9 сентября протоиерей А. Мень. Он считается первым почетным ректором университета.

В городе Тарту действует единственная в городе католическая церковь. Она находится в ведении Ватикана, откуда ежегодно поступают деньги на счет городского исполкома (в валюте) за любезно предоставленный им земельный участок. Интересно, что в Тарту осталось всего 6 католиков, к которым два раза в месяц приезжает ксендз.

Файл КУЛЬТ

Народный депутат СССР, председатель московского Союза художников О. М. Савостюк встретился с заместителем председателя Моссовета С. Б. Станкевичем. Савостюк просил принять меры против произвола районных властей, выгоняющих художников из мастерских, чтобы отдать помещения кооперативам. Станкевич обещал сильную помощь. Исходя из

того, что союзный депутат должен просить защиты у депутата горсовета от депутатов районного Совета, можно сделать печальный вывод: досуверенизировалась...

Файл ЭКОЛ

Решением Министерства здравоохранения Грузии в этой республике запрещена торговля польской жевательной резинкой «Турбо». Медики утверждают, что она является причиной злокачественных опухолей в полости рта. Ранее такие же решения приняли Минздравы республик Прибалтики, России, Белоруссии. В Польше эта резинка также запрещена для продажи.

Файл ИФАКТ

В родном городе легендарного разведчика, Героя Советского Союза Николая Кузнецова — Новом Разделе (УССР) улица его имени переименована в улицу Степана Бандеры. Решение о переименовании принято местными властями.

Ветры перемен докатились и до Задонского района Липецкой области. В полном соответствии с новыми веяниями местная газета «Донская правда» переименована в «Задонску правду».

Файл СТАТ

По данным, предоставленным Министерством здравоохранения СССР, ежегодно в стране рождается около 60 тысяч детей с врожденными и наследственными заболеваниями. Примерно у 30 тысяч выявляется детский церебральный паралич, свыше 2 миллионов детей — инвалиды детства, умственными и физическими расстройствами страдают также около 2 миллионов ребят.

В Минске за последние полгода вдвое возросли случаи отравления алкоголем с летальным исходом. 1400 человек умерло от ишемической болезни сердца. 41 человек ушел из жизни из-за болезни системы кровообращения и органов пищеварения. За январь — июнь 1990 года умерло 162 ребенка в возрасте до одного года.

Поспорим!

Прочитал письмо заинтересованного читателя «Новый учебник» («Ст. М.» № 10 за 1990 г.) и подумал: «Хорошо написано! Со многим я согласен».

Но есть в письме и неувязки. С одной стороны, автор справедливо предлагает изучать труды буржуазных экономистов в их естественном виде. С другой — повторяет популярную у многих студентов идею «освободить политэкономии от приставки «полит». Выполнить оба пожелания одновременно невозможно, так как именно буржуазные экономисты ввели термин «политическая экономия». Первым сделал это француз А. Монкретьен, написавший «Трактат политической экономии». Труд этот увидел свет в 1615 году, то есть за два века до рождения К. Маркса. К вершинам экономической науки мировая цивилизация отнесла и такие работы буржуазных авторов, как «Начала политической экономии» Рикардо (1817 г.), «Политическую экономиию» и «Новые начала политической экономии» Сисмонди (1818 и 1819 г.), «Начала политической экономии» Мальтуса (1820 г.), «Элементы политической экономии» Милля (1821 г.) и многие другие исследования подобного рода.

Что касается нашей страны, то уже в июне 1803 года в Уставе Академии наук России была поставлена задача заниматься усовершенствованием политической экономии и статистики. В ноябре 1804 года в соответствии с утвержденным императором уставом Московского университета была создана кафедра политической экономии и дипломатии и началось преподавание политической экономии. Эти примеры можно было бы продолжить, хотя надо признать, что наряду с термином «политическая экономия» ныне употребляются и другие наименования. Кстати, сам термин «политическая экономия» никакой политизации в себе не несет. Он происходит от греческих слов:

«политейа» («общественное устройство»), «ойкос» («домохозяйство») и «номос» («закон»).

Дело, мне думается, сейчас не в отказе от политической экономии и ее названия, а в освобождении этой науки от догматизма и деформаций, в обогащении ее содержания достижениями мировой экономической мысли, в отражении в ней перестроенных процессов, в использовании ее для обновления и подлинного прогресса нашего общества.

Феликс Волков, проректор МГУ

Значит, будущее в опасности?

Обращаюсь к вам потому, что считаю себя не вправе молчать. Учусь в пединституте — общетехнический факультет. По окончании его у меня будет диплом учителя трудового обучения, черчения и профориентации.

По себе помню, что в школе эти предметы стоят не в первом ряду. А как может быть иначе, если нас, учителей, готовят по безобразной системе, программе. Курс черчения мы «проскочили» за два года, остальные три года нам так забивают головы, что мы забываем все, чем овладели раньше.

Поверьте, не лежит душа изучать надоевшую всем политэкономиию, которая все твердит о неизбежности краха капитализма... Зачем все это нужно?

По окончании института мы получим удостоверение токаря (не зная, с какой стороны подойти к станку), столяра-краснодеревщика (не видел никогда красного дерева) и т. д.

Чему я научу детей?! Мне стыдно за нашу систему образования. Эта неразрывная цепь тянется, кажется, бесконечно: безграмотные учителя — безграмотные дети... Кто в силах ее разорвать? Дети же — наше будущее. Значит, будущее в опасности?

Игорь Клименко, г. Скадовск

Спросите у Катрин!

Двадцатилетняя миниатюрная брюнетка Катрин готовится стать у себя в Бельгии преподавательницей французского языка, но по совместительству эта юная фламандка активно сотрудничает в уже известном постоянным читателям еженедельнике «Антверпенский студент». Страсть Катрин к путешествиям, помноженная на открытость внутриевропейских границ и конвертируемость бельгийской валюты, позволяет ей увидеть, узнать и понять то, что обычно доходит до наших молодых людей по испорченному телефону слухов и пересказам третьих лиц.

Довольно! Согласившись взять на себя роль корреспондента «Ст. М.» в Западной Европе, Катрин становится опорой прямого информационного моста Антверпен — «Студенческий меридиан» — читатели. А вам открывается уникальная возможность задавать своей заочной собеседнице любые вопросы о моде и увлечениях молодежи Европы, о спорте и учебе, сексе и твердых моральных традициях, литературе, поп-культуре и музыке. Для Катрин нет закрытых тем, а в ее ответах, мы надеемся, не окажется «белых пятен».

Просьба только указывать на конвертах: «Вопрос для Катрин». Ответы же на наиболее характерные и часто повторяю-

щиеся вопросы вы найдете на страницах журнала. Кстати, связь с Антверпеном будет поддерживать наша молодая соотрудница, которую по странному совпадению зовут... Катя. Спешите оказаться между двумя Екатеринами, или Катринами, и ваше желание будет исполнено!

Мост: Гарвард — Энск

Рад, что у меня есть возможность вам представиться. Меня зовут Дэвид Саефу, я студент Гарвардского университета. На фотографии я справа, двое друзей — мои коллеги.

У меня довольно много всевозможных идей. Некоторые из них хотел бы осуществить в Советском Союзе.

Когда я был в «Ст. М.», то мы договорились о том, что неплохо бы попытаться выпустить номер журнала, в котором рассказать о советских и американских системах образования, о наших проблемах и заботах, круге интересов и увлечений.

После возвращения в Гарвард рассказал об этой идее своим друзьям и получил от них не только одобрение проекта, но и услышал о желании участвовать в нем. И мы тут же обсудили, что бы нам, американцам, хотелось узнать о советских сверстниках, что бы мы могли подготовить сами?

Вот некоторые вопросы к вам.

Пожалуйста, расскажите о том, как вы осваиваете избранную вами профессию (в чем ваши успехи и в чем трудности).

Какая книга (или книги), а также другие обстоятельства оказали на вас влияние при выборе профессии?

Какой вопрос в вашей жизни сейчас самый злободневный?

В чем для вас смысл жизненного успеха?

Что бы вы хотели прежде всего узнать от нас, ваших зарубежных сверстников?

С приветом — Дэвид.

Писать мне на адрес редакции с пометкой на конверте «Дэвиду».

Интерн и альма-матер

В свое время Антуан де Сент-Экзюпери говорил: «Я верю, настанет день, когда больной неизвестно чем человек отдастся в руки физиков. Не спрашивая его ни о чем, эти физики возьмут у него кровь, выведут какие-то постоянные, перемножат их одна на другую. Затем, сверившись с таблицей логарифмов, они вылечат его одной-единственной пилюлей. И все же, если я заболею, то обращусь к какому-нибудь старому земскому врачу. Он взглянет на меня уголком глаза, пощупает пульс и живот, послушает. Затем кашляет, раскуривая трубку, потрет подбородок и улыбнется мне, чтобы лучше утолить боль! Разумеется, я восхищаюсь наукой, но я восхищаюсь и мудростью».

Факультет усовершенствования врачей при Ярославском медицинском существует с 1979 года. Занимался он до недавнего времени, как это следует из названия, только врачами.

По инициативе руководства института в орбиту его интересов теперь попали и интерны-выпускники, проходящие годичную последипломную стажировку в больницах.

— Значение интернатуры трудно переоценить, — сказал в беседе со мной проректор по учебной работе института профессор Юрий Павлович Троханов. — В течение года выпускники по-настоящему специализируются в той или иной области медицины. И от того, насколько серьезно они относятся к этому важному отрезку в своей жизни, зависит очень многое в их становлении как профессионалов. В рамках учебной программы специализации отведено недостаточно времени, по окончании все получают единый диплом врача. Ну а уж кому быть терапевтом, хирургом или анестезиологом, определяется в течение первого последипломного года. Собственно, с этой целью в медвузах и была введена интернатура. К сожалению, в прошлом последипломная стажировка нередко но-

сила формальный характер. Приведу такой пример. Два года назад три наших интерна распределались в одну из центральных районных больниц, где за ними закрепили молодого заведующего отделением. Неплохой специалист, он оказался неважным педагогом и практически ничего не дал своим младшим коллегам. Хорошо, интерны сами не дремали, постоянно приезжали в Ярославль, благодарно район недалевый, и консультировались по всем волновавшим их вопросам с преподавателями кафедр, присутствовали на консилиумах, следили за литературой, то есть систематически пополняли свой багаж знаний. И таким образом довольно успешно окончили интернатуру.

Теперь же специальная методическая комиссия контролирует прохождение последипломной стажировки. Каждый выпускник получает от куратора определенное задание по будущей специальности и через несколько месяцев отчитывается о его выполнении, чтобы получить новую тему. Происходит это дважды в год, когда интерны приезжают в альма-матер на краткосрочные циклы. Само собой разумеется, что повысилась и ответственность куратора той или иной кафедры за

своего подопечного. Кстати, эта система охватывает не только наших выпускников, а всех молодых специалистов, распределенных в районы области.

— Много ли шансов у нынешнего интерна продолжить образование в клинической ординатуре? Ведь она тоже действует под эгидой факультета усовершенствования врачей?

— Были бы только желание и творческий потенциал. Более того, способные интерны, и таких примеров у нас немало, проходят по следующей образовательной цепочке: интернатура, клиническая ординатура, аспирантура. Чтобы стать хорошим специалистом в США, например, после окончания медицинского факультета необходимо еще в течение десяти-двенадцати лет непрерывно повышать свое образование.

— Кстати, об американцах, — вступил в разговор проректор по научной работе профессор Валентин Викторович Шилкин. — Ярославль поддерживает обратимые связи с городом Берлингтоном, штат Вермонт... Думается, что новая форма последипломной стажировки позволит более ответственно оценить, кто есть кто. Ведь после окончания интернатуры надо сдавать экзамен по выбранной специальности. В будущем планируем проводить краткосрочные курсы повышения квалификации на коммерческой основе. Деньги будут переводить медицинские учреждения, где трудятся врачи и интерны. Это также станет стимулом и для институтских кафедр. Деля задумки и по поводу будущих абитуриентов, заканчивающих подготовительное отделение. Нам известно, они зачисляются в вуз после сдачи экзаменов в рамках подготовительного отделения. Иногда это слабые ребята. Так не ввести ли для них правило, чтобы они сдавали приемные экзамены вместе со всеми абитуриентами? Это повысит эффективность отбора. Конечно, здесь должно сказать свое слово Министерство здравоохранения. Ведь врач не может быть плохим или даже средним. Как сказал Гомер: «Сотни воителей стоит один врачеватель искусный».

Владимир Яшин, врач

Давайте судиться!

В крупнейшем промышленном и вузовском центре Италии Милане создан так называемый студенческий трибунал. Отныне любой студент или учащийся лица может запросто позвонить или зайти в новое учреждение и, невзирая на лица, разоблачить недостатки или злоупотребления в системе национального образования. В распоряжение будущих жалобщиков выделены один консультант-профессионал и целая группа, готовая принимать «сигналы» прямо по телефону. Не ясно, правда, получают ли вердикты такого трибунала юридическую силу закона?

Быть японцем дорого

Чете японских провинциалов, мечтающей видеть свое чадо в числе студентов самого престижного в Стране восходящего солнца Токийского университета, необходимо заранее отложить на «черный день» 15,5 тысячи долларов, ибо придется платить репетиторам (несколько тысяч долларов в год), за оформление приема документов абитуриента, отдельно за каждый экзамен и, наконец, за месяц пребывания в общежитии в момент поступления. Но такая плата за «студенческий билет» — это только еще цветочки. По подсчетам Ассоциации ко-

оперативных молодежных организаций, за четыре года (обычная продолжительность обучения в Японии) будущим специалистам-гуманитариям придется выложить на алтарь науки примерно 82 тысячи долларов, а технарям и того больше — 103 тысячи.

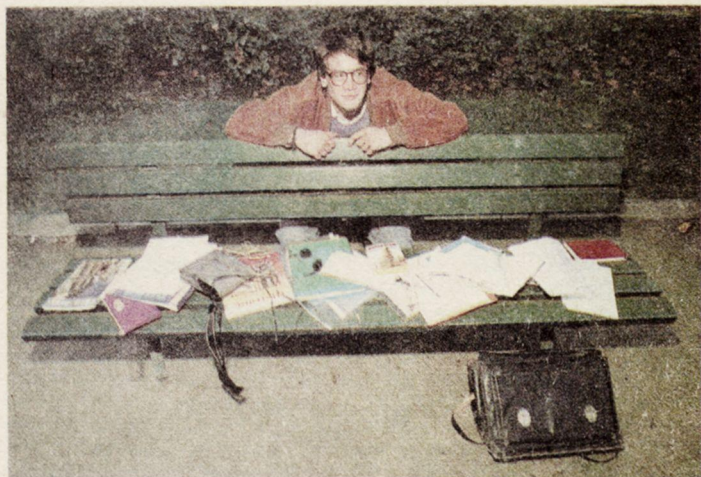
Расизм ни при чем

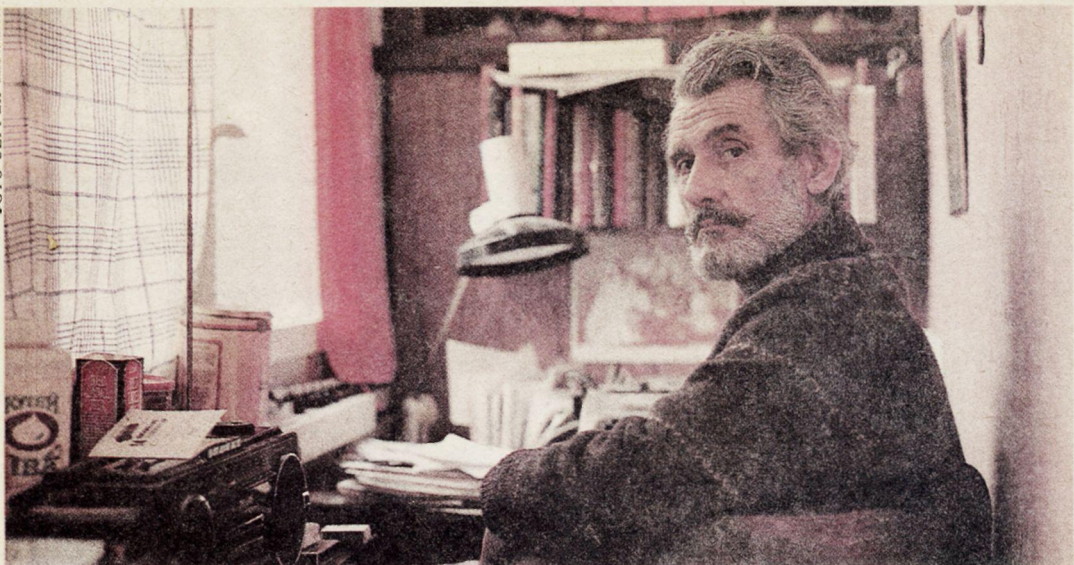
В Соединенных Штатах заметно уменьшение числа темнокожих американцев, решивших поступать в университеты. С 1987 по 1989 год негритянское

меньшинство в американских вузах сократилось на три-четыре процента. Характерно, что за прошедшее десятилетие университетский диплом стал вызывать значительно меньше энтузиазма у выходцев из благополучного среднего класса негритянской общины: падение на 17 процентов. Как считают, одной из причин таких антиуниверситетских настроений является возросшая популярность в среде молодых темнокожих американцев военных академий.

И снова «Эразмус»

В странах Европейского сообщества стремительно увеличивается количество студентов, намеревающихся на казенный счет продолжить свое образование за границей. Естественно, что соответствующим организациям ЕЭС приходится все больше раскошелиться, поскольку ежемесячная стипендия, выделяемая по программе «Эразмус», составляет где-то 200 долларов. В прошлом году бюджет этой программы был почти удвоен. Но студенческий спрос продолжает опережать финансовые предложения. Сейчас учреждения стоят перед дилеммой: либо делить прежнюю сумму на большее число студентов, либо сократить возможности получения образования.

К Т О Е С Т Ь К Т О ?

И Шереметев благородный, и Брюс, и Боур, и Репнин...

У меня есть двоюродный брат — художник. Его зовут Андрей. Имя как имя, а вот фамилия всегда была источником неприятностей и для него и особенно для его родителей — князьям Голицыным с большевиками ужиться было трудновато. Теперь все перевернулось — и КПСС вынуждена сосуществовать с «Союзом потомков российского дворянства», коего Андрей Голицын стал предводителем.

— Андрей, хотя сейчас время всевозможных перемен, но все-таки как-то не укладывается в голове — возможность сочетания государства «рабочих и крестьян», царства социализма и — союза дворян, класса «враждебного» и практически уничтоженного...

— Но это вполне реальная ситуация, существуют же монархические партии, разные оппозиции. Большевизм перестал играть роль идеолога и вынужден считаться с иными мнениями. Причем наш «Союз» для власти наиболее безопасен — мы не декларируем политиче-

ских программ. Цели у нас — культурные, образовательные. В сущности, «Союз» — это попытка вернуть в жизнь понятия о чести, благородстве, порядочности, причем как в отношении к своим обязанностям, так и к женщине, к воспитанию детей — словом, всего того, что было естественно для предков и что уничтожила Советская власть вместе с дворянским сословием.

Все сословия обладали своей культурой, нравственностью, хранили заветы предков. Отмена сословного деления обернулась разрушением традиций,

утерей того, на чем держалось духовное сознание нации. Утрачено понятие не только дворянской чести; но забыта, например, и честь купеческая — когда при ведении дел было достаточно слова купца и не требовалось никаких контрактов...

— Итак, «Союз потомков российского дворянства» — организация, замкнутая сословно. Как думаешь, не вызовет ли это к вам неприязнь, если угодно, классовую ненависть? Тем более что недворяне не смогут войти в нее.

— Но ведь существуют уже общества купцов, казаков — по-моему, никто, не принадлежащий к этим сословиям, не жалуется, что его туда «не принимают». Тем более что мы вовсе не ставим перед собой задачу возрождения сословных привилегий — речь идет исключительно о возрождении утерянной дворянской культуры.

— Но наш век перемешал все и всех — как быть с теми, кто дворянин лишь на половину, на четверть?

— Мы недаром называемся «Союзом потомков российского дворянства». Важна не чистота крови — важно восстановить прерванные связи, вновь выстроить генеалогические древа... Многим приходилось скрывать происхождение — и их потомки только сейчас узнают свои корни.

Конечно, необходимо сохранить фамилии, известные в ис-

тории, — у нас есть Шереметевы, есть Раевские, Чавчавадзе, Лопухины, Кочубеи... Однако мы считали, что принадлежность к знаменитой фамилии не дает никаких преимуществ, не определяет положения. Иными словами, мы не основываемся на значимости рода — тем более, что и принадлежность к известной фамилии не помешала многим обнищать духом...

— *А может ли войти в «Союз», скажем, грузинский князь?*

— Может, если он занесен в книгу российского дворянства как Чавчавадзе. Если это удельный князь — вряд ли ему будет у нас интересно... Тем более что в разных городах сейчас образуются свои союзы дворян...

— *Ваши филиалы?*

— Совсем нет. Нам совершенно не нужна субординация. Если они не хотят проходить регистрацию — мы можем дать им статус своего отделения. Хотя быть сами по себе — пусть будут, это неважно.

— *А ты не боишься, что рано или поздно разные дворянские союзы перессорятся — у нас всегда все соррятся?*

— Пока разногласий нет. У нас общие задачи — я говорю об основных, таких, как восстановление родословных, реставрация усадеб, изучение истории, возврат культуры...

— *Стремится ли вы к реставрации монархии в России?*

— Об этом может идти речь в программах политических партий, а не такой культурно-просветительской организации, как наша, чье единственное отличие от других ей подобных — в том, что круг применения энергии ограничен сословными рамками. Однако к монархии мы относимся как к естественному для России государственному устройству. И если монарх вернется, дворяне ему присягнут.

— *Ты не думаешь, что после более чем 70-летнего перерыва реставрированная монархия выглядела бы чем-то искусственным, неорганичным, смахивающим на театральное действо?*

— Разумеется, если вернуть монархию в ту фазу, на которой она прекратила свое существование, если подраживать под монархию раздел вотчин, возобновление крепостного права и возрождение феодальных традиций. Но сейчас речь может ид-

ти не о политическом устройстве монархии, а о принципе государственности во главе с монархом. Царь — не диктатура. Это высший духовный символ, высший нравственный судья.

Российская монархия — это не нечто застывшее. Царствование Николая Второго нельзя сравнить со временем Петра Великого. Монарх — человек, подверженный внутренним изменениям, к тому же это современный человек, живущий в современном мире. Разумеется, если он будет исходить из представлений XVII века и вообразать себя Михаилом Федоровичем — это будет декорация.

— *А как технически возможно возрождение монархии в России?*

— Реставрация может быть только законным путем. А законный наследник династии Романовых — Владимир Кириллович Романов.

— *Но это же не русский человек, это француз. Что он понимает в наших проблемах?*

— А по-товому, лучше всех наши проблемы понимает Гавриил Попов? То, что Владимир Кириллович живет во Франции, ничего не значит. К царю надо относиться как к символу. Только законный наследник престола — монарх. Владимир Кириллович — единственный законный наследник. Есть его внук — тоже наследник, мальчик, которого можно воспитать русским монархом. Отрок на троне — прекрасный символ.

— *Мне, никогда не видевшей монархии, трудно представить себе, как она может сейчас выглядеть. В голове вырисовывается какой-то кошмарный монстр со скипетром в одной руке и «Капиталом» — в другой... Как возможно параллельное существование царя и компартии?*

— Думаю, что к тому времени, когда в Россию вернется царь, коммунистов больше не будет. Измененный Верховный Совет станет Государственной думой... Впрочем, прогнозы строить глупо.

Тем более что большевики прекрасно использовали то худшее, что было в абсолютной монархии, — так что говорить о том, что коммунисты далеки от монархизма, не приходится. Ленин взял от абсолютизма принцип вертикальной власти, узур-

пировал ее больше, чем мог позволить себе монарх. Впоследствии это еще углубилось... Царь должен был считаться со многими факторами, к тому же это был человек, преданный нормам христианской морали, большевикам неведомой. Новая же власть взяла за основу полное пренебрежение к нравственным ценностям. Чем все это кончилось — думаю, рассказывать никому не надо.

— *Помнишь, как в «Зойкиной квартире» на вопрос «Вы бывший граф?» последовал ответ: «Почему бывший? Я граф». Ты — князь. Или бывший князь? Или совсем не князь — последним князем был твой отец, родившийся до 17-го года? Чувствуешь ли ты себя «Вашиим Сиятельством»?*

— Отменить принадлежность к семье, к роду — невозможно. Я бывший с точки зрения сегодняшнего отношения властей. Но их отношение совсем не означает, что таким образом они отменили род князей Голицыных.

Внутренне я не чувствую разницы между моим отцом, рожденным князем, и собой. Я, как и он, всегда чувствовал свои обязательства перед предками. «Твой дед в гробу бы перевернулся» — об этом всегда приходилось думать. Я никогда не считал, что выше своих друзей, что моя фамилия дает мне основания для пренебрежительного к кому-либо отношения, но и забывать о своем происхождении я не имею права. Потому что обязан помнить: что бы я ни сделал, мое поведение откладывает отпечаток на мою фамилию, на моих предков.

...Государство Иванов, родства не помнящих... Кому было выгодно, чтобы из самых далеких предков нам известен был лишь дедушка, о котором мы знаем лишь, что был он Петром, ибо отец — Петрович? Люди без корней, привязанностей, обязанности, ваш род так же древен, как и княжеский, ибо тоже восходит к Адаму и Еве. Но кому-то было очень нужно, чтобы мы об этом забыли. И мы забыли о том, что за каждым из нас стоят сотни умерших, что за каждого из нас есть кому перевернуться в гробу, есть те, кого мы не должны посрамить, если не хотим, чтобы после нашей смерти дети срамили нас. *Беседу вела Ольга Волкова*

Игорь Акимов, Виктор Клименко

О мальчике, который умел летать, или Путь к свободе

31

Повторим условие задачи, которую решает отшельник.

Материал — душа. Инструмент — культура мышления. Приемы работы — молитва, покаяние и очищение (в результате чего он освобождается от мыслей, мотивов и стереотипов). Предстоит выяснить последнее: способ его действия. Способ действия культуры мышления, благодаря которому отшельник приходит к Истине.

Это — созерцание.

Сущность его понять непросто.

Если бы мы прежде, скажем, пару лет назад, до вашего знакомства с нашей концепцией, спросили у вас, что такое созерцание, вы бы сказали, что это некий процесс, который основан на *наблюдении*; поскольку он должен за что-то цепляться (иметь цель), в нем не обойтись без *внимания*; наконец, нельзя не учесть и вашей персоны, вашей личностной оценки процесса — значит, все это охватывается *восприятием*.

Но усвоенная концепция эпк заставляет вас уже от порога признать, что все это слишком поверхностно и не ушло дальше здравого смысла. И вы попросите время, чтобы подумать, как же созерцание может трактоваться, если учитывать энергопотенциал, психомоторику и критичность. И что самое главное — как это увязывается с культурой мышления, для которой созерцание, оказывается, вершинный процесс. Не решение задач и проблем, не вдохновение, а какое-то невидное, неброское, неконкретное (так и хочет-

ся сказать — занятие бездельников) созерцание... Те, кто желает поразмышлять сам (таланты, гении, творцы), пусть дальше пока не читают; ну а вы, наши дорогие любители гармоний (ибо, повторяем, именно для вас написана эта книга), не обижайтесь на нас за эту остановку. Это не провокация и не попытка вас унизить. Просто этот текст — для других. А теперь мы снова с вами. Открывайте рот; мы вложим в него хорошо прокрученную на мясорубке и в самую меру поджаренную котлетку.

Созерцание — это процесс слияния с природой, при котором истина усваивается без усилий.

У самых прытких из вас уже возникла ассоциация со сверхтекучестью и сверхпроводимостью. Если брать условия существования процессов — все правильно. Там обязательное условие (одно из) — абсолютные температуры; при созерцании — близкая к абсолютной эпк.

Здесь самое важное — слияние с природой.

Это — цель.

Достигнув ее — он останется наедине с Истиной.

Отшельник это знает — и с первого дня учится созерцанию. Подготовив себя молитвой, покаянием и очищением, настроив себя соответствующим образом, он предпринимает попытку раствориться в природе. Все зря! — он не может вырваться из треугольника наблюдения — внимание — восприятие. Что мешает? Усилие. Намерение. Напряжение. Вместо того чтобы созерцать природу, он созерцает свои волевые манипуляции, он следит, как его ум

решает эту задачу по шаблонам, доставшимся ему от прежнего опыта...

Надолго его не хватает (намеренное созерцание — необычайно энергоемкий процесс), но он не отчаивается — у него вся жизнь впереди! — и завтра, в свободную от дел минуту, тщательно настроившись, опять предпринимает попытку. Разумеется, неудачную. Но день за днем, неделя за неделей, год за годом он снова и снова испытывает себя этим процессом. И если с молитвой, покаянием и очищением его дела идут успешно, то и здесь он постепенно начинает обживаться. Ведь избавляясь от мыслей, мотивов и стереотипов, он приближается к своему естеству; значит, с каждым шагом он становится все ближе к природе; значит, и созерцание будет все понятней и доступней. Оно начнет открываться ему, как пронзительные голубые окна в затянутом тучами небе, и с каждым разом окна будут все устойчивей и больше, пока он однажды не поймет, что ему еще удастся пожить под ослепительно чистым небом... Но эта мысль будет очередной неудачей, которая отбросит его назад. Он это сразу почувствует — и тут же поймет (при его-то эпк — да не понять!) ее природу. Ведь он же не ради этой чистоты трудится, а ради процесса в нем самом, ради собственной культуры мышления, ради истины — в себе самом. А та голубизна — только критерий.

Это будет серьезный урок, и он никогда больше не повторит такой ошибки. Но сколько будет других ошибок — и каждая будет отбрасывать его назад, и каждая будет его искушать и испытывать на прочность. И даже если он не отступится до конца, у него так немного шансов дойти до цели!.. В отшельники идут сотни и тысячи, мудрецами становятся единицы.

И все же становятся.

Однажды небо распаивается над ним чистой голубизной, распаивается само, без усилий со стороны отшельника — и

Продолжение. См. журнал за 1988, 1989, 1990 годы и № 1 с. г.

ФОТО ЮРИЯ КОЗЫРЕВА

оастается таким. Теперь уже навсегда.

32

Итак, отшельничество — это школа созерцания.

Если вначале, зашоренный наблюдением — вниманием — восприятием, он может созерцать лишь что-то конкретное (цветок, пчелу на нем, луг, небо, панораму), то в конце он воспринимает природу во всех ее проявлениях (значит, не только глазами) каждой клеточкой своего тела. В начале отшельничества, несмотря на отличную эйку, он всего лишь раб природы; значит, закован в панцирь. В конце отшельнического пути он становится с природой одним целым. Можно сказать, что у них общая эйка, и мудрец (вчерашний отшельник) выполняет функцию как бы толкача природы. Он перелагает на человеческий язык ее голос.

Что же пытается увидеть отшельник?

Он учится видеть, как работает природа.

Природа — учитель, он — ученик.

Чему же он учится?

Ответ вам известен, и все же мы его повторим. Вы помните, чему учил истинный учитель — учитель, который находится на уровне интуиции: он развивал

культуру мышления ученика. Только! Природа, уж наверное, не менее талантлива, чем этот учитель; следовательно, она учит не знаниям, не каким-то своим секретам — она помогает совершенствовать культуру мышления.

Еще раз подчеркнем: намеренные попытки научиться созерцанию бесперспективны. Это искусство приходит само, без принуждения. Созерцание — естественное состояние, если Добро и Красота превратились в символы и не мешают быть в природе, жить в природе, напряженно воспринимать ее Истину. Значит, бесчисленные попытки отшельника прорваться к созерцанию совершенно не нужны, и не только бессмысленны, но и затрудняют процесс слияния с природой. Но человек так устроен, что он должен сейчас, немедленно испытать себя, попробовать: вдруг получится... Вот почему мы это и описали.

33

И вот молитвой, покаянием и очищением отшельник избавился от мыслей, мотивов и стереотипов. Его способом действия стало созерцание. Оно не стоит ему ни малейших усилий. Это — его бытие. Значит, он достиг цели.

Теперь он — мудрец.

Мудрец — это человек, который мыслит себя природой.

Мудрец не думает ее — мудрец ее чувствует. Природа входит в него, минуя рассуждения (поскольку рассуждения — это инструмент здравого смысла).

Мудрец не оставляет продуктов своей деятельности — он сам ее продукт.

34

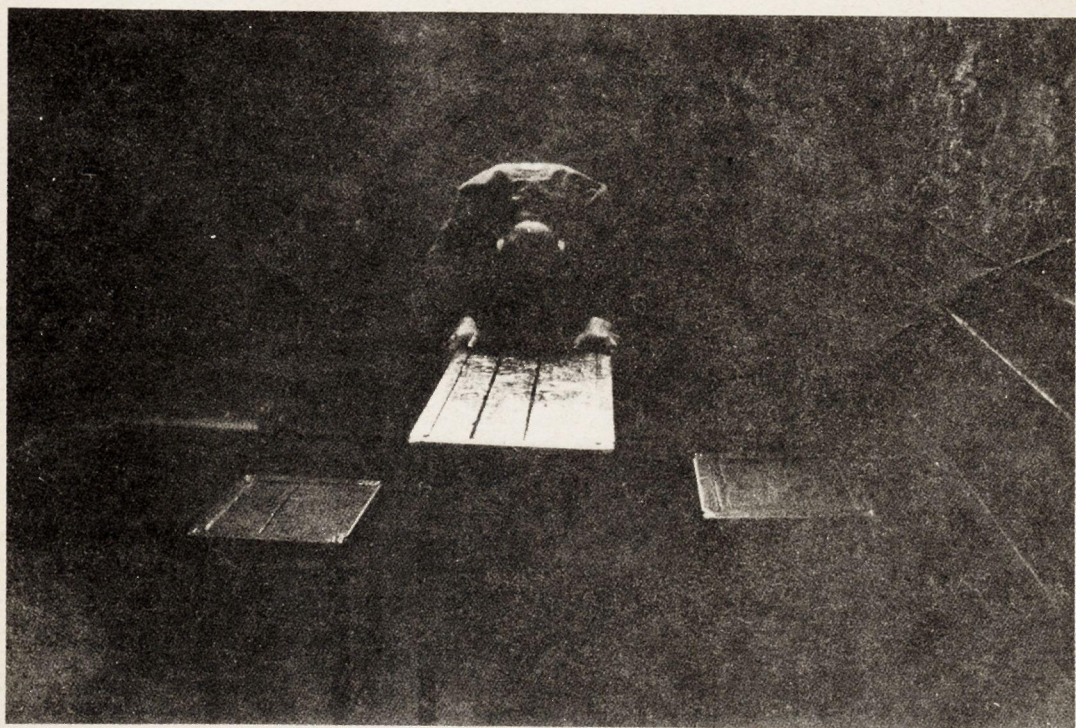
Чем же он мудрец?

Почему к нему идут за советом люди?

Потому что мудрец — это мыслящая машина, дающая способ восстановления целостности.

Для него нет проблем малых и нет больших; людей — интересных и неинтересных, значительных и незначительных, умных и дураков. Для него все равны — и ко всем он относится одинаково ровно. Есть страждущие его совета — значит, Бог послал; нет — он даже и не задумается, отчего их нет: у него всегда есть работа.

Он не судит. Никого. Ни добрых, ни злых. Для него чернота перетекающая монада злых и добрых сил — привычная картина человеческой души. Он знает, сколько черноты скрывается за сиянием святости, и какие здоровые зерна ждут

своего часа в заскоружлой душе. Он помнит божеское обещание: «Аз воздам», — и вполне полагается на слово Господа. В отличие от нас он не верит в тупиковую ситуацию «черного человека», он всегда подскажет, как вылечиться от апсии, — потому он и мудрец, и мы, зная, что никогда не достигнем таких вершин, смиренно склоняем перед ним свою гордыню и не настаиваем на своей категоричности. Перед ним — нет; она припасена для вас. Простите: иначе не умеем.

Что для него созерцание?

Одной ногой он стоит на опоре — символе Добра, другой ногой на опоре — символе Красоты. И кайлом культуры мышления долбит скалу Истины.

(Помните? — когда он еще только отважился на одиночество, эта скала высилась далеко впереди. Значит, искус одиночества — отшельничества — завершился, когда он достиг этой скалы и смог прикоснуться к Истине. Впервые в жизни именно к Истине; потому что все, что он знал до сих пор, было в лучшем случае правдой).

Его культура мышления в постоянной, ежесекундной, непрерывной работе. И при этом совершенствуется, самозатачиваясь, как зубы бобра.

Только не подумайте, что он специально размышляет о чем-то грандиозном или вечном, пытается решить неразрешимые загадки бытия. Нет и нет! Он просто живет. Если хотите — как растение. Но в отличие от говорящего растения — бабки Матрены, он — растение, мыслящее природу. Вернее, он ее чувствует, но это чувство мгновенно, без сопротивления (ведь у него общий с природой рабочий энергопотенциал!) превращается в мысль.

Еще раз повторим: он просто живет.

Живет, созерцая.

Потому что он не мыслитель, он — мудрец. У них принципиально разные способы деятельности. Потому что мыслитель имеет цель; он бьется, разгрызает проблемы. А для мудреца все это в таком далеком прошлом...

35

И вот к нему приходит человек. За советом. Можно с уверенностью сказать, что люди прихо-

дят к мудрецу только с нравственными проблемами. Это и естественно: даже самые сложные интеллектуальные и эстетические задачи под силу нам самим; как вы помните, уже в самой задаче — если она осмыслена — содержится ее решение (как гармония в дисгармонии); мы это знаем; мало того, мы чувствуем: достаточно соответствующим образом наладить свою эпк (поднять энергопотенциал, лучше освоить материал задачи, взглянуть на нее с другой стороны) — и задача будет решена.

Объяснение этому простое. Интеллектуальных задач (если их классифицировать) — по пальцам перечесть. Эстетических — на порядок больше. И самое важное его достоинство в том, что человек может их решить достаточно точно; настолько точно, что задача для него умрет. Когда чувство умирает в мысли — это типичный пример решенной интеллектуальной и эстетической задачи. И мысль, в свою очередь, умирает, материализованная в действии, механизме, произведении искусства.

Другое дело — нравственные проблемы. Их — бесчисленное множество. Сколько людей, предметов и явлений — столько и нравственных проблем. И сложнейшие из них — между людьми. Человек бесконечен, а наши возможности решать проблемы — ограничены, поэтому максимум, на что мы можем рассчитывать в отношениях с другими людьми, — это компромисс. Большинство компромиссов нам ничего не стоит; мы привычно, не задумываясь, находим общий знаменатель с человеком, который нас не интересует, с которым лишь случайно свела нас судьба. Следовательно, речь идет о конфликтах с людьми, которые находятся на нашей территории; либо мы — на их.

Постоянная общность территории есть в трех случаях: 1) семейном, 2) производственном, 3) социальном (малая группа — например, соседи по дому; большая группа — социальное неравенство; еще больше — национальный вопрос).

Чтобы не было конфликтов, достаточно соблюдать главное нравственное правило: отдавать. И подавляющее большинство

людей живут по этому правилу. Либо хотя бы по нему жить. Ведь в него укладывается вся общечеловеческая мораль! Но, увы, есть очень много людей, установка которых противоположная: брать, хапать, грести под себя. Лидер среди них — «черный человек»; масса, которую он ведет, — обыватели; их идеал — потребление. Каждый из этих обывателей готов захватить хоть весь мир, но силенок у них мало, унести они могут — совсем ничего. Да и страшно! Страшно надорваться, страшно получить по рукам. Ах, как же они завидуют «черному человеку», его силе и наглости! Они не могут, как он, но охотно бегут за ним, подражают, стараются жить по его программе. Правда, при этом, чтобы не бодела душа, приходится постоянно практиковаться в облагораживании зла, но в этом они быстро достигают больших успехов. В какой-то момент возникает ощущение (у них — тоже), что они сравнялись со своим образцом — стали «черными людьми», но достаточно им потерпеть серьезную неудачу, тем более — крах, как их совесть обнажается из-под обломков потребительской брони огромной кровотокающей раной. А вот у «черного человека» так не бывает никогда. Собственный крах приносит ему мазохистское наслаждение — ведь это тоже разрушение! — и он бросается с топором и факелом на новые подвиги с еще большей энергией.

Значит, конфликт возникает оттого, что гусеница объедает лист — и он умирает.

Нельзя брать ниоткуда, ни за чей счет, никому не причиняя зла. И как ни облагораживай это зло — раньше или позже, а за это удовольствие придется платить.

Вот мы и выяснили обе категории людей, входящих к мудрецу:

1) Те, чья целостность была разрушена извне (они «жили по совести» — отдавали);

2) Те, чья целостность была разорвана изнутри (это экологический феномен: только гребя под себя, только потребляя — оставляешь вокруг себя смертоносную пустыню; как бы старуха ни вознеслась, ее судьба — остаться с разбитым корытом).

Первых ведет к мудрецу обиды, вторых — раскаяние.

Как мы уже говорили, мудрец не жалеет и не судит.

Крах человека (отрицательные эмоции!) всегда сопровождается истощением энергопотенциала. Истощению до такой степени, что это может закончиться неожиданным угасанием («ведь был такой молодой! — и вдруг умер...»), самоубийством, метастазированным раком. Но даже если до этого не дошло — он все равно уже не способен видеть свою задачу: как восстановить разбитую целостность.

Он переживает задачу как боль. А боль можно понять, лишь переведя это чувство в мысль, — что стоит, как вы знаете, немалых энергетических затрат.

Мудрец видит задачу страждущего сразу. А увидеть задачу для него равнозначно получению ответа. Это делается просто: своей культурой мышления он отделяет от скалы Истины кусок, который абсолютно точно закрывает рану страждущего, восстанавливая целостность.

Значит, он не утешает — морализаторство ему чуждо; он не врачует — это может сделать только сам человек. *Он задает способ действия.* И страждущий не сомневается в этом совете, потому что как бы ни был мал энергопотенциал, но разглядеть, что в совете мудреца — Истина, — способен каждый.

Для каждого человека — единственные слова, индивидуальный способ действия.

Вот почему советом мудреца не может воспользоваться никто другой. То, что для страждущего — Истина, для других будет в лучшем случае Правдой, а скорей всего — банальностью. Вот почему после мудрецов не остается ничего, кроме восторженной памяти спасенных ими людей.

36

Мы судим о людях по следам, которые они оставили на глине жизни. По продуктам их деятельности.

Продукт деятельности мудреца — слово.

Что мы знаем о нем?

Оно — Истина; но истина не всеобщая, а точно адресованная; истина, восстанавливающая конкретную целостность — эпк страждущего.

Следовательно, в этом слове должен быть колоссальный энергопотенциал (ведь чтобы целостность разладилась, ее нужно прежде всего энергетически истощить). Если подумать — в этом слове должен быть ключ и к восстановлению психомоторики: ведь мышцы могут нарастать, лишь когда есть скелет! Наконец, какая же новая целостность без новой критичности? Как человек, не имея ее, поймет (даже владея спасительным для себя способом действия), где границы дозволенного?..

Значит, Истину, воплощенную в слове мудреца, можно представить в виде зерна новой эпк.

Вся его энергия сконцентрирована в этом слове. Вся его культура мышления. Вся жизнь. В одном слове. В каждом.

А если учесть, что оно абсолютно точное и единственное, то можно считать, что мудрец указывает ту самую точку опоры, с помощью которой вчерашний отчаявшийся, изломанный, сброшенный в ничтожество человек может перевернуть землю.

Слово — мера мудреца.

(Напомним: слово раба — сигнал, слово потребителя — знак, слово творческого человека — действие. Гений, если ему посчастливится, на максимальном взлете эпк может на несколько мгновений потерять цепи раба природы и произнести слово, как мудрец. Его устами будет говорить сама природа. Значит, этим словом будет смысл).

37

Остается выяснить последнее: где в иерархии одаренных личностей находится мудрец?

Выше таланта — несомненно. Талант работает матрицей, которая недалеко ушла от индивидуального шаблона потребителя, а мудрец о таком примитивном инструменте и думать забыл. Следующий уровень — гении, инструмент которых, кстати, такой же, как и у мудреца — культура мышления. Так, может, мудрец — это всего лишь разновидность гения?

Чтобы разобраться в этом вопросе, нужно свести вместе гения и мудреца. В мировой истории такое не раз случалось. Мы рассмотрим всем известный феномен знаменитых старцев из Оптиной пустыни.

К ним шла вся Россия, но мы возьмем только интересующие нас, кстати, самые известные, самые разительные примеры: к ним ездили Николай Гоголь, Федор Достоевский, Лев Толстой. Величайшие гении, прозорливцы, учителя человечества — они оставили о своих визитах к старцам восторженные воспоминания. Как о людях, которые намного выше их. Почему эти воспоминания неконкретны, можно сказать — чисто эмоциональны, вы уже знаете: пересказать беседу и совет мудреца практически невозможно: переложенные на слова для других, эти беседы и советы теряют индивидуальность и энергию, — попросту говоря, становятся банальными. А гении словесности ощущали это лучше кого бы то ни было — и никогда бы себе такого не позволили. Значит, они были вынуждены ограничиться эмоциональной формой передачи информации как единственно возможной. Но остаются вопросы:

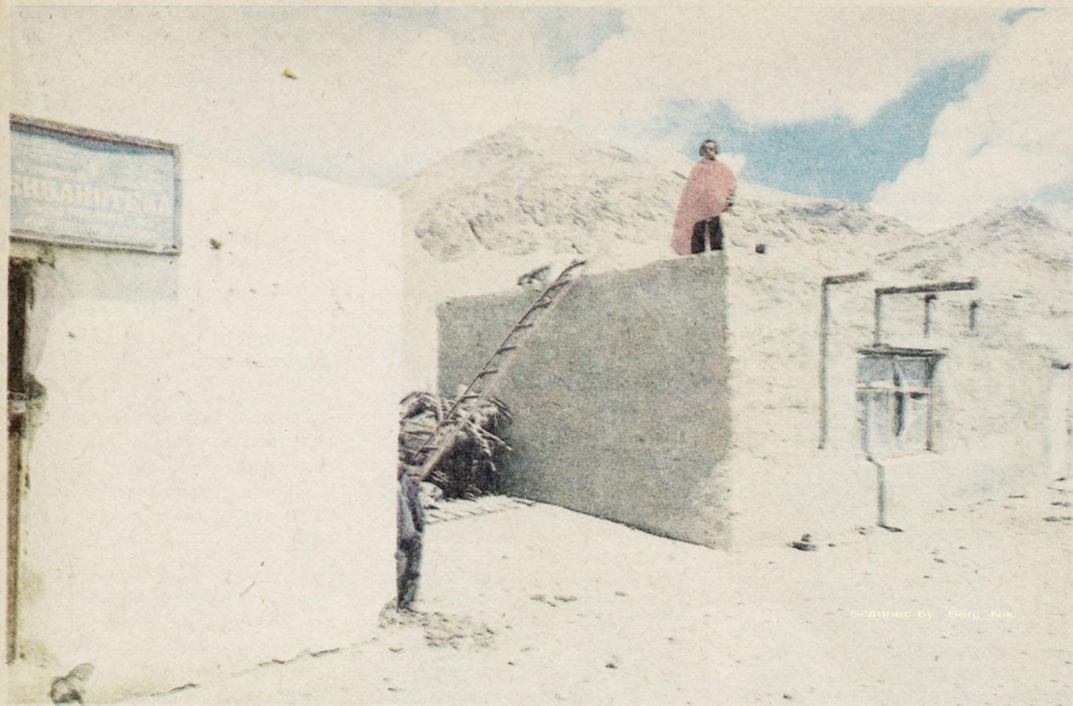
1) Что искали — и находили — у старцев (значит, своими силами не могли этого найти) Гоголь, Достоевский и Толстой?

2) Почему они неоднократно возвращались в Оптину пустынь и даже подолгу живали в ней?

Ответ на первый вопрос очевиден: гении словесности отправлялись в Оптину пустынь, чтобы преодолеть нравственный кризис. Но хотя этот кризис был личным — причина его была вне. Их души ощущали пока никак не видимые тучи, которые все плотней сгущались над Россией, стоящей уже у подножия голофы, на которую ей предстояло взойти в XX веке. Гоголь первым услышал топот и ржание пока далеких аполлипсических коней. Тщетные попытки либо заглянуть вперед, за холм голофы, либо найти другой, не крестный путь истощили его энергопотенциал. И только у старцев Оптиной он нашел утешение и силы. Ему стало хорошо. Лично ему. И он запомнил эти счастливые минуты просветления и последующие дни, полные спокойствия, уверенности и предчувствия возвращения способности к привычной плодотворной работе.

То же — Достоевский и Толстой.

Но зачем понадобилось воз-

вращаться и жить там? Ведь тебе открыли твою истину, тебе подсказали способ действия, который приведет тебя к полноценной жизни...

Чем больше гений — тем больше освоенная им территория, тем чутче он ощущает этот мир, тем сильнее боль, которую он чувствует как свою. Гений так устроен, что куда бы он ни спрятался — эта боль будет сфокусирована на нем; она прожжет любую суперкомфортную раковину, сколь угодно толстую монастырскую стену. Она везде достанет его! Вот почему советы старцев, увы, для Гоголя, Достоевского и Толстого имели локальное действие. Временное. Их было достаточно, чтобы восстановиться, но едва это происходило, как вселенская боль вновь фокусировалась на обновленной душе — и все начиналось сначала.

И тогда писатель понимал: нужно не себя лечить — нужно общество лечить. И снова отправлялся к старцам, чтобы получить способ действия уже не для себя — для народа, для родины.

38

Если следовать логике, если помнить о специфике задач, с

которыми работали старцы, — можно утверждать, что писатель ехал навстречу разочарованию. Разочарованию в старцах. Ведь вопросы, с которыми он явился к ним в первый раз, сводились к врачеванию души — предмета естественного, мыслящей материи природы. А теперь он хотел врачевать общество — искусственное образование, построенное на договоре; проще говоря — на всеобщем компромиссе, смягчающем деформацию природы человека. Этот материал, как все неестественное, был чужд старцам. И дело тут не в компетенции. Просто экономические законы, за трактовкой которых теперь к ним явились, описывают жизнь не самой природы, а природы вторичной — природы человеческого общества. Истина, от которой брали старцы, не годилась для этих задач, потому что была совсем из иного материала. Ею нельзя было восстановить эту целостность.

Повторяем: если следовать логике, разочарование в старцах было неминуемо. Но его не случилось. Ни у кого. Ни разу.

Так что же там происходило? Полагаем — сократовские бедствия (маевтика).

Напомним, как работал Сок-

рат. Он сразу знал истину и ставил собеседника в такие ситуации, чтобы тот осознал свое заблуждение и двигался к истине самостоятельно. Истина была конечным продуктом; промежуточным — укрепившаяся культура мышления.

Это универсальный прием, и вряд ли старцы выдумывали нечто особенное. Ведь простота — один из краеугольных камней триады (простота, ясность, точность), которой мудрец неизменно следует.

Если при первой встрече старцы называли Истину в виде способа действия, который должен был излечить больную душу, то при повторной это было невозможно: ведь Истина — одна! И повтор ее так же скучен старцу, как и страждущему. Значит, мудрец должен применить такое действие, которое изменяется во времени — саморазвивается в сторону Истины, — следовательно, ему никогда не грозит опасность повториться.

Это действие — культура мышления.

Значит, не имея возможности помочь непосредственно Истиной, старцы предоставляли Гоголю, Достоевскому, Толстому свою культуру мышления, поль-

зуюсь которой те *избавлялись от заблуждений.*

Вывод: гений — это всего лишь промежуточное состояние человека на пути к вершине, на которой стоит мудрец.

39

Теперь можно и признаться, почему, вдруг прервав описание технологии творчества, мы рассказали вам о мудреце.

Человек не может долго идти во мраке тоннеля, если не видит свет в его конце. Огромные энергетические потери на ожидание — непомерная плата за эту дешевую интригу. К тому же у нас появилось опасение, что кое-кто может принять нас за новоявленных Данко. Мол, ведут — лишь бы вести, а куда — и сами не знают.

Так вот теперь вы убедились, что маршрут нам известен точно. Мы с вами стартовали от подножия горы — с уровня раба; на вершине — мудрец. Мы вовсе не агитируем вас подняться на самый верх — это мало кому по силам; да и по вкусу — лишь с определенного возраста; ведь не случайно же — за редчайшим исключением — мудрецами становились лишь к старости. Но вы должны знать, что вершина — доступна; что только на этой вершине человек обретает полную свободу; что только здесь покой и счастье становятся синонимами. (Надеюсь, вы понимаете, что речь идет только о душевном покое).

Напомним ступени, по которым поднимался наш герой, выходясь из рабства.

На уровне эмоций он был рабом ситуации.

На уровне чувств — рабом гармоний.

На уровне интуиции — рабом природы.

И только на вершине он вырывается из рабства, становится свободным. Он живет по законам природы. Между ними нет трения. И счастье — обязательный эмоциональный фон работающей культуры мышления — его: постоянное состояние.

Таков диапазон:

на одном полюсе раб — говорящее орудие,

на другом — мудрец — говорящая природа.

Продолжение следует

В Е Р Н И С А Ж

Известность к Юре пришла совершенно неожиданно. В «Комсомолке» была опубликована его фотография. Несколько месяцев в редакцию поступали письма от заинтересованных читателей, которые спрашивали: чем занимается изображенный на снимке молодой человек в костюме и с каменным топором на плече?.. Ответить барышням было нечего, потому что данный молодой человек (то бишь Юра) в тот момент ничем таким не занимался. Просто оказался (случайно!) в редакции и помог чем мог — популяризовал журналистам.

Дело в том, что Козырев к тому времени закончил свое обучение (правда, так и не закончив его формально) в институте иностранных языков и пытался найти себя, сначала исполняя роль Ромео в известной пьесе, а потом бдительно охраняя дом-музей одной выдающейся актрисы...

Было, правда, еще одно занятие, которое ему нравилось, но мало ли что кому нравится. Заметим, что эта сентенция не лишена смысла, но Юра очень скоро сам же ее и опроверг. Теперь он член жюри, участник и лауреат разнообразных конкурсов, если это имеет хоть какое-то значение, а на самом деле хороший фотограф, мастеровитый и мудрый не по годам, ведь ему только двадцать семь.

Самое удивительное в этой истории то, что он миновал (хотя возможно ли?) период ученичества и сразу стал снимать так, что фотографиями не пришлось украшать домашний интерьер. Их печатали. Правда, не все. Четыре года назад, когда он занялся этим делом, с гласностью было так же, как теперь с хлебом, — случались перебои. И снимки (их хвалили, но называли «чернухой») откладывали до лучших времен. Какие теперь времена — одному Богу известно, но снимает он по-прежнему «чернуху», а на самом деле — нашу с вами жизнь.

Юрий Сергеев

Р Е К Л А М А

Кооператив «Проект» объявляет конкурс «Гармония личности».

Вас ждут призы:

Первая премия — турпутевка в ФРГ;

Три вторых премии — телевизор «Электрон»;

Пять третьих премий — по 500 рублей;

50 поощрительных призов — редкие книги.

Желающие принять участие в конкурсе должны выполнить следующие условия:

I тур — вам необходимо выслать любую свою фотографию, на которой вы выглядите наиболее красиво (до 20 марта с. г.)

II тур — напишите и пришлите рассказ на любую тему, подчеркивающий ваш ум, богатство языка и души (после 20 марта до 10 апреля с. г.)

Прошедшие эти два тура о последующих этапах конкурса будут оповещены дополнительно.

Материалы I и II туров желательно высылать по отдельности (согласно вышеуказанным срокам), квитанцию почтового перевода на 2 рубля нужно выслать с материалом I тура, обязательно вкладывать и конверт с обратным адресом. Наш расчетный счет № 000461098 в ОПЕРУ Агропромбанка г. Николаева МФО 326148. Адрес: 327040, г. Николаев-40, а/я 98. На конверте просим указывать номер тура — I или II.

От редакции. Надеемся, дорогие читатели, что вы поняли, что конкурс устраиваем не мы, а кооператив «Проект». Поэтому просьба: со всеми вопросами обращаться по адресу кооператива. Юридическую ответственность за конкурс несет «Проект».

Как стать бизнесменом?

Технологическая школа бизнеса Ассоциации внешнеэкономического сотрудничества коммерческих организаций СССР («ТБС» — АСКО) и «Ст. М.» объявляют набор в заочную студию-практикум маркетинга, менеджмента, предпринимательства.

Итак, как стать бизнесменом?

А нужно ли? Но увольте от бессмысленных споров. Времена заката солнца вручную (мы-то, наивные, думали: вознесения к зениту!) не вернуть. И слава Богу! Возвращаемся к нормальной циркуляции светил и жизни.

Места под солнцем хотите? Нет, не надейтесь, как прежде, на доброго дядю с портрета. Не подарит. Жизнь стала суровее. Ни студенческий билет, ни заветный диплом, ни даже трудовая книжка уже не гарантируют безоблачного существования.

Да, это отчасти плохо. Но это реалии. О них, как и о вкусах, спорить бесполезно. Нужно научиться жить по законам нового общества. Если, конечно, хочется выжить.

Вот почему «Ст. М.» считает своим долгом помочь читателям — старшеклассникам, студентам, молодым специалистам — адаптироваться к доселе неведомым нормам цивилизованной жизни, в которой, как известно, есть рынок, товар, деньги, конкуренция, коммерция, бизнес.

Этому, по нашему замыслу, должен послужить практикум «Как стать бизнесменом?». Он поможет овладеть основами менеджмента и маркетинга, познакомит с азами профессиональной деятельности менеджера и коммерсанта, даст необходимые приемы и навыки для успешного управления коллективом.

Но... нужно ли это читателям «Ст. М.»? Возможно, наша тревога за вашу судьбу в круто изменившейся жизни напрасна?

Поэтому редакция договорилась с научным советом «ТБС» — АСКО провести для начала вступительный экзамен. С одним отличием от традиционного: каждый, принявший в нем участие, то есть заполнивший «Анкету слушателя» и ответивший на вопросы теста-разминки (вне зависимости от результатов ответов), может считать себя зачисленным на заочный факультет «ТБС» — АСКО.

Тест-разминка «Стратегия-Несс» взят из специального управленческого тренинга «Бизнес-Арсенал». Им пользуется для конкурсного отбора Технологическая школа бизнеса. Итак, приступим?

Внимательно прочитайте весь тест. Затем возвратитесь к начальным условиям, прочтите их снова, и по своему усмотрению выберите одну из трех конечных целей: А, Б или В (эти цели — будущее вашей фирмы).

Отметьте (обведите) выбранный вариант цели на бланке «Анкеты». Затем определите принципы, при помощи которых, на ваш взгляд, возможно достичь конечной цели (они обозначены номерами с 1 по 26).

Помните: тест — своего рода загадка, проверка вашей коммерческой сметки, предпринимательской логики, наконец, сообразительности. Поэтому пусть не смущает формулировка отдельных принципов задания: авторы сознательно пытаются где-то запутать вас, подстроить «ловушку». Вот и докажите, что быть бизнесменом (пусть будущим) — не лаптем щи хлебать!

Укажите как минимум то количество принципов, которого требуют условия выбранного вами варианта. Номера принципов также обведите в контрольных графах «Анкеты». Не забудьте вписать их для себя в свободные строчки, после текста выбранного вами варианта.

Не исключено, что появится несколько вариантов ответа. Выберите оптимальный, отметьте его. Остальные варианты не уничтожайте, а пришлите их вместе с основным, перерисовав отрезной талон-анкету.

И еще одно признание. Тест «Стратегия-Несс» предлагается подготовленным слушателям Технологической школы

Анкета слушателя

Фамилия _____ Имя _____

Отчество _____ Возраст _____

Образование _____

Место работы (учебы) _____

Должность (факультет) _____

Домашний адрес (индекс, телефон) _____

бизнеса. Мы (редакция «Ст. М.» и научный совет «ТБС» — АСКО) долго спорили: не слишком ли сложной окажется разминка? Потянут ли читатели? Но все-таки решили: раз испытывать, так по серьезному счету!

Так что дерзайте. Ни пуха, как говорится, ни пера!

Тест-разминка «Стратегия-Несс»

I. Начальное условие:

В настоящее время вы — владелец фирмы «Несс» по производству компьютеров. В штате фирмы — 200 человек. Объем выпускаемой продукции — 10 тысяч компьютеров в год. Ваша фирма испытывает жесточайшую конкуренцию. Но вы не намерены уступать соперникам. У вас есть ясная

II. Конечная цель:

Вариант А. Фирма «Несс-1» (через год)

Вы — владелец фирмы «Несс-1», продукция которой пользуется спросом. Объем ее реализации составляет 12 тысяч компьютеров в год. Вы достигли этого за счет банкротства конкурентов и удачных действий в рекламе. Выбрав эту цель, укажите не менее пяти принципов:

Вариант Б. Фирма «Несс-5» (через 5 лет)

Вы — владелец фирмы «Несс-5» по производству компьютеров, пользующихся большим спросом. Объем реализованной про-

дукции 226 тысяч штук в год. Открыто 2 филиала в Америке и Канаде. Успехов достигли в первую очередь за счет применения новейшей технологии. Выбрав эту цель, укажите не менее восьми принципов:

Вариант В. Фирма «Несс-15» (спустя 15 лет)

Вы — владелец фирмы, одной из ведущих в отрасли, выпускающей в год 6,2 миллиона компьютеров, имеете филиалы в 60 странах мира. Фирма достигла расцвета за счет применения сверхсовременной технологии, новейших открытий, грамотных методов управления. Выбрав эту цель, укажите не менее 12 принципов:

III. Принципы достижения конечных целей:

1. Обеспечивать потребителей товарами при любых обстоятельствах.
2. Разрабатывать новые и лучшие товары, хотя они требуют больших затрат и времени.
3. Предоставлять возможность все решать менеджерам: это быстрее, и вы за это им платите.
4. Обращаться с людьми так, как вы бы хотели, чтобы обращались с вами.
5. Сохранять стабильные цены, даже при жесткой конкуренции.
6. Вступать в новую индустрию, так как финансовые гири обещают быстрый доход при минимальном риске.
7. Оценивать людей за длительный промежуток времени.

8. Не заботиться о развитии служащих, пока вы не решите собственных задач или пока ваша фирма не наберет «нужных оборотов».

9. Создавать самоуправляемые рабочие группы, так как это приводит к более высокому нравственному состоянию.

10. Быть стойким приверженцем долгосрочных планов, невзирая на жесткую конкуренцию.

11. Пытаться зарабатывать на быстрой распродаже продукции при удачной рекламе.

12. Достигать близких целей вопреки всему, если это несет прибыль.

13. Создать такое обслуживание потребителей, которое порождает бы повторный бизнес.

14. Стимулировать людей за поиск способов более эффективной работы.

15. Использовать своевременное вознаграждение.

16. Определить несколько ключевых моментов, важнейших для долгосрочного успеха.

17. Регулярно модернизировать производство, вкладывать деньги в новые и лучшие способы работы, даже если это требует значительных затрат.

18. Не уделять внимания разработке новых товаров и услуг, кроме случаев, когда прибыль высока, а риск минимален.

19. Уделять особое внимание своим предчувствиям, что часто является результатом фактов, скопившихся в подсознании.

20. Браться лишь за такие дела, для выполнения которых у сотрудников фирмы есть знания и умения.

21. Повышать либо снижать цены ради достижения текущих целей, в зависимости от конкуренции.

22. Подчеркивать, что качество — ключ к повышению производительности труда.

23. Инвестировать в основные исследования, новые товары, предприятия, оборудование, даже если это не сразу принесет прибыль.

24. Понимать, что люди, непосредственно связанные с какой-либо работой, знают о ней больше, чем другие, и использовать их.

25. Уменьшать расходы до минимума, стремясь к экономии.

26. Использовать в большей мере старое оборудование, так как это дешевле нового.

Ответы на тест-разминку «Стратегия-Несс»

Конечные цели

А
Б
В

Принципы достижения

1 2 3 4 5 6 7 8 9
10 11 12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25 26

Отметьте (обведите) выбранные вами варианты конечной цели и принципы их достижения. Вырежьте «Анкету слушателя» и отправьте в редакцию «Ст. М.» до 15 марта с пометкой на конверте «ТБС» — АСКО.

Юрий Анненков. Дневник моих встреч

Николай Гумилев

Н. С. Гумилеву

На обложке — набросок лица...
Это все знакомство с тобою.
Но смотрю теперь без конца
На твое лицо дорогое.

Отчего с тех горчайших лет
К этим дням протянуты нити?
Ты всю жизнь — любимый поэт,
Ты всегда и друг и учитель.

И стихов твоих нежный груз,
Как свечу при жизни несую,
О тебе — убитом — молюсь.
По тебе, как живом, тоскую.

Нонна Белавина

Оттого я люблю Гумилева,
Что, ошибки и страсти влача,
Был он рыцарем света и слова
И что вера его горяча.

Николай Оцуп

С Николаем Степановичем Гумилевым я встречался сравнительно редко, хотя знал его в течение долгих лет и был с ним в дружбе. Нас разлучила война 1914 года. Героический и искренний патриот, Гумилев сразу же после ее объявления ушел добровольцем в действующую армию и за свое бесстрашие был даже дважды награжден Георгиевским крестом.

Своим характером и своей биографией Гумилев сильно отличался от других русских поэтов его времени. Если, например, Александр Блок, любивший путешествовать, посещал Германию (Бад-Наугейм, Берлин), Италию (Милан, Равенну, Пизу, Флоренцию, Перуджию, Сполето, Сеттиньяно и столь знакомую мне Венецию), Бельгию, Голландию, Францию (Париж, окрестности Биарица и так близкий мне север Бретани), то — Лаперуз, да Гама, Колумб и мечтатель Гумилев, кроме Франции (где он был студентом Сорбонны), Италии (Рим, Неаполь, Болонья, Пиза, Генуя, Падуя, Венеция, Фьезоле...), Англии, Швеции, Норвегии, — много странствовал по экзотическим и древним просторам Африки.

Африка... захватывала Гумилева более страстно, чем Венеция, чем Фьезоле, чем Европа. Отсюда — его цикл стихотворений «Шатер», «Красное море», «Египет», «Сахара», «Суэцкий канал», «Судан», «Абиссиния», «Галла», «Сомалийский полуостров», «Либерия», «Мадагаскар», «Замбези», «Да-

мара», «Экваториальный лес», «Дагомей», «Нигер»...

Но, будучи героем и искателем приключений, Гумилев, может быть, именно поэтому предвидел и свой трагический конец.

Вспоминаю два его стихотворения:

Заблудившийся трамвай

...В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими,
Здесь, в ящике скользком, на самом дне...

И еще:

Рабочий

...Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.
Упаду, смертельно затоскую,
Прошное увижу наяву.
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву...

За участие в мировой войне, а главное — за его любовь к родине, большевики, в те годы резко отстранявшиеся от нее и проповедовавшие Интернационал, прозвали Гумилева «цепной собакой кровавой монархии». Несмотря на это, Гумилев вернулся после большевистской революции из-за границы, где в тот период он находился при отряде русских войск во Франции, и прожил первые годы советского режима и гражданской войны в красном Петербурге и даже был близко знаком с некоторыми большевистскими представителями власти. Так, я встречал его у председателя Петросвета (что-то вроде советского петербургского губернатора) молодого Бориса Каплуна, где мы порой засиживались вместе с Евгением Замятым, Всеволодом Мейерхольдом и с молчаливо-мечтательной красавицей, балериной Ольгой Спесивцевой, которой Каплун оказал большую услугу, выдав ей бумаги на выезд за границу, где она вскоре стала первой балериной, «звездой» в театре Парижской оперы. Студент Технологического института Каплун сделал свою административную карьеру благодаря одной случайности: он был племянником Урицкого (основатель ЦК) и регистратором сына Зиновьева (или — наоборот). К революции он относился без всякого интереса, но очень увлекался вопросами искусства и литературы. В качестве влиятельного партийца Каплун сделал много страшных вещей, но много и очень добрых (я стараюсь быть объективным). Однако, несмотря на это, спасти Гумилева ему не удалось. Что стало впоследствии с Каплуном, мне неизвестно.

Я не могу все же не рассказать об одном трагическом дне, проведенным мною в Петербурге с Гумилевым, Каплуном и одной девушкой. Чрезвычайное увеличение смертности петербургских граждан благодаря голоду, всякого рода эпидемиям и отсутствию лечебных средств, а также недостаточное количество гробов, выдававшихся тогда «напрокат» похоронным отделом Петросвета, навели Каплуна на мысль построить первый в России крематорий. Это казалось ему своевременным и прогрессивным. Каплун даже попросил меня нарисовать обложку для «рекламной брошюры», что я и сделал. В этом веселом «проспекте»

приводились «временные правила о порядке сожжения трупов в петроградском государственном Крематориуме» и торжественно объявлялось, что «сожженным имеет право быть каждый умерший гражданин».

Борис Каплун вообще отличался своеобразной изобретательностью. Так, в те же годы он печатно обратился «к целому ряду писателей и драматургов с предложением написать пьесы на тему о продовольственной нужде РСФСР и о необходимости всемирной поддержки голодающих частей республики», добавив, что подобный «план агитации при помощи *театрализации лозунгов Наркомпрода* (Народный Комисариат Продовольствия) поможет ему в его продовольственной политике».

Не знаю, помогли ли эти пьесы Наркомпроду (ему помогла щедрая американская организация АРА), но некоторым «драматургам», откликнувшимся на воззвание Каплуна, они принесли несомненную материальную поддержку...

Я не забуду тот морозный день, или, вернее, те морозные сумерки 1919 года: было около 7 часов вечера. Мы сидели в обширном кабинете Каплуна, в доме бывшего Главного штаба, на площади Зимнего дворца (в будущем — площади Урицкого).

Комната была загромождена всякого рода замочными отмычками, отвертками, ножами, кинжалами, револьверами и иными таинственными орудиями грабей, взломов и убийств, предметами, которые Каплун старательно собирал для будущего петербургского «музея преступности». В одном углу были сложены винтовки и даже пулемет.

Укутанная в старую шаль поверх потертой шубы, девушка грелась, сидя в кресле у камина, где пылали березовые дрова. У ее ног на плюшевой подушке отдыхал огромный полицейский пес, по-детски ласковый и гостеприимный, счастливо уцелевший в ту эпоху, когда собаки, кошки и даже крысы в Петербурге были уже почти целиком съедены населением. За бутылкой вина, извлеченной из погребя какого-то исчезнувшего крупного буржуа, Гумилев, Каплун и я мирно беседовали об Уитмене, о Киплинге, об Эдгаре По, когда Каплун, взглянув на часы, схватил телефонную трубку и крикнул в нее:

— Машину!

Это был отличный «мерседес», извлеченный из гаража какого-то ликвидированного «крупного капиталиста».

Каплун объяснил нам, что через полчаса должен был состояться в городском морге торжественный выбор покойника для первого пробного сожжения в законченном крематории, и настоял на том, чтобы мы поехали туда вместе с ним. В огромном сарае трупы, прикрытые их лохмотьями, лежали на полу, плечо к плечу, бесконечными тесными рядами. Нас ожидали там дирекция и администрация крематория.

— Выбор предоставляется даме,— любезно заявил Каплун, обратившись к девушке.

Девушка кинула на нас взгляд, полный ужаса, и, сделав несколько робких шагов среди трупов, указала на одного из них (ее рука была, помню, в черной перчатке).

— Бедная,— шепнул мне Гумилев,— этот вечер ей будет, наверное, долго сниться.

На груди избранника лежал кусочек грязного картона с карандашной надписью:

Иван Седякин.

Соц. пол.: Нищин.

— Итак, последний становится первым,— объявил Каплун и, обернувшись к нам, заметил с усмешкой: — В общем, довольно забавный трюк, а?

На возвратном пути, в «мерседесе» девушка неожиданно разрыдалась. Гумилев нежно гладил ладонью ее щеки и бормотал:

— Забудьте, забудьте, забудьте...

В том же году, в Доме Искусств, на Мойке, поздним вечером Гумилев, говоря о «тяжелой бессмыслице революции», предложил мне «уйти в мир сновидений».

— У нашего Бориса (Б. Каплун),— сказал Гумилев,— имеется банка с эфиром, конфискованная у какого-то чернобиржевика. Пойдем подышать с нами?

Я был удивлен, но не отказался. От Мойки до площади Зимнего дворца было пять минут ходьбы. Мы поднялись в квартиру Каплуна, где встретили также очень милостивую девушку, имя которой я запомнил. Гумилев рассказывал Каплуну о цели нашего позднего прихода. Каплун улыбнулся. — А почему бы и нет? Поюхаем!

Девушка тоже согласилась.

Каплун принес из другой комнаты четыре маленьких флакончика, наполненных эфиром. Девушка села в вольтеровское кресло, Гумилев прилег на турецкую оттоманку; Каплун — в кресло около письменного стола; я сел на диван чипендалевского стиля; мебель в кабинете председателя Петросвета была довольно сборная. Все поднесло флакончик к носу. Я — тоже, но «уход в сновидения» меня не привлекал: мне хотелось только увидеть, как это произойдет с другими, и я держал флакончик так же, как другие, но твердо заткнув горлышко пальцем.

Раньше всех и не сказав ни слова, уснула девушка, уронив флакон на пол. Каплун, еще почти вполне трезвый, и я уложили девушку на диван.

Гумилев не двинулся. Каплун закрыл свой флакончик, сказал, что хочет «заснуть нормальным образом», и, пристально взглянув на Гумилева, пожал мне руку и вышел из кабинета, сказав, что мы можем остаться в нем до утра.

Гумилев лежал с закрытыми глазами, но через несколько минут прошептал, иронически улыбаясь: — Начинаю грезить... вдыхаю эфир...

Вскоре он действительно стал впадать в бред и произносить какие-то непонятные слова, или, вернее, сочетания букв. Мне стало не по себе, и, не тревожа Гумилева, я спустился по лестнице и вышел на площадь, тем более что кабинет Каплуна начал уже заполняться эфирным запахом.

Гумилев очень нравился женщинам: он всегда был элегантен, даже в советскую пору, всегда слегка надменен. Но я никогда не слышал, чтобы он повышал голос. Его надменность была надменностью художника.

«Поэт в минуты творчества должен быть обладателем какого-нибудь ощущения, до него неосознанного и ценного. Это рождает в нем чувство катастрофичности, ему кажется, что он говорит свое последнее и самое главное, без познания чего не стоило земле и родиться»,— писал Гу-

Николай Гумилев

милов в заметке, озаглавленной «Читатель», и продолжал:

«Это совсем особенное чувство, иногда наполняющее таким трепетом, что оно мешало бы говорить, если не сопутствующее ему чувство *победности*, сознания того, что творишь совершенные сочетания слов, подобные тем, которые некогда воскрешали мертвых, разрушали стены».

О читателе Гумилев писал несколько иначе:

«Прежде всего каждый читатель глубоко убежден, что он авторитет; один — потому, что дослужился до чина полковника, другой — потому, что написал книгу о минералогии, третий — потому, что тут и хитрости никакой нет: нравится — значит хорошо, не нравится — значит плохо... Картина безотрадная, неправда ли?... Однако может быть иной читатель, читатель друг... Он переживает творческий миг во всей его остроте... Для него стихотворение дорого во всей его материальной прелесть... Прекрасное стихотворение входит в его сознание, как непреложный факт, меняет его, определяет его чувства и поступки. Только при условии его существования поэзия выполняет свое мировое назначение облагораживать людскую породу. Такой читатель есть, я по крайней мере видел *одного*».

Гумилев был поэтом для поэтов и для подлинных ценителей поэзии, и его роль в развитии русской поэзии (и не только акмеистской) чрезвычайно существенна.

Ближайшими поэтическими спутниками Гумилева были Осип Мандельштам, Георгий Иванов и Анна Ахматова, ставшая женой Гумилева в 1910 году и расставшаяся с ним в 1918 году. Ряд стихотворений в ее первых сборниках («Вечер», 1909—1911 и «Четки», 1912—1914) навеян ее чувствами к Гумилеву.

Гумилев учился в Царскосельской гимназии, директором которой был в то время Иннокентий Анненский. Влияние Анненского на раннюю поэзию Гумилева очень заметно; сам Гумилев признавался в этом и посвятил Анненскому несколько стихотворений.

По окончании гимназии Гумилев уехал в Париж, и там в 1908 году вышла книга его стихов «Романтические цветы», посвященных Анне Андреевне Горенко, то есть Ахматовой.

В 1918 году, разведясь с Ахматовой, Гумилев женился на Анне Николаевне Энгельгардт, шутило прозванной «Аппе II», и поселился в Петербурге, на Мойке, в Доме Искусств, приютившем уже Акима Вольнского, Мариетту Шагинян, М. Слонимского, иногда — зимой — С. Нельдихена, скрывавшегося там от холода; В. Шкловского и некоторых других представителей литературного мира. В Доме Искусств (где была устроена очень дешевая, а в некоторых случаях и бесплатная, столовая для деятелей искусства) постоянно происходили литературно-художественные собрания, доклады, прения, споры. Там помещалась также литературная студия, давшая весьма серьезные результаты. Из «класса поэзии», руководимого Гумилевым, вышла среди других Ирина Одоевцева. «Класс художественной прозы», руководимый Евгением Замятиным, сформировал писательскую группу «Серапионовых братьев». При ближайшем участии Гумилева в той же Студии возникла организация «Цех Поэтов», выпустившая в Петербур-

ге, а затем в Берлине (в издательстве С. Ефрона) несколько сборников поэзии и статей, посвященных поэтическому творчеству. Благодаря энергии Гумилева, Замятина, Чуковского и Горького Дом Искусств в короткий срок стал подлинным центром интеллектуально-художественной жизни Петербурга.

Член Совета Дома Искусств художник Добужинский запечатлел на нескольких прекрасных рисунках «двор Дома Искусств», двор, в котором каждое утро выносились жбан, наполненный разорванными черновиками рукописей обитателей и постоянных посетителей Дома Искусств. Мне кажется теперь, что гораздо полезнее было бы передавать эти рукописи в Пушкинский дом Академии наук, чем выбрасывать в сорные ящики.

В один из июльских вечеров 1921 года в литературном клубе на Литейном проспекте, в доме Мурузи (где раньше помещалась библиотека Пестовского, отца поэта Владимира Пяста, моего товарища по гимназии), было у меня назначено свидание с Гумилевым. Мы условились, что я сделаю там с него портретный набросок, предназначенный для книжки его стихов, которая должна была выйти в издательстве З. И. Гржебина. Гумилев, однако, не пришел, что меня крайне удивило, так как он был чрезвычайно точен и всегда сдерживал свои обещания. На следующий день, утром, зайдя к Гумилеву в Дом Искусств, я узнал, что он был накануне арестован. Через несколько недель на облупившихся стенах петербургских улиц появились печатные извещения о состоявшемся 24 августа (через 17 дней после смерти Александра Блока) расстреле участников «таганецкого заговора», и в их числе поэта Николая Гумилева, обвиненного в составлении и редактировании контрреволюционных заговорщицких прокламаций. Еще позже стало известно, что Гумилев на допросе открыто назвал себя монархистом и что он встретил расстрельщиков улыбаясь.

В дополнение я считаю нужным привести свидетельство одного из близких друзей Гумилева, Георгия Иванова, который рисует внутренний облик погибшего поэта:

«Он по-настоящему любил и интересовался только одной вещью на свете — поэзией... Люди, близкие к нему, знают, что ничего воинственного, авантюристического в натуре Гумилева не было. В Африке ему было жарко и скучно, на войне мучительно мерзко, в пользу заговора, из-за которого он погиб, он верил очень мало... Он твердо считал, что право называться поэтом принадлежит только тому, кто в любом человеческом деле будет всегда стремиться быть впереди других, кто глубже других зная человеческие слабости — эгоизм, ничтожество, страх — должен будет преодолевать в себе ветхого Адама. И от природы робкий, тихий, болезненный, книжный человек, он приказал себе быть охотником на львов, солдатом, награжденным двумя Георгиями, заговорщиком, рискующим жизнью за восстановление монархии, и то же, что со своей жизнью, он проделал над своей поэзией. Мечтательный, грустный лирик, он сломал свой лиризм, сорвал свой не особенно сильный, но необыкновенно чистый голос, желая вернуть поэзии ее прежнее величие и влияние на души — быть звенящим кинжалом, жечь сердца людей».

Вспоминая некоторые интимные беседы с Гумилевым во время наших встреч с глазу на глаз, я

должен согласиться с характеристикой, сделанной Георгием Ивановым. И если Николай Оцуп писал, что «в современной русской поэзии только Гумилев может быть назван теоретиком классицизма»; что «акмеист, по Н. Гумилеву, равномерно и наиболее интенсивно напрягает все свои человеческие способности для миропознания» и что «такой художественный темперамент нельзя не признать классическим»; что «вся деятельность Н. Гумилева, как теоретика и поэта, носит печать классицизма», а также, что «мы находимся в стадии развития классицизма, чему больше других послужил Н. Гумилев», — то лично мне, несмотря на редкое совершенство поэзии Н. Гумилева, ближе всего в ней те стихотворения, которые наиболее далеки от классицизма, а родственны творчеству А. Ахматовой, Г. Иванова, И. Одоевцевой...

Пример:

Телефон

Неожиданный и смелый
Женский голос в телефоне,—
Сколько радостных гармоний
В этом голосе без тела!

Счастье, шаг твой благосклонный
Не всегда проходит мимо:
Звонче лютни серафима!¹
Ты и в трубке телефонной.

Или:

Сомнение

Вот я один в вечерний тихий час,
И буду думать лишь о вас, о вас.

Возьмусь за книгу, но прочту: «она»,
И вновь душа пьяна и смятена...²

...Вот там, у клумб, вы мне сказали «да».
О, это «да» со мною навсегда.

¹ Опять вспоминается Пушкин.
² Здесь — что-то Блокское:
А ты душа... душа глухая...
Пьяным пьяна... Пьяным пьяна...

ЛИРА-91

Лев Котюков

В. Муссалитину

Свет на снегу

1
Горящие окна на раннем снегу,
За окнами смутные лица...
Зайти?! Попроцаться?! Но
сердцем боюсь
Навек ненароком проститься.
И вот привокзальным бреду
пустырем,
И поздно обратно вернуться...

И смутно, и горько, и как-то
легко,
Что ждут меня — и не
дождутся.

2

Отчего я забыть не могу
Белый свет фонарей на снегу
Возле старого дома.
Отчего не могу я понять,
Что нельзя ничего потерять
И вернуться обратно.

Но грядущее время мое
Бьется веткой в пустое жилье
И не слышит ответа.
Первый снег и невидимый
И горит электрический свет
До скончания мира...

И вдруг сознание бросит мне в ответ,
Что вас, пожалуй, не было и нет,

Что ваше «да», ваш трепет у сосны,
Ваш поцелуй — лишь бред весны и сны.

Или стихотворение «Разговор», посвященное Г. Иванову:

Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливым,
Где над людской толпой потрескивает газ,
И слушать, светлое потягивая пиво,
Как женщина поет «La p'tite Tonkinoise...».

Но все же рядом с этим и несмотря на утверждение Г. Иванова, что в Африке Гумилеву «было жарко и скучно», нельзя не вспомнить одно из его последних стихотворений, написанное уже через год после возвращения в Советский Союз и напечатанное в посмертном сборнике «К Синей Звезде»:

...Ах, бежать бы, скрыться бы, как вору,
В Африку, как прежде, как тогда,
Лечь под царственную сикомору
И не подыматься никогда...

И, наконец, еще позже, за месяц до своего расстрела, Гумилев, предчувствуя свой отрыв от земли, но не желая верить в несуществование после смерти, переходит к «заумному» языку Хлебникова и пишет:

На Венере, ах, на Венере,
Нету слов обидных и властных,
Говорят ангелы на Венере
Языком из одних только гласных.

Если скажут еа и аи
Это радостное обещанье,
Уо, ао — о древнем рае,
Золотое воспоминанье.

Читая эти стихи, я вспомнил ночь, проведенную у Каплуна, Кто знает: может быть, в ту ночь Гумилев, побывав «в мире сновидений», видел уже Венеру и слышал ангелов, говоривших только одними гласными?

В публикации сохранена авторская орфография.

* * *

Вот и кончилось лето,
Огород в беспорядке.
Огуречные плети
Вяло стыннут на грядке.

Низкий дым — к непогоде,
Что-то сбудется вскоре...
Наше время уходит
Через дыры в заборе.

Я прорехи в заборе
Горбылем забиваю,
Что-то сбудется вскоре.
Что-то будет?.. Не знаю...

Что-то сбудется вскоре,
Что-то будет со всеми?..
Через щели в заборе
Пробивается время.

Фото из семейного архива

Предисловие

Сегодняшний молодой человек, конечно, слышал о гонениях на Михаила Булгакова и на его произведения, но относит их в далекое прошлое, в 20—30-е годы, когда жил писатель. Между тем все это продолжалось гораздо дольше и кончилось совсем недавно. В начале восьмидесятых мы в редакции решили познакомить наших читателей с ранним Булгаковым и для этого взяли несколько его фельетонов той поры, когда он работал в «Гудке». К сожалению, подборка Булгакова-фельетониста, как

это ни кажется нынче диким, дальше «верстки» не пошла. Всесильная цензура сказала свое веское запретительное слово. А в редакции «Ст. М.» возникло еще одно «дело». Когда вы прочтете соседние страницы, то весьма и весьма удивитесь, вас будет мучить вопрос: к чему же тут цепляться? Что же такое разъярило недреманное око? Разумного ответа не найти. Такова была та страшная реальность, в которой имя Михаила Булгакова на протяжении десятилетий встречало одну и ту же реакцию: не пущать! Что же, посмеемся над булгаковскими страницами, посмеемся над страшным временем.

Булгаков начинал работать в газете сначала хроникером, затем литографчиком и, наконец, с конца 1923 года фельетонистом. Об этом периоде его работы в «Гудке» Юрий Олеша впоследствии вспоминал: на фельетон у него обычно уходило, «включая сюда и курение, и посвистывание, от восемнадцати до двадцати минут. Переписка его на машинке, включая сюда и хихиканье с машинисткой,— восемь минут. Словом, в полчаса все заканчивалось...» За время работы в газете Михаилом Булгаковым опубликована едва ли не сотня фельетонов. Его газетные публикации не утратили злободневности и по сей день.

Они хотят свою образованность показать...

...и всегда говорят о непонятном!

А. П. Чехов

Какие-то чудачки наши докладчики! Выражается во время речи иностранными словами, а когда рабочие попросили объяснить — он, оказывается, сам не понимает!!

Рабкор Н. Чуфыркин

В зале над тысячью человек на три сажени стоял пар. И пар поднимался от докладчика. Он подъезжал на курьерских к концу международного положения.

— Итак, дорогие товарищи, я резюмирую! Интернациональный капитализм в конце концов и в общем и целом довел свои страны до полной прострации. У акул мирового капитализма одно соображение, как бы изолировать Советскую страну и обрушиться на нее с интервенцией! Они используют все возможности, вплоть до того, что прибегают к диффамации, то есть сочиняют письма, якобы написанные тов. Зиновьевым! Это, товарищи, с точки зрения пролетариата, — моральное разложение буржуазии и ее паразитов и камерлакеев из Второго Интернационала!

Оратор выпил полстакана воды и загремел, как труба:

— Удастся ли это им, товарищи? Совершенно наоборот! Это им не удастся! Капиталистическая вандея, окруженная со всех сторон волнами пока еще аморфного пролетариата, задыхается в собственном соку, и перед капиталистами нет другого исхода, как признать Советский Союз, аккредитовав при нем своих полномочных послов!!

И моментально оратор нырнул вниз, словно провалился. Затем выскочила из кресла его голова и предложила:

— Если кто имеет вопросы, прошу задавать.

В зале наступила тишина. Затем в отдалении зашевелилась в самой гуще и вышла голова Чуфыркина.

— Вы имеете, товарищ? — ласково обратился к нему с эстрады совершенно осипший оратор.

— Имею, — ответил Чуфыркин и облокотился на спинку переднего стула. Вид у Чуфыркина был отчаянный. — Ты из меня всю кровь выпил!

Зал охнул, и все головы устремились на смельчака Чуфыркина.

— Сижу — и не понимаю, жив я или уже помер, — объяснил Чуфыркин. В зале настала могильная тишина.

— Виноват. Я вас не понимаю, товарищ? — оратор обидчиво скривил рот и поbledнел.

— В голове пузыри буль-буль, как под водой сидишь, — объяснил Чуфыркин.

— Я не понимаю, — заволновался оратор. Председатель стал подниматься с кресла.

— Вы, товарищ, вопрос имеете? Ну?

— Имею, — подтвердил Чуфыркин, — объясни — «резюмирую».

— То есть как это, товарищ? Я не понимаю, что объяснить?..

— Что означает, объясни!

— Виноват, ах, да... Вам не совсем понятно, что значит «резюмирую»?

— Совершенно непонятно, — вдруг крикнул чей-то измученный голос из задних рядов. — Вандея какая-то. Кто она такая?

Оратор стал покрываться клюквенной краской.

— Сию минуту. М-м-м... Так вы про «резюмирую». Это, видите ли, товарищ, слово иностранное...

— Оно и видно, — ответил чей-то женский голос сбоку.

— Что обозначает? — повторил Чуфыркин.

— Видите ли, резю-зио-ми-ми... — забормотал оратор. — Понимаете ли, ну вот, например, я, скажем, излагаю речь. И вот выводы, так сказать. Одним словом, понимаете?..

— Черти серые, — сказал Чуфыркин злобно. Зал опять стих.

— Кто серые? — растерянно спросил оратор.

— Мы, — ответил Чуфыркин, — не понимаем, что вы говорите.

— У него образование высшее, он высшую начальную школу кончил, — сказал чей-то ядовитый голос, и председатель позвонил. Где-то засмеялись.

— «Интервенцию» объясните, — продолжал Чуфыркин настойчиво.

— И «диффамацию», — добавил чей-то острый пронзительный голос сверху и сбоку.

— И кто такой камер-лакей? В какой камере?!

— Про Вандею расскажите!!

Председатель взвился, начал звонить.

— Не сразу, товарищи, прошу по очереди!

— «Аккредитовать» не понимаю?!

— Ну, что значит аккредитовать? — растерялся оратор. — Ну, значит, послать к нам послов...

— Так и говори!! — раздраженно забасил кто-то на галерее.

— «Интервенцию» даешь!! — отозвались задние ряды.

Какая-то лохматая учительская голова поднялась и, покрывая нарастающий гул, заявила:

— И, кроме того, имейте в виду, товарищ оратор, что такого слова — «использовывать» в русском языке нет! Можно сказать — использовать!

— Здорово! — отозвался зал. — Вот так припаял! Шкраб, он умеет!

В зале начался бунт.

— Говори, говори! Пока у меня мозги винтом не завилило! — страдальчески кричал Чуфыркин. — Ведь это же немислимое дело!!

Оратор, как затравленный волк, озираясь на председателя, вдруг куда-то провалился. Багровый председатель оглушительно позвонил и выкрикнул:

— Тише! Предлагается перерыв на десять минут. Кто за?

Зал ответил бурным хохотом, и целый лес рук поднялся кверху.

Банщица Иван

В бане на станции Эсино Муромской линии в женский день, пятницу, неизменно присутствует один и тот же банщик дядя Иван, при котором посетительницам бани приходится раздеваться, пользуясь тазами вместо фиговых листьев.

Неужели нельзя поставить в пятницу в баню одну из женщин, работающих в ремонте?

Рабкор

Предисловие

До того неприлично про это писать, что перо опускается.

1. В бане

— Дядя Иван, а дядя Иван!

— Што тебе? Мыло, мочалка имеется?

— Все имеется, только умоляю тебя, уйди ты к чертям!

— Ишь какая пряткая, я уйду, а в это время одежду покрадут. А кто отвечать будет — дядя Иван. Во вторник мужской день был, у начальника станции порцгар свистнули. А кого крыли? Меня, дядю Ивана!

— Дядя Иван! Да хоть отвернись на одну секунду, дай пробежать!

— Ну ладно, беги.

Дядя Иван отвернулся к запотевшему окошку предбанника, расправил рыжую бороду веером и забурчал:

— Думаешь, невидаль какая. Чудачка тоже. Удовольствие мне, что ли? Должность у меня уж такая похабная... Должность заставляет.

Женская фигура выскочила из простыни и, как Ева по раю, побежала в баню.

— Ой, стыдобушка!

Дверь в предбанник открылась, выпустила тучу пара, а из тучи вышла мокрая, распаренная старушка, тетушка дорожного мастера. Старушка выжала мочалку и села на диванчик, мигая от удовольствия глазами.

— С легким паром, — поздравил ее над ухом сиплый бас.

— Спасибо, голубушка. Спас... Ой! С нами крестная сила. Да ты ж мужик?!

— Ну и мужик, дак что... Простыня не требуется?

— Казанская божья мать! Уйди ты от меня со своей простыней, охальник! Что ж это у нас в бане делается?

— Что вы, тетушка, бушуете, я же здесь был, когда вы пришли!

— Да не заметила давеча я! Плохо вижу я, бесстыдник. А теперь гляжу, а у него борода как метла! Манька, дрянь, простыней закройся!

— Вот мученье, а не должность, — пробурчал дядя Иван, отходя.

— Дядя Иван, выкинься отсюда! — кричали женщины с другой стороны, закрываясь тазами, как щитами от неприятеля.

Дядя Иван повернулся в другую сторону, оттуда выгнали. Дядя Иван плюнул и удалился из предбанника, заявив зловеще:

— Ежели что покрадут, я снимаю с себя ответственность.

2. В пивной

В воскресный день измученный недельной работой дядя Иван сидел за пивом в пивной «Красный Париж» и рассказывал:

— Чистое мученье, а не должность. В понедельник топить начинаю, во вторник всякие работники моются, в среду которые с малыми ребятами, в четверг просто рядовые мужчины, в пятницу женский день. Женский день мне самый яд. То есть глаза б мои не смотрели. Набьется баб полные бани, орут, манатки свои разбросают. И, главное, на меня обижаются, а я при чем? Должен я смотреть или нет, если меня приставили к этому делу.

Должен! Нет, хуже баб нету народа на свете. Одна и есть приличная женщина — жена нашего нового служащего Коверктова. Аккуратная бабочка. Придет, все свернет, разложит, только скажет: «Дядя Иван, провались ты в преисподнюю...». Одно нехорошо: миловидная такая бабочка с лица, а на спине у ней родинка, да ведь до чего безобразная, как летучая мышь прямо, посмотришь, плюнуть хочется...

— Чт-о-о-о-о? Какая такая мышь?.. Ты про кого говоришь, рыжая дрянь?

Дядя Иван побледнел, обернулся и увидел служащего Коверктова. Глаза у Коверктова сверкали, руки сжимались в кулаки.

— Ты где ж мышь видал? Ты что же гадости распространяешь? А?

— Какие гадости, — начал было дядя Иван и не успел окончить.

Коверкотов подошел к нему вплотную и...

3. В суде

— Гражданин Коверкотов, вы обвиняетесь в том, что 21 марта сего года нанесли оскорбление действием служащему при бане гражданину Ивану.

— Гражданин судья, он мою честь опозорил!

— Расскажите, каким образом вы опозорили честь гражданина Коверктова?

— Ничего я не позорил... Чистое наказание.

Михаил Булгаков-гимназист.
Киев, 1908 г.

Прошу вас, гражданин судья, уволить меня с должности банщицы. Сил моих больше нет.

Судья долго говорил с жаром, прикладывая руки к сердцу, и дело кончил мировой.

Через несколько дней дядю Ивана освободили от присутствия в пятницу в женской бане и назначили вместо него женщину из ремонта.

Таким образом, на станции вновь наступили ясные времена.

Не свыше...

На ст. Бирюлево Ряз.-Ур. ж. д. рабочие постановили не допускать торговли вином и пивом в кооперативе, в котором наблюдается кризис продуктов первой необходимости.

Рабкор

Не хочу!

— Да ты глянь, какая рябиновая. Крепость не свыше, выпьешь половинку, закусишь, не будешь знать, где ты — на станции или в раю!

— Да не хочу я. Не желаю.

(Пауза).

— Масло есть?

— Нету. Кризис.

— Тогда вот что... Сахарного песку отвесь.

М. А. Булгаков. 1916 г.

— На следующей неделе будет...

— Крупчатка есть?

— Послезавтра получим.

— Так что же у вас, чертей, есть?

— Ты поосторожней. Тут тебе кооператив. Чертей нету. А вот транспорт вин получили. Такие вина, что ахнешь. Государственных подвалов Азербайджанской республики. Автономные виноградники на Владимирских горах в Москве. Не свыше! Херес, малага, портвейн, мадера, аликанте, шабли типа бордо, мускат, порто-франко, порто-рико... № 14...

— Что ты меня искушаешь?..

— Я тебя не искушаю. Для твоей же пользы говорю. Попробуй автономного портвейна. Намедни помощник начальника купил 3 бутылки, так крушение дрезины было.

— Что ты меня мучаешь?!

— Красные столовые различных номеров. Сушие — белые, цинандали, напареули, мукузани, ореанда!..

— Перестань!

— Ай-даниль!

— Ну, я лучше пойду, ну тебя к богу!

— Постой! Рислинг, русская горькая, померанцевая, пиво мартовское, зубровка, абрау, портер...

— Ну дай, дай ты мне... Шут с тобой. Победил ты меня. Дай две бутылки рябиновой...

— Пиво полдюжины, вернуть?

— Заверни, чтоб ты сдох.

— Эх! Эх! А дрова-то все осина! Эх!.. Не горят без керосина! Плачет Дунька у крыльца!.. Ламцадрица!.. Ца, ца!

— Хорош... Где ж ты так набрался?

— Ах... Ряби... би-би... В кипи... кипиративе...

— Граждане! Заявляю вам прямо... Нету больше моих сил. Плачу, а пью!.. Мукузани... Единственное средство — закрыть осиное гнездо!..

— Осиное!..

— Осиное гнездо с бутылками. Сахару нету, а почему в противовес московская малага есть? Позвольте вам сделать запрос: заместо подсолнечного предлагают цинандали не свыше — 1 р. 60 к. бутылка...

— Правильно!

— Прекратите!

— В полной мере не допускать!

— Я — за!

— Секретарь, пиши резолюцию...

Динамит!!!

Прислали нам весной динамит для взрыва ледяных заторов. Осталось его 18 фунтов, и теперь наш участок прямо не знает, что с ним делать. Взрыва боимся, и отослать его не к кому. Наказание с этим динамитом! *Рабкор*

На всех видных местах в управлении службы пути висели официальные надписи:

«Курить строжайше воспрещается».

«Громко не разговаривать».

«Сапогами не стучать».

Кроме того, на входных дверях железнодорожного общежития висела записка менее официального характера:

«Ежели ваши ребяташки не перестанут скакать, я им уши повырываю с корнем. Иванов седьмой».

На путях за семафором висели красные сиг-

налы и надписи: «Не свистеть».

«Скорость шесть верст в час».

Поезда входили на станцию крадучись, с тихим шипением тормозов, и в кухнях вагон-ресторанов заливали огонь. Охрана шла по поезду и предупреждала:

— Гражданчики, затушите папироски. Тут у них динамит на станции.

— Я тебе кашляну (шепот), я тебе кашляну.

— Простудился я сильно, Сидор Иваныч.

— Я тебе простужусь. Бухает, как в бочку! Ты мне тут накашляешь, что у меня взлетит вся станция на воздух.

— Наказание с этим динамитом, Сидор Иваныч.

— А ты сапогами не хлопай, вот и не будет наказания.

— Где вы его держите, Сидор Иваныч? — спрашивал приезжий.

— В гостиной, на квартире. В мокрую тряпку его завернули — и под диван.

— Как табак, стало быть?

— Хорошенький табак. Это собачья каторга, а не жизнь. Детишек пришлось к тетке отправить. Они обрадовались, ангелочки. Начали прыгать: «Папа динамит привез, папа динамит привез...» Выдрал их, чертей полосатых, и отправил гостить.

— Долго ль до греха!

— Вот то-то. Дежурство пришлось устроить. Днем жена с винтовкой стоит, вечером — кухарка, по ночам — я.

— Да вы б его отправили.

— Пробовал-с. Сам завернул. Запечатал. Приношу на станцию в багажное отделение. А весов-

щик и спрашивает: «Что это у вас, Сидор Иваныч, в посылке?» Я ему отвечаю: «Да пустяки,— говорю,— не обращайте внимания, тут динамита 18 фунтов. В Омск посылаю». Так он, представьте, бросил багажное отделение, вылез в окно и убежал. Только я его и видел.

— Вот оказия!

— Мученья. Пробовал его другой дороге подарить. Написал им бумажку. Так, мол, и так: «Посылаю вам, дорогая соседка, Самаро-Златоустовская дорога, в подарок 18 фунтов динамита. Пользуйтесь им на здоровье, как желаете. Любящий тебя участок Омской дороги».

— Ну и что ж она?

Сидор Иваныч порывлся в кармане и вытащил телеграмму: «В адрес 105. Подите к чертям. Точка».

Сидор Иванович уныло повесил голову и вздохнул.

— А вы знаете что, Сидор Иваныч,— посоветовал ему приезжий,— вы б его попробовали Красной Армии подарить.

Сидор Иванович ожил:

— А ведь это идея. Как же это нам в голову не пришло.

Вечером в службе пути сочинили бумажку такого содержания:

«Глубокоуважаемый тов. Фрунзе, в знак любви к Красной Армии посылаем 18 фунтов динамита. С почтением, участок Омской дороги».

При этом была приписка: «Только пришлите своего человека за ним, опытного и военного, а то никто у нас не соглашается его везти».

Ответа от тов. Фрунзе еще нет.

П Р О Б А П Е Р А

Дмитрий Володихин

Прорыв

Рассказ

По мостовой маленького и спокойного немецкого городка, каких сотни оседлали ухоженные дороги Германии в 10—15 километрах один от другого, неслась советская пусковая установка, лязгая и выбрасывая клубы воющего дыма, натужно хрипя турбиной и щедро расбрасывая комья грязи. Ракетные «рога» тряслись в такт рывкам бронированного дракона.

Заместитель начальника расчета сержант Ярошенко от обиды закусил губу: «Позор! Позор-ор!!! Настолько отстать от колонны!» — сознание даже не могло выхватить самое отвратительное из всего: стучащие

как пулеметы клапана, постоянный занос влево, из-за которого двадцать минут назад они в щепы разнесли какой-то ветхий немецкий заборишко у дороги, масляную гарь и наивысшую вторую передачу — на третьей вместе с дымом вылетало и пламя; на любой ерундовой возвышенности самоход стабильно глох. «Урюк! Хрен ленивый! (Это относилось к мехводу — Ходжгельдыеву.) Вчера палец о палец в парке не ударил! Знал, паразит, что будет выезд и протрепался с земляками. Ну, погоди, уж я тебе выдам за троих! А пушечка будет чики-чики, лучше всех, дай срок».

— Стой!

— А-э? — мехвод повернул к нему серо-черное от пыли лицо.

— Стой, говорю.— Ярошен-

ко забухал подковками по броне, спрыгнул, встал метрах в десяти впереди пусковой и медленно отступая, стал руками показывать разворот. Пусковая с ревом и грохотом поэтапно повернула, и он вновь запрыгнул наверх. Дальше шла узкая улочка — его громиле вприпрыжку, — где окраина городка плавно растворялась во фруктовых садах. Чисто символические изгороди (кое-где их не было совсем) служили скорее украшением одно- и двухэтажных домиков, сделанных по-немецки аккуратно и добротно, всякий с претензией на красоту, большинство — с черепичными крышами, половина — под старину. Прямо над головой Ярошенко висели огромные желтые груши. Ходжгельдыев — хоть в этом шарит! — понимающе застопорил

движок. Ярошенко вмиг оттолкнулся от заборчика, подтянулся на толстом суку, оседлал его и принялся очищать хозяйские груши в карманы своего «танкового» комбинезона.

Из глубины садика появилась толстая немка с красным сердитым лицом. Она кричала какие-то злые, обидные слова и грозила пальцем. Дело запахло керосином, и Ярошенко одним прыжком очутился вновь на пусковой. Мехвод мгновенно рванул, самоход понесся вперед, оставив городку в наследство зловонную тучку.

Ярошенко был доволен: через десять минут впереди замаячили задние машины колонны, пусковая уже не съезжала постоянно влево, как окосевшая лошадь, поубавилось и дыма. А груши оказались о-о-о-о!

И тут из-за поворота шоссейки выехал «вартбург» с каким-то редкостным алкоголиком за рулем. Немцы в принципе уважительно относятся к правилам дорожного движения, нарушения караются здесь строго, но... в семье, как говорится, не без уroda. Машина выехала из стороны в сторону. Впереди по курсу стоял мощный старый мост на бетонных быках. «Вартбург», намереваясь заехать на него, неожиданно свернул к опоре, и пьяному водителю, чтобы не разбиться, пришлось адским образом вывернуть руль. «Вартбург» юзом слетел с бетонной площадки и отвесно ухнул вниз.

В эти считанные секунды Ярошенко не успел почувствовать чего-то непоправимого. Мехвод резко, без команды, остановил пусковую, и он буквально вылетел из люка боевого отделения и побежал, на ходу срывая шлемофон и комбинезон, утопая в придорожной грязи. С того самого места, откуда рухнула машина, он глянул вниз, на неожиданно всплывшую пузырями речную гладь. На миг шевельнулась в голове побочная, ненужная мысль о том, что ватные штаны потянут его ко дну, а на дворе — сентябрь месяц, но в следующую секунду Ярошенко уже летел вниз головой, вытянув руки перед собой. Он свечкой, почти без брызг, вошел в черную ледяную муть.

15 ноября 1988 г.

Марина Копылова

Осень

За мной! Сквозь парки и овраги
По скользкой глине — в дальний
лес,

Туда, где развеивает флаги
Косматый мир Страны Чудес,
Где тишь и белых мух полет,
Где лебеди трубят над миром,
Где дремлет Клязьма, спит
Владимир,
И хор в Тарасовке поет...

* * *

Обочины в иглах сосновых,
Бешеный бег облаков,
Прозрачностью очарованный
Ритм осенних стихов,
Прикрыты страницы журнала,
Забыты конспекты и письма,—
Уносимся с душных вокзалов,
Чтоб где-то в листву завалиться
И слушать, как падают листья!..

О вечности думать, о свете,
О канувших в завтра эпохах,
Идти, не жалея о лете,
По мокрой в иголках дороге,
Ухабы забиты цветами —
Последними астрами года,
Уходит на рошу дорога,
Дымится костер у порога...

Август

Август. Зябко. Туманное утро.
На излете бездумная ночь,—
Август. Шуток довольно,
быть мудрым —
Значит вовремя зерна столочь—

Зерна мудрости, зерна печали...
Где-то мельница жизни моей
Машет крыльями,—
птицы кричали,
Возвращаясь туда с полей,

Жернова побелели от пыли,
Добрый мельник там песно
поет:
«Будет хлеб — будут новые
были,
Был бы хлеб — остальное
придет...»

* * *

Страстная началась.
По переходам
Калининского — ветхие
бабульки

Канючат из-под сереньких
платочков,
С протянутой рукой наперевес.

Их голос тише песни комаринной,
Но — множим сводами — и
вот уж ничего
Не слышно, кроме вечных
и наивных:
«Подайте Бога ради... Дай вам
Бог...»

И то ль от страха перед
ненонятым,
Безликим, рукогласным
искушением,
Безбожники с разбегу
возвратятся,
Кладут в ладошки бабкам
серебро,—
И убегают дальше с робкой
верой,
Что в мире все теперь идет как
надо,
Что катастрофы обойдут
Москву
И что планета в целом уцелеет—
По крайней мере, в нынешнем
году...

Ах, милость, милость, торопись
успеть:
К полудню молодые постовые
Начнут теснить бабуль
из переходов
И не простят захвата
территорий
И на лицо надвинутых платков.

Этюд о смысле жизни

К забитым окнам жметесь ветер,
Свистит сквозь щели и пазы:
«Хочу покинуть лес столетний,
Возьми меня, вагон, возьми!»
Язык изглоданного веткой
Между колес метался, лип,
Дразнил, молил и ждал ответа
У одуванчиков и лип.
«Возьми меня!» — журчала
речка,
«Возьми меня...» — шептал
песок,—
Но, весь в рыданиях
скоротечных,
Вломился дождь...
И был предлог,—
Предлог остаться и prospаться,
Просохнуть к завтрашнему
дню...
А утром — в путь! От этих
станций
И лип, засохших на корню!

Ормос — Эгали. 1980 г.

Обретенные миры

Наверное, бессмысленное занятие словами стараться как-то зафиксировать творчество художника. Он меняется, ступень за ступенью преодолевает тот путь к вершине самовыражения, который выбрал для себя. С полным основанием можно то же самое сказать и о творчестве Вольфганга Манна (он родился в 1950 году).

Начинал с музыки. Искал в ней новые возможности. В сотрудничестве с Петером Фогелем пришел к пермутативной музыке. Ему казалось намного интереснее — путем перестановки тонов добиваться звучания дру-

гих, по сути не существующих мелодий. Такого еще не было в этом универсальном искусстве.

Все в мире тесно связано, тем более, когда речь идет об истоках творчества. Незримые нити протягиваются от одного вида искусства к другому. Музыкальные опыты Вольфганга Манна отразились и на процессе создания картин. По словам Манна, картина без конца меняется. «Я не знаю, когда работа закончена. Каждый день воспринимается по-новому. И потому получается нечто совсем другое, не то, что должно было быть. Это бесконечный процесс. И в нем весь смысл. Он и есть то, что связывает живопись с

Маленькие стулья. 1985—1987 гг.

Крит — пейзаж. 1979 г.

музыкальной пермутацией. Всюду перестановки».

Но, воплотив идею, художник идет дальше. Сегодня он уже работает иначе, стараясь избежать однозначности ранних работ. «Новые вещи для меня самого тоже проблема, и я спрашиваю себя, что у них может быть общего с прежними сложными картинами. То есть со всеми этими верхними и нижними пластами... Я понимаю свои новые работы как увеличенный микромир старых картин. Из них можно взять и увеличить какой-нибудь один сантиметр, и тогда получится что-то иное...»

Вольфганг Манн однажды сказал, что может рисовать то, что делает сейчас, в виде аб-

стракции, но не хочет этого. Почему, в чем причина? Ему стало приятно, когда люди узнают себя на полотне. По его мнению, изображать человека, комнату, где он живет, совершенно абстрактно, значит следовать существующему трафаретному зрительному образу, о котором знает каждый, а именно с 1910 года живопись стала абстрактной, беспредметной, одухотворенной.

По мнению Манна, трафаретные абстрактные образы слишком распространены. «Конечно, в картинах всегда было что-то зашифровано. Всегда существовали символы... Но сегодня привычные образы в картинах сплошь абстрактны. Работа на

компьютере и т. д., повсюду одни квадраты... Но конечно, я рисую предметно не поэтому, а потому, что вижу так. Я использую то, что вижу вокруг. Сознательно, хотя иногда и бессознательно, я вожу свою кисть, изображая детали». Вот, например, ему говорят: смотри, какой прелестный дом. А он просто не воспринимает дома, потому что вокруг него деревья, и они, на его взгляд, являются собой такой яркий образ, что дом не замечается. И совершенно неважно, дом ли это, чашка или часть тела. Его интересует сам покров, и именно это он пытается изобразить в своих работах. «Я так вижу, а видят ли это другие, мне довольно-таки все равно».

Жан Рей

СМЕРТЬ ЛЮДОЕДА

Фантастический рассказ

Вряд ли кто смог бы объяснить, почему в 1911 году съезд фольклористов решили провести именно в Рамбуе, осенней резиденции президента Французской Республики.

Поговаривают, что это было любезностью со стороны папаши Фальера, которому хотелось сменить туманные октябрьские деньки столицы на солнышко Русильона, под которым чудесное молодое вино славно играет в бокалах и сердцах. Сначала предполагалось, что съезд продлится четыре дня, но на приглашение откликнулось слишком мало ученых, и его убавили до двух дней. Участникам съезда предоставили старинный театральный зал в правом крыле замка. В последнюю минуту серьезная авария на электростанции вывела из строя освещение, и было решено проводить заседания только в дневные часы. Центральное отопление тоже отказало, наверное из солидарности, поэтому в монументальном камине впервые за последние тридцать лет был разложен огонь, но клубы дыма, вместо того чтобы уходить в трубу, устремились в зал.

Президент Республики не приехал, и обслуживающий персонал был сведен до минимума: осталось лишь несколько угрюмых сторожей, весьма недовольных тем, что кто-то посмел покушаться на их привычный распорядок жизни. Указаний они никаких не получили и затеяли игру в прятки, так что их было почти невозможно отыскать.

Ожидалось, что на съезд прибудет человек триста со всех концов Европы, но приехало только сто, к тому же три четверти из них оказались французами. К довершению всех несчастий, организатор съезда, помощник министра Фрей, накануне открытия отказался от председательства, сославшись на приступ свирепого гриппа.

Это было шито белыми нитками, ибо все знали, что сей очаровательный чиновник впал в немилость, сразу лишившись власти и доверия.

В первый день после полудня, *post meridiem*, если воспользоваться ученым языком, человек шестьдесят французов и несколько иностранцев отбыли в свои пенаты. На дневном заседании присутствовало всего тридцать человек. Все они были в отвратительном расположении духа: в гостинице им подали ужасный завтрак, за который пришлось к тому же платить, ибо бедняга Фрей слишком многое упустил из виду.

В зале заседаний, сразу пропахшем дымом и копотью, гуляли сквозняки, поэтому участникам пришлось услаждать себя разглагольствованиями профессора Аристиды Сентома о дольменах Бретани, закутавшись в пальто.

Сам Сентом был действительно болен гриппом

и не мог произнести ни одной фразы, не прервав ее кашлем, чихами и сморканьем.

Кроме того, никто не позаботился поставить на попитр черного дерева традиционный графин воды...

Месье Альбен Тюиль оказался единственным бельгийцем, оставшимся на своем посту. Его соотечественники — лежец Сервен и брюсселец Леемпол — сбежали после того, как им пришлось заплатить целых пятнадцать франков за порцию недоваренной телятины и крохотный графинчик кислото вина. Альбен Тюиль остался, надеясь произвести сенсацию, ибо он прибыл из своего родного Гента на новеньком «панар-лавассоре». Это был автомобиль ослепительного красного цвета, раскрашенный всяческими медными штучковинами и носивший гордое название «электрического ландо». За рулем его восседал Петрус Снепп, одетый в громадную куртку из шевро и увенчанный фуражкой с золотым шитьем. Тюиль почти ничего не смыслил в фольклоре: он был владельцем большого лакокрасочного завода, держал солидный пакет акций различных крупных предприятий и состоял, сверх того, членом городского муниципалитета.

В свое время он публиковал в городском еженедельнике крохотные эссе об обычаях древнего Гента. По ним прошла рука корректора и сделала их более или менее приемлемыми. Кроме того, он написал книжечку в тридцать страниц «Полтора месяца смуты в Гентской области». Ее отпечатали тиражом в двести экземпляров на голландской бумаге. Тюиль украсил их пространными дарственными надписями и разослал влиятельным людям, которые могли быть полезными ему.

— Вам стоит принять участие в съезде в Рамбуе, — посоветовали ему друзья. — Можете заработать «Академические пальмы».

И Тюиль явился на собственном автомобиле с крепышом Петрусом Снеппом за рулем. По пути добрые люди восхищенно глазели на сверкающий экипаж.

В гостинице гентский фольклорист свел знакомство с двумя собратьями, тоже иностранцами: Людвигом Буманном из Ганновера и Джеймсом Петриджем из Брайтона.

За завтраком месье Тюиль отказался от дежурных блюд и сделал заказ по карточке, что, несомненно, стоило дороже. Он взял форель семужного посола и бекаса, истинно королевскую пищу по соответствующей цене, оросив их винами знаменитых лет, «Вуврэ» 1887-го и «Шато-Марго» 1885-го.

Правда, ему слегка не хватало общества, а потому заметив завистливые взгляды соотечественников, Сервена и Леempoла, он пригласил к столу соседей — Буманна и Петриджа.

К кофе он потребовал шартрез. Не таррагонский, а настоящий французский, лучших лет, изготовленный до того, как зловецкий Комб изгнал из Франции монахов-картезианцев. «Вуврэ» и «Шато-Марго» ударили ему в голову, и он изложил свое мнение довольно громким голосом, что зажгло гневные огоньки в глазах некоторых соседей-французов. Герру Буманну, правда, больше хотелось эльзасского кирша, а мистеру Петриджу — виски. Тюиль любезно заказал оба напитка.

Они пропустили дневное заседание, предпочтя чиханию профессора Сентома партию в вист. Альбен Тюиль разыгрывал из себя демократа, а потому пригласил четвертым партнером своего шофера.

На улице лило как из ведра, а ветер валил с ног. Тюиль распорядился принести большой графин ромового пунша и отличные сигареты, разумеется, контрабандные. И тут же дал метрдотелю подробные указания насчет ужина, заказав рисовую запеканку с телятиной, фазана и свежего омара.

— Только хорошенько заморозьте «Клико»!

— Я думаю пробыть здесь до завтра, — сказал герр Буманн.

— Я тоже, — произнес Петридж.

— А какая завтра программа? — осведомился Альбен Тюиль, желавший показать, что он заинтересован в работе съезда.

— Утром осмотр замка и садов, разбитых Лентром, — ответил англичанин.

— Во второй половине дня месье Фенестранж расскажет о Людоде, — добавил немец.

Вечером они распили несколько бутылок «Клико». Должное количество перепало на долю Петруса Снеппа, и наутро все четверо встали с головной болью.

Осмотр замка и садов не состоялся. К тому же явился сокрушенный метрдотель и сообщил, что после завтрака его заведение закрывается. Он-то ведь рассчитывал на многочисленных участников съезда и гостей, но их приехало так мало, что ничего другого сделать ему не оставалось. Бедняга весьма сожалел и долго извинялся.

На завтрак подали холодные остатки ужина, обильно залитые майонезом.

— После дневного заседания поедем вместе, — предложил Тюиль своим друзьям. — В машине найдется место для вас обоих.

Приглашение было принято с благодарностью.

В громадном зале сидело не более двадцати слушателей.

Войдя в зал, трое приятелей заметили, что обстановку слегка изменилась: позади трибуны к стене была прислонена большая картина. Видимо, ее взяли из провинциального музея. На медной пластинке было выгравировано: «Багаж Людодеда» — Тимoleon Лобришон — Салон 1874 года. «Багаж» представлял собой громадный парусиновый заплочный мешок, из которого выглядывало пять или шесть заплаканных девочек.

Почти тут же на кафедру поднялся докладчик, месье Фенестранж из Дурдана, и начал велелично превозносить картину.

— Поглядите, господа, на личико этих несчаст-

ных, искаженные страданием и страхом, и скажите, разве не сжимается у вас сердце, разве не охватывает вас ужас при мысли, что эти невинные жертвы появляются в жареном или вареном виде на столе Людодеда, этого чудовища старых сказок!

Альбен Тюиль и его друзья уселись в первый ряд. Позади них в креслах скучали немногочисленные фольклористы, солидные люди с брезгливыми лицами.

Петрус Снепп покинул «Отель де Пренс» последним, потому что выпил вместе с метрдотелем несколько рюмок. Он забрался в глубину зала, где никому не мешал и где его почти не было видно.

А чем еще ему было заняться? Ближайшее кафе находилось на расстоянии целого ле, а на улице свирепствовали ледяной дождь и резкий ветер.

Фольклористы начали поклевывать носами, видимо, доклад Фенестранжа их не интересовал. Но тот без смущения продолжал:

— Кошмарный образ Людодеда появился много веков назад. Возможно, он родился во времена циклопа Полифема, самого страшного из чудовищ, встреченных Одиссеем. А может быть, источником его появления послужила ужасная легенда об Уголино, который съел своих детей...

В зале возник шум, невысокий человечек с козлиной бородкой встал и прервал докладчика:

— Уголино был любящим отцом. Дети добровольно пожертвовали собой, чтобы спасти его от голодной смерти!

— По правде говоря, — сказал Фенестранж, — для меня это не имеет значения. Мне хочется побыстрее выпутаться из сетей древних легенд. Я полагаю, многие фольклористы согласятся со мной, что в основе всех страшных сказок о Людодеде лежит чудовищная личность Жиль де Рэ, этого кровавого убийцы детей...

Петрус Снепп зевнул, но не решился подремать, зная, что громко храпит во сне. Он принялся отбивать пальцами детскую считалочку:

Мальчик с пальчик бестолковый

Покупать пошел корову.

Но купил себе теленка

И в придачу — поросенка.

— Жиль де Рэ принес в жертву дьяволу около трехсот детишек в своих замках Тиффо и Машкуль! Но его не удовлетворяло просто убийство, он любил сначала обласкавать детей, а потом наслаждался, глядя, как те умирают в ужасных муках.

Пальцы у Петруса Снеппа устали, и он сменил считалку:

Этого зарезали, этого разделали,

Этого зажарили и подали на стол.

Кукушка прилетела и клетку отворила,

И только Мальчик с пальчик один живым ушел.

— Кто осмелился утверждать, что Жиль де Рэ был чудовищем и любителем человечины? Где останки его жертв? А не появлялись ли они на его столе в жареном или вареном виде?

— Это не доказано! — крикнул человек с бородкой.

— Может быть... Но не будем удаляться от темы. Жиль де Рэ и есть то чудовище из плоти

и крови, которое породило призрак Людоода.

Интерес к докладу Фенестранжа падал, ибо докладчик оставил фольклор в стороне и пустился в исторические дебри. Он сыпал именами и датами: Жанна д'Арк — 1412—1415—1431—Карл VII—герцог Жан де Бретань—Прелати—Жан де Мелетрау...

Тюиль дрожал; он любил тепло и яркий свет и ненавидел холод и тьму. Джеймс Петридж погрузился в какое-то благодушное самосозерцание и смотрел прямо перед собой. У Буманна урчало в животе, ибо завтрак совершенно не утолил его тевтонского голода. К тому же его ноздри стал щекотать приятный аромат кухни: где-то в глубине королевского дворца жарили лук!

Петрус Снепп пытался вспомнить, на кого из его знакомых походил Фенестранж. У него было кукольное розовое личико, серебристые волосы и светлоголубые пуговичные глаза.

Ах, вот оно что! На картине Лобришона было изображено красивое кругленькое личико девочки. Она прижимала к щеке куклу с такими же круглыми светлыми глазами, как у месье Фенестранжа. Петрус подумал, что чудовище выберет ее первой для своей ужасной трапезы.

Только эта кукла походила на докладчика и никак больше.

Запах кухни становился все явственней; видимо, кто-то жарил свиные котлеты или телячьи фрикадельки. Не только герр Буманн, но и другие фольклористы учуяли аппетитный запах, ибо их взгляды устремились к полуоткрытой двери, через которую он проникал в зал.

Фенестранж вернулся к своей теме.

— Некоторые филологи утверждают, что имя Крокмитена, Людоода французских сказок, образовано от французского глагола «croquer», что значит «есть», и фламандского слова «meisje», в переводе «девочка», таким образом, получается, что он питался исключительно девочками.

Альбен Тюиль стал вдруг внимательным.

— Ну, ну, он не гнушался и мальчиками, не так ли? — выкрикнул кто-то из глубины зала.

— Только у фламандцев...

Месье Тюиль улыбнулся, будто эти слова были обращены лично к нему.

— Только у фламандцев есть сходная личность. Их Людоод зовется «буманом», — и немецкий ученый вздрогнул.

Слово было знакомо Петрусу, и он кое-что вспомнил. «У бумана, Людоода, рыжие волосы, зеленые глаза, черные зубы, кривые ноги, брюхо бочонком, а руки как узловатые ветви дуба...»

Фенестранж словно прочел его мысли, потому что он тут же нарисовал портрет чудовища так, как это делают дети:

— Волосы рыжие, глаза зеленые, ноги кривые, живот бочонком, а руки как ветви дуба...

Снаружи бушевали стихии: дождь хлестал по окнам, сквозь которые виднелись обнаженные деревья, гнувшиеся под сумасшедшим ветром.

Окна, выходящие на закат, побавровели, мимо них пронеслась каркающая стая ворон. Но внимание Петруса Снеппа было привлечено другим. Он увидел крысу.

Фенестранж зачистил, как человек, которому надо еще много высказать, а время уже истекает.

— Жиль де Рэ был красивым, довольно моло-

дым человеком, но вышедшим из ада. Тот, кто сделал из него Людоода, отнял у него красоту.

Крыса медленно приближалась. Вскоре она должна была оказаться неподалеку от ботинок Петруса.

— Чудовище должно быть красивым, иначе ему не удастся завоевать доверие маленьких жертв и завлечь их в клетку, где томились его живые съестные припасы.

Съестные припасы! Герр Буманн чувствовал, что его желудок пуст. Он подумал о своем ганноверском доме, о вестфальских окороках, о громадных головах тильзитского сыра, о занимавших целую полку тминных хлебцах.

— Итак, в действительности это был улыбающийся человек, с добрыми глазами, с мягким приятным голосом...

Петрус Снепп внимательно поглядел на докладчика, а когда отвел глаза, то его взгляд упал на крысу.

Удар ботинком был точен. Убитая крыса растянулась в лужице черной крови.

Боже, какая адская погода! Град и дождь. Зал гудел, как громадный котел. Красное зарево заката угасло, словно задутое ветром, и в зале стало совсем темно.

Фенестранж дернул шнурок звонка, но на зов никто не явился.

Последний луч света скользнул по картине Тимолеона Лобришона, и лица будто ожили: нежные губки девочек задрожали, на ресничках повисли слезы... Это длилось всего секунду. Потом тьма стгустилась окончательно.

Фольклористы словно забыли, что они были мудрыми учеными мужами, элитой своих стран.

Французы запели на старинный народный мотив, а иностранцы стали подпевать:

— Света! Света! Дайте света!

На этот раз их услышали, потому что из глубины дворца притащили старый слуга, поваренок и конюх. Они держали по керосиновой лампе. Фенестранж уже заканчивал доклад. Его заключительные слова с трудом пробилась сквозь шум отодвигаемых стульев и недовольное ворчание.

— Господа, Людоод скончался... Людоода больше нет!

Петрус Снепп наподдал ногой крысу, и та взлетела в воздух, как мяч.

В темноте, которую с трудом пробивал свет ламп, послышались гневные вопли:

— Мерзавец! Скотина! Дерьмо!

Фольклористы буквально ринулись к выходу, ибо вдаль уже слышались свистки двух последних ночных поездов на Версаль и Дурдан.

Тюиль и его новые друзья уселись в автомобиль и остановились только у ближайшей харчевни. Они смогли получить лишь горячего вина, ибо еды не было и в помине, а комнаты сдавались путешественникам только летом.

— Расстояния автомобилю не страшны, — заявил месье Тюиль. — Куда мы двинемся?

Версаль находится в тридцати пяти километрах, а Дурдан — в шестнадцати. К тому же хозяин сказал, что версальская дорога в очень плохом состоянии, не в пример дурдановской, которую к тому же легче отыскать.

Тьма стояла хоть глаз выколи, дождь усили-

вался, и холод становился все свирепей. Кожаный верх пропускал воду и ветер; фары еле светили, голубой язычок ацетиленового пламени вот-вот грозил угаснуть.

Петрус Снепп потерял дорогу, нашел ее и опять потерял. Наконец вдали замерцали огоньки, это виднелся Дурдан.

В свете фар появился велосипед, и Петрус резко затормозил.

Тюиль угостил велосипедиста бельгийской сигарой, и тот стал любезным и разговорчивым. Он сообщил, что господам, путешествующим на автомобиле, вряд ли удастся найти что-нибудь подходящее в Дурдане и что им лучше было ехать

в Версаль. Петрус заворчал. Шоферское место было плохо защищено от дождя и ветра. Он напряженно вглядывался во тьму: у него разболели глаза, а руки сводила судорога.

И тут Тюиль осенило. Может, велосипедист укажет, где живет месье Фенестранж?

— Совсем рядом, в нескольких шагах отсюда, — ответил человек. — Вы увидите на отшибе большой дом с садом. Его легко найти, на велосипеде ехать не больше минуты.

На автомобиле пришлось добираться добрых десять минут.

В окнах первого этажа горел свет. Петрус дернул шнурок звонка. В ответ раздался перезвон колокольчиков, и в окне появился сам Фенестранж.

— Входите, господа! — крикнул он. — Рад вас снова видеть!

Автомобиль стоял перед каменной террасой; Фенестранж вышел навстречу им в халате.

— Вы без труда отыскали мое скромное жилище? Я впряме сомневаться. В полулье отсюда дорога раздваивается и спускается к Оржу. В общем-то паршивенькая речонка, но там есть обрыв...

— Обрыв?

— Так здесь называют омут с водоворотом, настоящий мальстрем... Но что нарасказал вам этот велосипедист? Боже, какой осел! В Дурдане есть две хорошие гостиницы с приличными комнатами. Правда, рестораны уже закрыты, можно раздобыть лишь холодные закуски. А посему я с огромным удовольствием приглашаю вас отужинать...

Герр Буманн плотоядно усмехнулся. Он учуял лакомый запах рагу с пряностями. Он даже различил тонкий аромат мадеры и почмокал губами: «Ням!.. Ням!..»

— Итак, располагайтесь в моем скромном кабинете, как дома, — закончил Фенестранж, приятно улыбаясь.

Скромном? То, что Фенестранж называл кабинетом, меньше всего походило на кабинет. Гости французского фольклориста не могли сдержать восхищенных возгласов.

— Да это же волшебный зал из старинных сказок!

— Точная копия, — засмеялся Фенестранж. В очаге, позади кованой железной решетки, потрескивал огонь, большая медная лампа рассеивала по комнате нежно-золотистый свет.

На столе стоял только один прибор, но хозяин быстро извлек из большого дубового буфета фарфор, хрусталь и серебро. Вскоре стол был накрыт на четыре персоны.

— Раз, два, три, как в старой сказке о волшебном столике, — хихикнул Фенестранж. — А что, если поставить прибор для вашего шофера, который мне кажется хорошим и благовоспитанным человеком? Тем более что из прислуги у меня только старуха повариха, пугливая и дикая, как лань. Она терпеть не может чужих в своей кухне... к тому же довольно запущенной.

Месье Тюиль опять почувствовал себя демократом и заявил, что он, конечно, согласен.

— Начнем с глотка вина в честь вашего столь радостного для меня приезда! Ах, дорогие мои собратья, я ожидал от этого съезда многого, но был весьма разочарован, ибо не смог вступить в

контакт ни с одним из фольклористов.

Глаза герра Буманна сверкали от радости.

— Рейнское... Если не ошибаюсь, это — несравненное Liebfrauenmilch.

— Вы оказываете мне честь. Не будь так темно, я бы вам показал виноградник, с которого получаю это вино.

— Как? Вино «Юрпуа»? — вскричал месье Тюиль, не веря своим ушам.

— А почему бы и нет? Лет двести назад на берегу Оржа виноградарство процветало, и даже мадам Саблиер отдавала должное винам этого края. Но все проходит, все умирает, даже вино...

— И даже Людоед! — фыркнул герр Буманн.

— Даже Людоед! — согласился месье Фенестранж.

— Давным-давно и в нашей Англии мидланцы делали доброе бодрящее вино. О нем говорили много хорошего, — вмешался в разговор мистер Петридж.

— Я получил лозу из замка Шантосе, — заявил Фенестранж.

— Ну и ну! — вскричал герр Буманн. — Ведь замок Шантосе был одним из владений ужасного Жила де Рэ, не так ли?

— Именно так, поэтому я и назвал вино, которое вы только что отведали, «Вино Людоеда»!

— Тогда выпьем за здоровье Людоеда! — радостно вскричали гости.

Петрус Снепп выпил свой бокал и позволил наполнить его снова. Он не участвовал в разговоре, да и вряд ли мог сказать что-либо интересное. Он слушал, как на улице бушевала буря, и думал о развилке дорог, речонке и омуте.

Тюиль, Буманн и Петридж смаковали вино, как знатоки. Одновременно они рассматривали комнату, не скрывая своего восхищения. Им казалось, что они очутились внутри радуги, и их глаза должны были свыкнуться с феерией красок, форм, прежде чем различить пестрые груды медвежат из золотистого плюша, оловянных солдатиков в сверкающих мундирах, очаровательных кукол, крохотных лошадей, коров, телят, игрушечные поезда и доспехи.

Петрус Снепп заметил все это еще тогда, когда вошел в комнату, и сразу подумал: «Прямо игрушечный базар для детишек». Но вслух он этого не произнес.

Фенестранж расхохотался.

— Приманка для жертв Людоеда!

Герр Буманн, пытаясь заглушить урчание в животе, осушил свой бокал. Запах жаркого наполнял комнату... Неужели хозяин добавил к пряностям чеснока? Эти чертovy французы готовы сунуть чеснок и в букет роз.

— Смотрите, восхищайтесь, а я на минутку вас оставлю, мне надо на кухню. Но не общедуйте, у меня приготовлено только одно блюдо: рагу из ягненка... правда, осмелюсь доложить... нежности несравненной!

Фенестранж поспешил к двери, и Петрус заметил, что у него короткие кривые ноги.

Трое фольклористов стали осматривать комнату, любясь картинками и гравюрами в серебряных рамках. — Смотрите, матушка Хаббард со своим псом! — воскликнул англичанин.

— И Бременские музыканты, — восхищенно сказал немец, наткнувшись на забавную группу: осла, kota, пса и петуха.

— Полночь! Золушка теряет хрустальный башмачок,— вымолвил Тюиль, ткнув пальцем в рисунок.

Петрус Снепп подмигнул графину для крепких напитков, сделанному в виде хохочущего толстяка голландца папаши Женьева.

— Он не так уж красив,— пробормотал шофер.— Рыжие волосы, зеленые глаза, толстое пузо, кривые ноги. Чтобы стать Людоедом, ему нужны только руки, как узловатые ветви дуба.

И, слегка улыбувшись, он спросил себя, не наполнен ли его фарфоровый живот кровью вместо доброй голландской можжевельники.

Снепп отвел глаза на какого-то гномика и взглянул на соседнюю игрушку. Это был толстяк, сидящий за столом. При повороте крохотной рукоятки он открыл громадную пасть. На столе появился аппетитный кусок мяса и тут же исчез в глотке обжоры. Петрус легонько крутнул рукоятку назад, чтобы рассмотреть пищу. Ею оказался крохотный младенец в рубашонке. На цоколе игрушки было написано: «Людоед. Патент 34130. Альсид Фенестранж».

А хозяин уже возвращался с большой салатницей, над которой поднимался ароматный пар.

— Рагу, вино и хлеб — вот все, что я могу вам предложить, господа, — сказал Фенестранж извиняющимся голосом. — И я сам вас обслужу, ибо моя кухарка не расположена покидать кухню. Мне кажется, что мяса хватит и на вторую тарелочку, если у кого будет аппетит. Поедим, так сказать, запросто.

Герр Буманн уже жевал и удовлетворенно ворчал между двумя глотками:

— Tadellos... schmeckt fein?

Альбену Тюилю пришлось по вкусу соус, и он макал в него большой ломоть хлеба. Англичанин ел с холодной решимостью человека, выполняющего свой долг по отношению к организму. Радужный хозяин просто ковырялся в тарелке.

Петрус Снепп был простым человеком. Из чернорабочего на заводах Тюиль и К° он выбился в механики, а потом стал личным шофером хозяина. Петрус привык к суровой жизни. Он любил грубую, но сытную пищу: кусок кровавого мяса, капусту с салом, кровяную колбасу и картошку. А нежное, тающее во рту мяско, хрящики, крошившиеся под зубами, незнакомые приправы, придававшие соусу странный вкус и запах, — все это вызывало у него тошноту; поэтому он запивал каждую порцию пищи добрым глотком вина, благо на вино хозяин не скупился.

На улице свирепствовали стихии. Под яростными наскоками ветра резко хлопали ставни; дождь грозил потопом, а в трубе рыдали неясные странные голоса, но это был ветер, только ветер...

Петрус Снепп не подозревал, что твердил слова старой сказки о малышах, посаженных в печь злой колдуньей.

«Кто стучит в дверь? Ветер... только ветер!»

Месье Фенестранж ел мало, а потому поддерживал разговор. Он говорил больше других и, конечно, о Людоеде — это был его конек.

— Только во Франции и Фландрии есть настоящий Людоед — Крокмитен.

— В Германии есть Рюбецаль, пожиратель репы, — сказал герр Буманн. — Им пугают детей, но он не причиняет никакого зла...

— А у нас в Англии, — заявил Петридж, — живет Мистер Рэйн, Дядюшка Дождь. Этот призрак не трогает детей. Но любому взрослому, который ему не приглянется, может свернуть шею...

Уу! Уу! — завывал ветер.

Петрус Снепп наострил ухо.

В свое время он был на заводе ночным сторожем. В долгие часы одиночества он привык к шуму ветра за окном, часто напоминавшему пьяные голоса, мольбы о помощи и стоны умирающих...

Ветер лаил на ставни, словно свора разъяренных собак; потом вдруг засвистел в трубе...

Но разве Петрус Снепп не расслышал детских криков, доносившихся откуда-то из глубины дома? Впрочем, это был ветер, только ветер.

Тюиль пообещал прислать хозяину лучший экземпляр своего эссе «Полтора месяца смуты в Гентской области». Правда, оно написано на фламандском, но он обязательно приложит французский перевод. Эта книга должна заинтересовать месье Фенестранжа, потому что в ней описано некое подобие Людоеда, которого гентцы прозвали «месье Луи» или «Арраби».

— Рыжие волосы, зеленые глаза, черные зубы, брюхо бочонком, руки как узловатые ветви дуба, кривые ноги.

— Совершенно верно! — вскричал Фенестранж с воодушевлением. — Вылитый Людоед!

Петруса Снеппа поразила неожиданная мысль. «Рыжие волосы!... Совсем как у мистера Петриджа».

«Зеленые глаза!... Совсем как у месье Тюиля в минуты гнева».

«Брюхо бочонком!... Совсем как у герра Буманна».

«Черные зубы!...» Петрус с улыбкой вспомнил, что его собственные зубы давным-давно почернели от махорки.

А где же узловатые ветви дуба?..

На развилке дорог стоял деревянный указатель: «Проезд закрыт». Он был сработан на совесть и, сопротивляясь натиску ветра, только потрескивал, словно орех в щипцах. Рядом с указателем высился древний каменный дуб. Черви и лишайники подточили его корни, омела и плющ высосали из него соки. Он превратился в растительное чудовище, стволу было слишком тяжело держать крону. Камыш на берегу Оржа мог гнуться под яростью ветра. Дубу это было не под силу, он прожил слишком много столетий. В это мгновение особо резкий порыв ветра вывернул его с корнем, и корявые ветви в щепы разнесли указатель.

Петрус этого не знал; его захватила странная мысль.

«Рыжие волосы... зеленые глаза... Если все сложить вместе, то окажется, что Людоед преспокойно сидит за этим самым столом. Не хватает только рук...»

Мысль показала Петрусу занимательной, и он тихонько засмеялся, но никто не заметил этого. Может быть, его удовольствие было бы омра-

чено, знай он, что произошло на берегу реки. Но его радость длилась недолго: ветер снова взялся за свое и заплакал жалобными детскими голосами.

Дом был большой, зловещее эхо гулко раскатывалось по длинным и пустым коридорам.

И все же...

А вдруг и вправду в глубине этого одинокого жилища спрятаны детишки — плачут, тщечно зовут на помощь?.. Петрус старался отделаться от этой мысли, должно быть, он просто опьянел от вина... вина Людоеда!..

В застольной беседе Фенестранж пересказал свой доклад о Людоеде, который гости изредка прерывали односложными замечаниями.

Он кончил теми же словами:

— Людоед умер!..

Все согласились — современная молодежь уже давно не верила в существование чудовища.

Было поздно. Кукушка высунулась из своего окошка над циферблатом и прокуковала двенадцать раз.

— Полночь! Час Людоеда! — заметил месье Тюиль.

— И час сна, — добавил мистер Петридж, который был человеком здравого смысла.

И опять Фенестранж рассыпался в извинениях. Он, мол, живет отшельником, никого не принимает и не имеет комнат для гостей. Автомобиль так кстати... нужно ехать прямо по шоссе и не забыть про развилку, иначе они свернут к реке и свалятся в омут. Но на развилке стоит указатель. В Дурдане они, несмотря на поздний час, легко найдут комнаты в гостинице, что на главной площади, против церкви.

Наконец, крепко пожав друг другу руки и пообещав встретиться снова, они расстались. Петрус Снепп отсалютовал по-военному, приложив руку к фуражке с золотым шитьем. Потом он бросился к машине и завел мотор.

А из коридора по-прежнему неслись жалобы... Ну и шутник был этот ветер!

От этого проклятого вина Людоеда только разыгралось воображение...

Людоед... опять Людоед... Имя прозвучало даже в прощальном взгляде Фенестранжа.

— Только не бойтесь Людоеда!

— No... Nein... Non... Neen!

— Ведь Людоед умер!!!

Петрус Снепп не заметил указателя, разбитого дубом. Как в тумане, он увидел две громадные ветви, которые взметнулись в небо, словно руки, протянутые за добычей.

— Руки как ветви дуба!.. — пробормотал шофер. — Теперь все сходится... Неужели?..

Но поздно.

Машина скользнула по откосу и нырнула в Орж. Прямо в омут...

На поверхность выплыл только Петрус Снепп. Он долго барахтался и наконец выкарабкался на берег. В руке у него было зажато что-то твердое и холодное. Он глянул: это был разводной ключ. Единственное, что осталось от великолепного «панар-лавассора».

Когда он толкнул решетчатую калитку перед домом Фенестранжа, сквозь щели в ставнях еще сочился свет.

Несколько секунд он раздумывал, не трогаясь с места...

— Он понял, что я распробовал... Да, да, понял, что я понял! Нас следовало погубить так, чтобы никто ничего не заподозрил. Он показал нам опасную дорогу... дорогу к смерти!

Месье Фенестранж открыл ему.

— Авария? — ужаснулся он.

Петрус Снепп пристально разглядывал его.

Почему именно в это мгновение он вспомнил о крысе, лежавшей в луже крови?

Он подумал: «А умер ли Людоед?» — и с силой ударил Фенестранжа разводным ключом.

Человек лежал в небольшой красной луже, неподвижный и мертвый... как крыса.

В то же мгновение стоны возобновились, и Петрус побежал по коридору, крича:

— Детки, выходите... Я иду... Вы спасены... Людоеда больше нет... Людоед умер!

Он пробежал весь дом и попал в комнатушку, где стояла убогая койка и несколько перекошенных стульев. Потом он стал заглядывать во все комнаты подряд, но всюду была лишь паутина и пыль.

Кухня походила на темную пещеру с железной печкой. Неряхи кухарки там не оказалось.

Но стол был красен от свежей крови, и Петрус Снепп закричал от ужаса и гнева.

На веревке сушились три шкурки, но Петрус и не глянул на них, потому что побежал дальше, вопя изо всех сил:

— Не плачьте! Я иду... Людоед умер!

Погреба были пусты, там стояло только несколько бутылок вина.

А крики стали еще громче и жалобней.

Петрус уселся на старый ящик и медленно раскурил трубку.

Он увидел отдушину. Сквозь нее, подражая мольбам и стонам, врывался ветер.

Шоферу стало ясно, что он ел вовсе не человечину, а мясо молодого ягненка; месье Фенестранж был всего лишь бедняком ученым, помешанным на Людоеде, и комната с гравюрами и игрушками, напоминавшими ему о собственном увлечении, была его единственной радостью, которую он мог себе позволить.

Людоед. Он откликнулся на зов людей, вызвавших его из прошлого и вернувших ему жизнь. И в эту ночь он погубил многих, хотя его никто не видел. Ведь он был призраком, наваждением...

Петрусу Снеппу было трудно думать. У него болела голова, и его лихорадило.

Людоед умер?

Именно он, Петрус Снепп, простой и скромный шофер, положил конец вековой загадке и открыл ужасную истину:

— Людоед не умер! Он жив! Он бессмертен! И он не умрет, пока на земле будет жить люди!

*Перевод с французского
Аркадия Григорьева*

Владимир Слуцкий

Напутствие

Уважаемые господа курсанты! Пройдет немного времени, и вы окончите нашу разведывательную спецшколу. Перед вами будут открыты все пути в Россию.

Да, за эти годы вы многому научились. Помню вас, желторотых, развращенных компьютерами и кондиционерами, яхтами и саунами, уик-эндами и пинк-флойдами... Вы отлично владели каратэ и у-шу, говорили по-русски без акцента, могли месяцами обходиться без сахара, соли, мыла. И, несмотря на это, были абсолютно беспомощными. Надеюсь, многие из вас не забыли, как на тренажере «Автобус в час пик» падали в обморок уже на пятую минуту. А на тренажере «Поликлиника» в условиях, приближенных к боевым, мы потеряли нашего товарища. Чарли заразили свинкой и так лечили, что спасти его не удалось.

Да, Советский Союз вы тогда представляли себе только по журналу «Совет лайф», а это все равно, что судить об Америке по безработному Маури. Помните, Майкл, вы мне три раза передавали предмет «Поведение в магазине». Первый раз я вас отправил за то, что вы, смешно сказать, не знали, что такое очередь. Во второй раз вы не смогли объяснить фразу продавца: «Больше килограмма в одни руки не даем». В третий раз вы уже вроде бы были подготовлены неплохо, но все равно пытались заменить продавца за прилавком в ответ на ее предложение: «А вы встаньте на наше место».

Джек, вы зря смеетесь. Ваши знания были ничуть не лучше. Когда мы отработывали легенду «Инженер», вы не знали простейших вещей. Например, что больше — 150 чистыми или 170 грязными. Вы долго не могли понять, почему инженеру по электронике для работы в России нужно уметь виртуозно

пропалывать картофель. А попав по условиям тренажера на службу в НИИ, вы с первого же дня пытались работать, не понимая, насколько это выглядит подозрительно...

А твой дружок Бил на полном серьезе убеждал меня на экзаме, что в России после 17-го года создали настоящий рай и даже научились им управлять. В доказательство он мне напомнил, что всем там командуют РАЙисполкомы, жильем ведают РАЙжилуправления, а за здоровье отвечают РАЙздравотделы. Мол, единственное, что омрачает им жизнь, — это Административный аппарат.

И запомните, друзья мои, в работе разведчика нет мелочей. Совсем недавно мы получили печальное известие о провале Эдварда Стукини. Он был одним из лучших курсантов прошлого выпуска. По легенде, заброшен в Россию в качестве студента-ветеринара сельскохозяйственного института. И что же вы думаете, его сосед по общежитию, простой русский парень, как-то говорит Эдварду (кстати, в Россию он был заслан под именем Васи Колокольчикова): мол, давай, Вася, собирайся, сейчас мы с тобой в один хлев двинем, я тебя там с классной телкой познакомлю. Ну, Эдвард, как полагается, переоделся в рабочую одежду, сунул в портфель белый халат — и за соседом. Приходят они в какое-то кафе, а там сигаретный смог, бутылки на столах, девушки симпатичные танцуют. Одна из них подходит к ним, протягивает руку и называет себя Кэт. Эдвард отвечает, что рад познакомиться, и тут же интересуется у приятеля, где же обещанная телка высокого класса, якобы его, как будущего специалиста, это очень интересует. Ну, сосед от такой бесцеремонности прямо дара речи лишился, а Кэт с любопытством посмотрела на Эдварда и говорит: «А ты занятный чувак, я от таких ташусь». — «Давайте потащимся вместе», — радуется Эдвард. «О'кэй! — го-

ворит девица. — Куда кости бросим: на хату или в кабак?» Эдвард лихорадочно пытается разобраться в ситуации и осторожно выбирает хату. «Нет проблем, — говорит девица, — иди ищи тачку». Эдвард бросается в один двор, другой и только в третьем, позади магазина, находит брошенную грузчиками тачку, которую оперативно доставляет к Кэт. Девица внимательно посмотрела на довольного Эдварда и сказала только одну фразу: «Не прикидывайся шлангом». Всю ночь Эдвард размышлял над тайным смыслом этих слов, а утром его взяли. Только после этого печального случая мы ввели в программу подготовки предмет «Интимные отношения в России».

Тренажер «Ремонт» мы тоже включили в программу после провала. Один из наших лучших агентов сам сдался КГБ во втором месяце ремонта своей явочной квартиры. Нервы у него не выдержали после того, как рабочий залез секретные микропленки купоросом.

Но вы, пройдя полный курс, готовы ко всем этим испытаниям, хотя нельзя забывать и о некоторых мелких деталях в поведении. Увидев, что на светлореже зажегся красный свет, не вздумайте останавливаться и ждать зеленый. Наоборот, бегите вперед, лавируйте между машинами, уворачивайтесь от автобусов. Если на дверях написано «Выход» — смело входите в нее. Не вздумайте наслаждаться коньяком мелкими глоточками — в России принято пить, сколько бы ни налили, залпом и до дна. И никогда не отказывайтесь выпить на посошок. Это с точки зрения местных жителей будет выглядеть подозрительно. Увидев длинную очередь, становитесь и никогда не спрашивайте, зачем стоят: подойдет ваша очередь — узнаете. Несмотря на то, что вы будете полностью обеспечиваться из центра, постоянно перехватывайте у соседней червонец до полочки. Это всегда

производит благоприятное впечатление.

Вербуй себе агентов, учитывайте психологию местного контингента. С военного завода вам скорее вынесут атомную боеголовку целиком, чем ее чертеж, потому что в первом случае это всего лишь воровство в мелких размерах, а во втором уже измена Родине.

Если в столовой, начав возмущаться грязными стаканами и жирными тарелками, вдруг услышите от сослуживца: «А ты случайно не из Парижа приехал?», погодите паниковать и размахивать пистолетом. Вполне возможно, вас еще не раскрыли — просто сослуживец хотел сказать, что грязь в столовой дело обычное.

А вообще, ходите на футбол и на работу, участвуйте в неформальных объединениях и в формальных демонстрациях, ругайте кооперативы и правительство, ищите дефицит и единомышленников. И тогда вы будете неотличимо похожи на простого советского человека.

Только, пожалуйста, никакой самодеятельности. Не вздумайте там взрывать поезда и мосты, электростанции и трубопроводы, загрязнять реки и изводить леса.

Главная ваша задача поддерживать существующую систему. Проводить все ее решения в жизнь. И тогда при полнейшем вашем алиби будут рушиться дороги, взрываться газопроводы, высыхать моря, гибнуть реки. Интересное открытие будет пробивать себе дорогу годами. То, что может сделать нынешний управленческий аппарат, не под силу даже армии диверсантов. Если так пойдет и дальше, то скоро у них в стране, кроме полезных ископаемых, вообще разведывать будет нечего. И это будет наша с вами большая победа!

ФРАЗЫ

Как оставаться самим собой, если нас с детства учат брать пример?!

А. Анисенко

И ведь во всеобщую бездуховность кто-то вложил душу!

А. Пушиков

Пока еще есть враги, мы не будем раскрывать все возможности социализма.

К. Цивилев

Более 70 лет мы испытываем трудности. Кажется, настало время доложить, что испытания прошли успешно.

В. Туровский

Любите соседей — источник знаний!

Если поступил подло не ради наград, значит, хороший человек.

А. Перлюк

Так долго тонул, что успел доплыть до берега.

Только пьющие знают, что такое быть трезвым.

Летать не умел — но какой размах крыльев!

Одиночество — это когда есть много друзей, а хочется побыть одному.

Что на колбасу пенять — она ведь продукт своего времени.

Забастовки бывают: политические, экономические и просто — «не хочу работать!».

«Я только одного не понимаю...» — говорил он, а окружающие думали: «Счастливый».

А. Гольдбург

ГРАФИКА АЛЕКСАНДРА ДЖИКИЯ

Робер Бразийак

Ночь в Толедо

Рассказ

ГРАФИКА МАКА АВОЙА

Женщина — единственный сосуд, который нам остается наполнять нашей тоской по идеалу.

Göte

Они лежали в полумраке в комнате — полуоткрытое окно выходило в узкий переулок, залитый лучами стоящей в зените луны. Они долго лежали

рядом, неподвижно и молча, ждали сна с закрытыми глазами, и их соединяло лишь тепло тел. Рене думал о своей подруге и жене, наверное, уже погружившейся в сон, о ее теле, которое он только-только начал узнавать и которое было навечно вручено ему. Он приподнялся на локте и глянул на Флоранс — та пошевелилась, но глаз не открыла. Он осторожно опустил голову на ее плеч-

чо, вздрогнул, как засыпающий ребенок, вздохнул и затих. Она ощутила тяжесть этого дорогого ей мужчины, его крупную голову на своем плече у самых корней волос. В комнате было жарко, и они еще долго лежали неподвижно, прижавшись друг к другу. Он перебрал руку через нее, чтобы оказаться еще ближе к ней, а она повернулась лицом к нему и почти касалась губами его щеки. Им казалось, что они пробуждаются от сна, но глаза их по-прежнему были закрыты. Они медленно всплывали на поверхность сна, и вскоре он окончательно покинул их — они уже ощутили влечение друг к другу, но никак не могли стряхнуть странного оцепенения — каждый из них каким-то внутренним взором видел, как они, юные и целомудренно прижавшиеся друг к другу любовники, разделенные отлетающей пеленой сна и тонким бельем, выглядели со стороны. Наконец они открыли глаза и окинули взглядом комнату — бледный лунный свет втекал в нее через окно с высоким подоконником, выступавшим над спинкой узкой кровати.

Он кончиками губ касается ее ушка и шепчет:
— Флоранс.

Она еще теснее прижимается к нему, и его колени охватывают круглое колено цвета лунного камня, колено гладкое, как отполированный горным потоком камень, колено юное и нежное, и ему не надо видеть его, чтобы ощутить его несравненную форму с ямочками у коленной чашечки, что делает его похожим на ночной чудесный пейзаж. Она же чувствует себя пленницей очень твердых колен, которые не раз видела в детстве покрытыми синяками, с присыпанными мальчишками — такие колени у любого мальчишки; мальчишки, юного спутника, а ныне мужа, делящего с ней одно ложе. Через тончайшее белье она ощущает жар его стройного тела и его левую руку, которая начинает медленно поглаживать ее спину. Она чувствует движение каждого пальца на этой, как ей кажется, отделенной от нее части тела, ласка почти неощутима, и голова ее на подушке покачивается из стороны в сторону, будто она говорит «нет». Но она не говорит «нет», она по-прежнему видит сон, сон, в котором плывет на лодке и ощущает неясную ласку мужской руки, ладони, скользящей по ее бедру, и подушечки пальцев, замерших на впадине талии. Неужели сон снова одолеет их, и они, не разорвав хрупкого единения, уйдут в свои собственные сновидения, едва успев попрощаться на тверди и поцеловавшись, как расстающиеся дети? Они еще ничего не решили, а просто лежат в полумраке с широко открытыми глазами. Рене видит в лунном свете круглое личико, личико и почти детское, обрамленное вьющимися на лбу локонами, и уже женское, похожее на лицо флорентийского пажа с прямым носом, глубоко посаженными глазами и чуть ироничной улыбкой. Она же едва различает утонувшее в полумраке лицо с короткими жесткими волосами, лицо смуглого парня, с затененным подбородком и щеками, в рисунке которых все еще угадывается ребенок, хотя время уже процарапало под глазами крохотные морщинки, которые, правда, различает пока только она. Их стопы касаются и легко поглаживают друг друга, они живут как бы независимо от тела, но столь же понятливы и столь же нежны, как руки. Их тела и соприкасающимися частями и частями несопри-

касающимися угадывают своего визави, ощущают его. Его правая рука затекает под весом собственного тела. Именно поэтому он приподнялся и уложил голову на плечо Флоранс. Но бег тысячу мурашек по коже не прекратился, и он снова приподнимается на локте. Он откидывает простыню, и они оба с удовольствием ощущают грудью хоть какой-то намек на прохладу. Она закрывает глаза под его взглядом, ибо он смотрит на нее, нависая над ней и опираясь на ладони — именно так все юные влюбленные склоняются над дружеской и согласной на все добычей и вглядываются в своих любимых женщин. Он вздыхает, отбрасывает назад со лба темные пряди волос, улыбается. Потом берет ее за руки, встряхивает ее так, как встряхивал в детстве во время братских батальи. Она, опираясь на плечи, упираясь ногами в постель и прикрыв глаза, чуть-чуть выгибается и он с осторожностью раздевает ее. Они лежат лицом друг к другу, на боку, он — на правом, она — на левом: такова их еще не осознанная привычка, они лежат лицом друг к другу и уже тесно соприкасаются телами, снова натянув простыню до плеч, каждый из них вдыхает аромат кожи партнера и ласково поглаживает тело возлюбленного — залитые лунным светом холмы и впадины. Она буквально вжалась в него и застыла, их ноги вытянуты и плотно сдвинуты, она ощущает коленями его колени, своим животом его живот, своей грудью его грудь, голова ее лежит чуть ниже, и губы прижимаются к бьющейся на шею жилке. Он обнял ее, его ладони застыли на ямочках над ягодицами, и он чувствует всем телом свежесть и жар этого юного женского тела, которое не подозревает о будущем распаде и будущей смерти, ибо пока еще длится мгновение их неотъемлемой юности, навечно принадлежащей им, что бы ни произошло. Левым плечом он нажимает на ее правое плечо, она уступает этому давлению, как уступает давлению волн и ветра лодка, ее охватывает легкое головокружение. Он разжал объятие, привстал на колено. Навис над ней, опираясь на локти, чтобы не раздавить ее, ее ноги вытянуты и сжаты — они застыли один над другим и наслаждаются этим сказочным мгновением своей юности и любви, мгновением, когда еще до первой ласки пробуждается и оттачивается желание, мгновением, когда у нее еще нет иного удовольствия, как удовольствие от тяжести юного мужского тела, когда она немного задыхается, и воздух с трудом проникает ей в легкие, но грудь уже полна восхитительной тоской, которую она не меняет ни на что в мире. Он, сжимая коленями ее колени, опустился на нее всей тяжестью, все же пытаясь облегчить давление на нежную плоть. У него нет иных мыслей, как мысли о нежности, нежности персика и шелка ее живота, нежности полированного агата, нежности жемчуга и лунного камня ее груди. Они обнажены и застыли один над другим, они обнажены, как в первые дни этого мира, в безвинном райском саду, а за окном, над городом властвует испанская ночь, и в сотнях комнат здесь и в миллионах комнат по всему миру другие юные пары точно так же застыли в своем желании. Он гладит округлые плечи, ласкает ее шею, наклоняется и касается губами ее губ. Его всегда будет поражать свежесть ее рта, а она всегда будет удивляться ярости его губ и языка. Он охватил руками ее голову, как кубок, как плод, и

притягивает ее к себе, прижимая губы к ее плотно сжатым губам. Они надолго замирают в таком положении, едва дыша, потом он осторожно начинает приоткрывать языком ее губы. Она уступает быстро, ей вовсе не хочется ждать, но она вздрагивает с ног до головы и открывает глаза, чтобы увидеть вблизи его лицо со смеющимися глазами. Она слегка прикусывает его губы ради удовольствия удержать их, как удерживают зрелый плод, но он возобновляет свою непредсказуемую ласку, его язык скользит по ее небу, по твердым деснам, он плотно приник ко рту жены и подруги. Изредка он отрывается от них, или она вздрагивает головой — оба жадно хватают воздух и снова сливаются, наслаждаясь этим медленным поцелуем: их губы похожи на два цветка с переплетенными лепестками. Их тела пока еще неподвижны, он лежит на ней, она чуть меньше его и полностью закрыта его телом. Но вот он откидывается, оставляет ее губы и сдвигается чуть в сторону, охватывая ногами ее ноги. Он еще не хочет обладания, не желает его и она. Но он склоняется над ней, рассматривая в свете луны свою вздрагивающую под ним жену — он ощущает себя ее наездником. Губами и языком он начинает нежно лизать и целовать шею жены у ключицы, там, где бьется артерия, где натянута сухожилия, затем губы его скользят к груди. Она вздрагивает, на этот раз сильнее, ее рот беспомощно открывается, словно она тонет. Однако ей уже знакома эта ласка, она ожидала ее, но каждый раз она наполняет ее невыносимой радостью, и все же истинное желание еще не проснулось. В ее теле под воздействием легкого бега губ по ее плоти рождается желание как бы заплакать, какое-то нервное возбуждение, восхитительно перехватывает дыхание. А чувствует ли желание он? Он не смог бы ответить на этот вопрос, даже если бы был в силах рассуждать. Удовольствие от того, как он ласкает упруго затвердевшее полушарие и прозрачную кожу, почти столь же прозрачную и плотную, как тонкая пленка перламутра, растворяется в более тонком удовольствии дарить удовольствие, и он уже не может отделить одно от другого. Он всегда больше любил дарить удовольствие, чем получать его самому. И пока его губы блуждают вокруг полушарий грудей, жаркая ладонь поглаживает ее подрагивающий живот, гладкое бедро, складку паха — он закрыл глаза, он пробуждает дрожь в этом сдавшемся на его милость теле, рождает в нем безмолвный крик, почти болезненное страдание, размытую или точно локализованную вспышку радости. Он и сам бы с удовольствием забылся, помоги это забыть вызвать удовольствие партнера. Она едва осмеливается касаться его. Вначале она вообще не решалась дотрагиваться до твердого юношеского тела, напряженно прижимавшегося к ней в момент, когда ее подхватывала яростная радость, которую она испытывала почти со стыдом. Но она уже привыкла ощущать его в тесном единении с собой, терпеть его сказочную тяжесть. Она еще удивляется тому, как нежны его руки, которые она считала грубыми, как нежна кожа на груди мужчины, на спине женщины, и ее ладонь с небольшими неумелыми и

быстрыми пальчиками скользит по его плечу, предплечью, но он ничего не чувствует, не понимает и она, ласкает она его или нет, дыхание ее стало быстрым и прерывистым — она медленно тонет в своей чудесной радости. Он еще раз соскальзывает на бок, крепко сжимает ее руками — одна его рука охватывает плечи, вторая — талию, ее бедро лежит на его согнутом колене. Потом они поворачиваются разом, как пловцы, она оказывается под ним, он опирается на локти и смотрит на нее. И начинает скользить вниз по ее телу, его лицо ложится на ее живот — она вздрагивает, заложив руки за голову. Он любит замереть в неподвижности именно в это мгновение, на этой мягкой и гостеприимной подушке, разглядывая очаровательный пейзаж, каким является женское тело, неисследованная планета с изгибами холмов нежной плоти и удлинненными веретенами светлых ножек — он любит с яростью прижаться губами к вздрагивающему животу, превращаясь в пуповину, связывающую еще не родившегося ребенка с матерью. Она любит его такую близость со своей плотью и до грозового всплеска желания с нежностью воспринимает детскую тяжесть головы любимого на своем животе, она нежно поглаживает его жесткие волосы, ощущает его нос, его глаза — он ресницами щекочет ей кожу. Ее рука прижимает эту голову к себе, и ей не надо открывать глаз, чтобы охватить его взглядом. Она лежит вытянувшись, вытянувшись на этой узкой постели и откинув в сторону простыню, лунный свет льется на их тела — более смуглое его и белое ее — их тела отливают перламутром, они припудрены неощутимым светом: точно так же при распахнутых и закрытых окнах, в прохладных или теплых комнатах всего мира такие же ложа со смятыми простынями принимают прекрасную тяжесть юных пар, белых и темных, обнимающихся при свете или во тьме. Ладонями, не двигая головой, он гладит ее длинные бедра, ее округлые колени, его руки скользят по икрам до шиколоток, затем взмывают вверх, чтобы еще раз сжать круглую грудь и ощутить биение нетерпеливого плененного сердца. Потом он губами и языком начинает нежными, быстрыми касаниями ласкать эту лунную плоть, скользить по ее изгибам, спускаясь по складке паха, вдоль бедра, а затем возвращаясь к самой сердцевине этого тела, уже победленного смятением, то напряженного, то расслабленного. Он привстает, садится на корточки и рассматривает свою жену, покоренного зверька, он сидит спиной к луне, угадывая себя в падающей на нее тени, тени замершего над своей добычей юноши с еще детскими запястьями и напряженными сухожилиями на плечах, уже ставшего мужчиной, который обрел свое желание и свою подругу. Она открыла глаза и созерцает столь близкую и столь далекую фигуру мужа. Когда он привстал, ей стало холодно. Она со стоном протягивает руку, дотрагивается до его колена и снова опускает ее. Она пристально смотрит на него и почти задыхается — ей хочется вечно смотреть на этого нависшего над ней юношу, пока тот, замерев, смотрит на свою горячую и недвижную женщину, и оба они знают, что окунут

лись в один и тот же лунный свет, в одно и то же желание, что они желают обладать телом своего партнера, и понимают, что придется уступить этому чудесному искушению, но они очень любят эту последнюю остановку на вершине времени, когда он сидит, а она лежит, когда они смотрят друг на друга... Но вот она закрывает глаза и не видит, как он наклоняется над ее телом, будто дерево под порывом ветра, как, опираясь на ло-

коть, он выбрасывает вперед свои ноги. Она вдруг ощущает его колени где-то у уха, а его руки обхватили талию и приподнимают ее — его твердая грудь коснулась ее бедер. Она мотает головой из стороны в сторону, говоря «нет» удовольствию, но это «нет» равноценно «да», ее губы касаются колен юноши, не чувствуя их, она не понимает, что делает, с губ ее срывается стон. Как он ласкает ее? Она уже ничего не сообра-

жает, все ее тело ощущает невероятный ожог, она не может шелхнуться, не может подарить удовольствие, но губами продолжает касаться его колен и его ног, но вот он уже снова над ней, и она целует его губы, а он забыл о юной женщине, лежащей под ним, ощущает лишь биение крови в висках, попадает в плен бури, в которой оказывается слепым, не различая по отдельности ни себя, ни ее, а новое целое, образованное из двух сплетенных тел. И все же он снова приподнимается на локтях, боясь раздавить ее, его колено раздвигает ее колена, и она не сопротивляется. Она стонет под тяжестью его тела, каждую складку которого могла бы описать с закрытыми глазами, она чувствует, что близится момент обладания, она задыхается, ей хотелось бы забыть себя, забыть его, стать одним целым с ним, и она крепко сжимает его вдруг обретшими невероятную силу руками. Он ворчит и напрягается, он борется с налетающим пламенем необъяснимого огня, время от времени жадно вдыхает воздух, чтобы продлить удовольствие, чтобы хоть еще немного удержаться в этом ужасном времени ожидания, которое дарит одновременно и страдание, и счастье. Он хорошо понимает, что их начавшееся единение еще не полно и что радость снизойдет самым простым путем. Он опускается на нее, какой-то частью ума еще удивляясь, что у нее такой прохладный живот, он опирается коленями в кровать и начинает нежно, медленно, едва дыша и сдерживая биение сердца (он слышит, как бьется его сердце — оно буквально колотится о ребра), проникать в нее. Как она горяча, шелковиста и влажна, эта женщина, в чьи глубины он погружается не частью своего тела, а, как ему кажется, всем телом — он похож на пловца, ныряющего в теплую воду: его окружает и ласкает горячая ласковая плоть! Она открыла рот, чтобы вскрикнуть, но не закричала, она сомкнула зубы, чтобы прикусить плечо, но не прикусила. Он замер на десятки веков в восхитительном напряжении, опираясь на колени и локти, поддерживая и приподнимая тело этой слившейся с ним женщины, живой и мертвой одновременно. А она, раздавленная тяжестью мужчины, распятая на своем ложе, задыхается, чувствует, как с ожогом, с приятной болью расходятся ткани ее естества — она превратилась в разверстую рану, принимающую кинжал, в рот ребенка, наполненный материнской грудью, в горлышко бутылки, растянутое пробкой, она морской водой смыкается вокруг нырнувшего в нее пловца. И уже не знает, стонет она или молчит, сжимается или расслабляется, закрывается или открывается, она чувствует, что наполнена и насыщена мужской плотью, от которой в равном ритме расходятся волны тепла и холода, ей и больно и приятно одновременно. А он, закрыв глаза и стараясь не выскользнуть из нее, вознес ее в космическое пространство, в воздух между облаками и океаном, он поднял ее в головокружительную высь неба и с радостью ощущает ее тяжесть, а сам напрягается и разбухает, воспринимая собственную твердость и жар, как железная балка в пламени кузнечного горна. Но ему уже мало этой неподвижности. Он начинает двигаться в ней.

Приходит в движение точный и слаженный механизм, великий часовой механизм мужчины и женщины, когда бьющиеся сердца отсчитывают секунды, и ничто в мире не может заставить их произнести хотя бы одно слово, когда она чувствует, как поднимают ее и как поднимается она сама, пока они то тесно соприкасаются, то едва касаются телами, бегут навстречу друг другу и расходятся, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее — так начинается движение поезда, отходящий от вокзала. Он отыскал ее рот и кончиком языка пытается повторить движения своего тела. Но она отворачивается, не может и он одновременно поддерживать пламя в обоих очагах, чтобы отсрочить приближение всепоглощающего удовольствия. Он ощущает его подъем в глубине своего тела, и твердеют его колени на ложе. Она застонала, она почувствовала, что их взаимное удовольствие близко, и эта мысль еще теснее сближает ее с ним, она рывком догоняет его, как бегун своего друга и соперника. И раздражается гроза. В чресле каждого из них, в центре их тел, во мраке, пробуждаются, открываются тысячи каналов — они похожи на родники — и хлынул через них ревущий поток... Она застонала, ее детское лицо исказило страданием, человеческим страданием — дрожь, страх, слезы — все эти неотъемлемые элементы сладострастия. Он превратился в паралитика, потерявшего власть над половиной своего тела: половина его тела взята в плен, охвачена легкой болью, вскоре она становится невыносимой, мышцы его живут независимо от тела; болезненное состояние усиливается и побеждает, он вот-вот задохнется, его тело стало разверстой раной, и в ней кипит его семя. Горячее семя жжет изнутри, и он проникает все глубже в ее плоть — словно рвет ее яростными ударами. Они покрылись потом, словно борцы, плывут в ночи, борясь с водной стихией, два тела бьются в головокружительном темпе, и близится конец. Она вскрикивает, ее стон ничем не остановить, сжимается в комок, не знает, что происходит с ней, хочет укрыться от возлюбленного и сохранить его в себе. Сжимается и он, роняет голову ей на плечо, сжимает губы, закусывает их, задыхается и на вершине напряжения и полета дает волю телу и чувствам. И спрятанная в нем боль, боль из самого центра тела, из его чресел и ног, собирается в одну единственную точку, и он изгоняет ее из себя, как в агонии, он освобождается от семени, она по-прежнему стонет, им обоим жарко, их тела невольно вздрагивают еще два-три раза, словно они обратились в умирающих насекомых, затем их уставшие конечности расслабляются, он падает на нее всей тяжестью и тонет, разбитый и опустошенный, как соломенный пауч. И вновь их облекает тишина.

Он соскользнул на бок, еще окончательно не разведившись с ней, ожидая, когда удалится от них восхитительная буря.

Потом он покидает ее, вытягивается, вытягивается и она — оба застыли в неподвижности и оцепенении.

Перевод с французского Аркадия Григорьева

Т О Р Г О В А Я М А Р К А

«Адидас» от Бернара Тапи

Капитализм, как известно, перенаселен акулами, существами с развитым глотательным рефлексом. Недавно один из этого племени, сорокаосьмилетний француз Бернар Тапи, владелец парламентского мандата, футбольного клуба «Марсель» и финансовой группы «БТФ», проглотил, не поморщившись, целую фирму «Адидас». Со всеми филиалами, десятью тысячами сотрудников и уходящими за горизонт складами вождельной продукции: кроссовок, футболок мячей, бутс и курток... Так закончилась сказка о баварском сапожнике Ади Дасслере, оставившем свою империю девяти наследникам. У девяти нянек «Адидас» и оказался без обоих глаз.

Нет, старый Дасслер был хоть и королем в своем деле, но отнюдь не Лиром. Некогда личный обувщик несравненного

чемпиона-олимпийца Джесси Оуэна Ади был отмечен властным и ревнивым характером. Раз поссорившись на заре своей карьеры с единокровным братом, «вынужденным» основать собственную фирму «Пума», Дасслер не успокоился, пока не отлучил от семейного торгового дома и подросткового сына Хорста, решившего жениться, не спросив родительского благословения. Хорст же, хоть и блудный, но истинный сын своего отца, принял вызов и основал филиал фирмы в соседнем Эльзасе, традиционным яблоке франко-немецкого раздора.

Под щедрым солнцем Франции фирма Хорста расцвела так бурно, что к началу восьмидесятых стала отбрасывать тень на адидасовскую метрополию в Баварии. Надо сказать, что именно Дасслер-младший впер-

вые украсил знаменитым на всех континентах «трилистником» не только шиповки и кроссовки, но и мячи, спортивные костюмы, сумки и теннисные ракетки. Правда, к тому времени Хорст Дасслер впряг в свою фирменную колесницу «Спортивного петуха» и «Пони», две маленькие компании, пытавшиеся было конкурировать с «Адидасом» на ниве спортивной амуниции.

Впрочем, глаза отца закрылись раньше, чем на семейном небосклоне окончательно взошла звезда сына. У вдовствующей императрицы-регентши Кати Дасслер сомнений не было: на опустевший трон необходимо было пригласить именно лучшее ее творение — Хорста. Но все несчастные кланы несчастливы по-своему.

Дасслер-младший не мог въехать в Баварию на белом коне: четыре ревнивые сестры повернулись к удачливому брату спиной. А он отплатил им тем же, полностью отстранив семейство «Адидас» от управления делами. Феодалная «холодная война» постепенно подтачивала фирму, как рак здоровье самого Хорста.

Теперь, окончательно оказавшись у разбитого корыта, многочисленные сестры, зятья, а также третье поколение рантье Дасслеров находят моральное утешение, обвиняя Хорста во всех смертных для «Адидаса» грехах. Он-де недальновидно увлекся расширением сети фирменных предприятий в сытой Европе, где рабочая сила оплачивается достойно, а потому дорого. Вместо того чтобы сеять «трилистники» в неизбалованном третьем мире. Он же, злодей, предпочитал оптом обслуживать игровые виды спорта, тогда как конкуренты «Рибок» и «Найк», ценя индивидуальность потребителя, в поте лица разрабатывали и выбрасывали на рынок целые коллекции «штучных» моделей на все случаи жизни. В результате в США, несмотря на все усилия своего нынешнего представителя Питерса Юберота, кудесника — организатора Олимпийских игр в Лос-Анджелесе, «Адидас» обувает в семь раз меньше пар ног, чем прозорливые хозяева «Рибок».

Наконец, Хорсту изменили вкус и чутье в выборе «живого» символа семейной фирмы. Тут

уж действительно, что верно, то верно. Закупленный за большие деньги Иван Лендл, иностранец повсюду, даже в собственном отечестве, обвесившись «трилистниками», стал скорее предметом для шуток, чем рекламой «Адидаса». Играет Лендл на корте, и на сгибе локтя зрители видят татуировку «AIDS». «Вы что, разве можно шутить по поводу такой страшной болезни», — возмутилась спортивная обществушница. «Подождите, — успокаивает собравшихся невозмутимый Иван, — сейчас я разогну руку для удара, и все увидят, что это «Adidas».

Словом, понося покойного Дасслера-2, многочисленные члены клана так долго оглядывались назад вместо того, чтобы смотреть в будущее, что наконец превратились в настоящие соляные столбы и в делах, и в отношениях между собой. Второй звонок прозвенел для Дасслеров тогда, когда они не смогли договориться о продаже за сто миллионов долларов лучшего творения Хорста — посреднического агентства, практически монополизировавшего ведение переговоров с МОК и ФИФА о спонсорстве и техническом обслуживании Олимпийских игр и чемпионатов мира по футболу.

А третий звонок или даже удар колокола раздался после крайне неприятной констатации, что за 1989 год фирма «Адидас» потеряла аж восемьдесят миллионов долларов и вынуждена была начать массовые увольнения. Корабль с «трилистником» на борту накренился, и команда капитанов предпочла покинуть его первой, выбросив семейный акционерный капитал на рынок.

И теперь точно известна дата, когда окончательно будет спущен флаг, поднятый некогда старым Ади Дасслером. Во всяком случае, новый хозяин фирмы фото- и телегеничный Бернар Тапи обещал в течение десяти лет сохранять адидасовскую эмблему, а потом... Впрочем, сказка о бедном сапожнике, вышедшем в короли, рассказана до ее страшного конца. Пора начинать новую былинку об удачливом предпринимателе, вся жизнь которого описывается тремя словами (бизнес, политика и спорт) и который су-

мел выстроить их в единую фразу, выиграв «Адидас» на торгах у швейцарского шоколадного короля Клауса Якобса и немецкого монстра-концерна «Метро».

Есть, вероятно, перст судьбы в том, что завядшие лепестки «Адидаса» упали в мощные ладони Бернара Тапи, фигуры не менее легендарной и колоритной, чем старый Ади Дасслер. Миллионер в сорок лет и мультимиллионер в сорок восемь, Тапи восхищает одних и шокирует других своей вечной тягой к острым деловым ощущениям и «плюрализмом» интересов. Он то пытается перекупить для своего футбольного клуба Марадону, то отправляется в угасающую и мало привлекательную для инвесторов Валлонию, чтобы построить там завод теннисных ракеток, а то вдруг с головой бросается в борьбу за кресло мэра Марселя.

И если Тапи и расплывется, то явно не себе в убыток. Скупка на корню баварской семейной фирмы не отвлекла его от выполнения важнейшей для интересов президента Франции миссии — организации противодействия тотальному наступлению на демократию лидера расистского и шовинистического Национального фронта Ле Пена, столь милого сердцу активистов нашей отечественной «Памяти». Дело в том, что многие во Франции обвиняли Франсуа Миттерана в провоцировании выгодного для лепеновцев раскола в среде правых. И вот теперь миллионер Бернар Тапи в своей программе публично бросил вызов бывшему десантнику, постоянно пугающему французов апокалипсическим завоеванием их прекрасной родины толпами мусульман-иммигрантов. Тапи намерен вырвать у Ле Пена «патриотическое знамя», которым тот, размахивая, стремится отпугнуть иностранцев, как голубятник своих турманов. Для Бернара главное — это органично интегрировать арабов и африканцев во французское общество. И уже поговаривают, что через четыре года он вполне сможет сменить свой личный особняк на президентский дворец. Но пока в ответ Тапи только посмеивается, хотя неизвестно, чего можно будет ожидать от этого делового романтика.

Михаил Александров

«Меня отчислили со второго курса медакадемии по несдачу госэкзаменов (по анатомии человека и гистологии). У меня тяжело болела мама, есть справка. Пропусков занятий и лекций у меня не было. В трудовую книжку внесли запись: «...отчислена без права восстановления». Группа ходатайствовала о моем восстановлении на первый курс. В восстановлении отказали.

Е. Шайдурова, г. Свердловск».

Восстановление студентов на первый курс, кроме тех, кто был отчислен в связи с призывом на действительную военную службу, запрещено. Основание: инструктивное письмо Минвуза СССР от 01.07.83, № 26.

Но если вы были отчислены со второго курса, то с согласия ректора того же или другого медицинского института (медицинского факультета университета) можете восстановиться на второй курс, как правило, в летний каникулярный период. Поскольку вы были отчислены за академическую неуспеваемость, для восстановления необходимо иметь стаж работы (после отчисления) не менее 10 месяцев и характеристику-ходатайство с места работы.

Одновременно сообщаем, что такой формулировки — «без права восстановления» — нет в указанном выше инструктивном письме, где перечислены все причины (формулировки) отчисления. Кроме того, согласно постановлению Госкомтруда СССР от 02.08.85, № 253 «О внесении изменений и дополнений в Инструкцию о порядке ведения трудовых книжек, утвержденной постановлением Госкомтруда СССР от 20.06.74, № 162», п. 2.15 Инструкции, в трудовые книжки студентов, отчисленных из вуза, не вносится причина, а только указывается время обучения согласно приказам ректора о зачислении и отчислении.

Дейл Карнеги

Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей

Часть IV. Девять способов, как изменить человека, не нанося ему обиды и не возбуждая негодования

Глава 1. Если вы должны указать человеку на его ошибку, начинайте следующим образом
Во время президентства Кэлвина Кулиджа один из моих друзей был приглашен в Белый дом на уик-энд. Попав как-то в кабинет президента, он услышал, как Кулидж сказал одной из своих секретарш: «На вас сегодня чудесное платье, вы очень привлекательны в нем».

Это была, вероятно, самая щедрая похвала, которой Молчаливый Кэл когда-либо одаривал какую-либо из секретарш в своей жизни. Это было так необычно и неожиданно, что девушка в замешательстве покраснела. Тогда Кулидж сказал: «Не смущайтесь. Я сказал это просто, чтобы одобрить вас. И мне бы хотелось, чтобы впредь вы расставляли знаки препинания более тщательно».

Его метод был, вероятно, несколько примитивен, но психологически великолепен.

Возьмем наиболее известное письмо Авраама Линкольна.

Письмо было написано 26 апреля 1863 года, в один из самых мрачных периодов гражданской войны. В течение восемнадцати месяцев генералы Линкольна вели Армию Союза от одного трагического поражения к другому. Ничего, кроме бессмысленной, бесплодной человеческой бойни. Народ пришел в ужас. Тысячи солдат дезертировали из армии; и даже республиканские члены сената взбунтовались и хотели заставить Линкольна покинуть Белый дом. «Мы сейчас на краю гибели», — сказал Линкольн, — мне кажется, что даже Всемогущий против

нас. Я с трудом вижу луч надежды».

Я печатаю письмо здесь, так как оно показывает, как Линкольн пытался убедить строптивого генерала, когда от его действий могла зависеть судьба нации.

Это, может быть, самое резкое письмо, написанное Авраамом Линкольном после того, как он стал президентом; тем не менее вы заметите, что прежде, чем говорить о серьезных ошибках, он сначала похвалил генерала Хукера.

Да, это были тяжелые ошибки, но Линкольн не называл их так. Он был более консервативен, более дипломатичен. Линкольн написал: «Существуют факты, из-за которых я не вполне доволен вами»...

Говорите после этого о такте! О дипломатии!

Вот письмо, адресованное генералу Хукеру.

«Я поставил Вас во главе Поттомаской армии. Конечно, я сделал это на основании достаточных причин, тем не менее считаю, что Вам следовало бы знать, что существуют факты, из-за которых я не могу быть вполне Вами доволен.

Я верю, что Вы храбрый и искусный солдат, и, разумеется, цену это. Верю также, что Вы не примешиваете к своей профессии политику, и правильно делаете. Вы уверены в себе — это ценное, необходимое качество.

Вы честолюбивы, что, в разумных пределах, приносит скорее пользу, чем вред. Но думаю, что в то время, когда генерал Бернсайд командовал армией, Вы позволили Вашему честолюбию взять верх над собой и третиrowали его как могли, причинив этим большое зло стране и наиболее заслуженному и почтенному собрату-офицеру.

Я слышал, и в такой форме, что этому можно верить, будто Вы сказали недавно, что армии и правительству требуется диктатор. Конечно, не из-за этого, а несмотря на это, предостачил я Вам командование.

Диктаторами могут стать

только те генералы, которые добиваются успеха. Чего я добиваюсь теперь от Вас — военного успеха, рискуя ради этого даже возможностью диктатуры.

Правительство поддержит Вас во всем, в чем только может, и это не больше и не меньше того, что оно делает и будет делать для любого другого командующего. Очень боюсь, что дух, порожденный Вами в армии критикой ее командира, недоверием к нему, обернется теперь против Вас. Я помогу Вам в меру своих возможностей преодолеть его.

Ни Вы, ни Наполеон, если бы он ожил, не можете ничего добиться от армии, пока в ней господствует такой дух, и поэтому остерегайтесь теперь опрометчивости. Остерегайтесь опрометчивости, но с энергией и неусыпной бдительностью идите вперед и принесите нам победы».

Вы не Кулидж, не Линкольн. Вы хотите знать, поможет ли вам такого рода философия в ежедневных деловых контактах. Поможет ли? Посмотрим. Возьмем случай В. П. Гоу из «Вок компани» в Филадельфии. Мистер Гоу обыкновенный гражданин, как вы и я. Он был слушателем одного из потоков курсов, прочитанных мною в Филадельфии, и рассказал об этом инциденте в одном из выступлений перед аудиторией.

«Вок компани» обязалась по контракту построить и оборудовать к определенному сроку большое административное здание в Филадельфии. Все шло по плану, здание было почти закончено, когда неожиданно субподрядчик, изготовлявший орнаментальные бронзовые украшения для фасада, заявил, что он не сможет сдать заказ в срок. Подумать только! Вся работа задерживается! Крупные убытки! И все из-за одного человека!

Междугородные телефонные переговоры. Дискуссии. Горячие споры. Все напрасно. Тогда мистер Гоу был послан в Нью-Йорк, чтобы схватиться с бронзовым львом в его логове.

Продолжение. См. журнал за 1989, 1990 годы.

«Вы знаете, что вы единственный человек в Бруклине с такой фамилией?» — спросил мистер Гоу, войдя в кабинет президента.

«Я никогда не слышал об этом», — сказал президент. Он стал с интересом разглядывать телефонную книгу. «Да, это необычное имя, — с гордостью сказал он, — моя семья вышла из Голландии и обосновалась в Нью-Йорке почти двести лет тому назад». В течение нескольких минут он продолжал говорить о своей семье и своих предках. Когда он кончил, мистер Гоу поздравил его с тем, какое у него крупное предприятие, и отметил его преимущества перед многими аналогичными предприятиями, которые он посетил.

«Я потратил всю свою жизнь, — сказал президент, — на создание этого дела и горжусь им. Не хотите ли вы осмотреть фабрику?» Во время осмотра Гоу похвалил организацию производства и высказал свои соображения о том, в чем он видит преимущества фабрики перед конкурентами. В их числе мистер Гоу отметил некоторые оригинальные машины, и президент заявил, что он сам изобрел их. Он потратил значительное время, демонстрируя мистеру Гоу, как они действуют и какую тонкую работу выполняют. Он настоял на том, чтобы Гоу принял его приглашение на ленч. При всем том, заметьте, пока не было сказано ни слова об истинной цели визита мистера Гоу.

После ленча президент сказал: «Теперь перейдем к делу. Я знал, естественно, зачем вы приехали. Но не ожидал, что наша встреча окажется такой приятной. Вы можете возвращаться в Филадельфию с моим обещанием, что заказ будет изготовлен и доставлен, даже если все другие придется задерживать».

Мистер Гоу добился всего, чего хотел, даже не прося об этом. Материал был доставлен вовремя, и постройка закончена ко дню окончания контракта.

Случилось бы это, если бы Гоу воспользовался методом «молотка и динамита», обычно применяемого в таких случаях?

Чтобы изменить человека, не нанося ему обиды и не возбуждая в нем негодования, применяйте Правило 1:

Начинайте с похвалы и искреннего признания достоинств человека.

Глава 2. Как критиковать и не вызывать при этом ненависти

Обходя однажды в полдень один из своих сталелитейных заводов, Чарльз Швэб увидел группу курящих рабочих. Прямо над их головами висело объявление с надписью «Курить воспрещается». Мог ли Швэб указать на объявление и спросить: «Вы что, читать не умеете?» О нет, кто угодно, только не Швэб. Он подошел к рабочим, вручил каждому по сигарете и сказал: «Мне бы хотелось, ребята, чтобы вы выкурили их на свежем воздухе». Они знали, что ему известно о нарушении ими правила, и они восхищались им, так как он ничего не сказал об этом, сделал им небольшой подарок и дал почувствовать, что с ними считаются. Можно ли не симпатизировать такому человеку? Вы бы смогли?..

8 марта 1887 года красноречивый Генри Уорд Бичер умер, или, как выражаются японцы, поменял миры. В следующее воскресенье на кафедру, ставшую безмолвной со смертью Бичера, был приглашен для проповеди Лиман Эббот. Желая выступить как можно лучше, он написал, переписал и отшлифовал свою проповедь со скрупулезной тщательностью, достойной Флобера. Затем он прочитал ее жене. Проповедь была жалкой, как большинство написанных речей. Жена могла бы сказать, если бы она была менее разумна: «Лиман, это ужасно. Это совершенно не годится. Ты усыпишь прихожан. Речь написана как энциклопедия. Ты должен был бы понимать это лучше, проповедуя столько лет. Ради бога, почему бы тебе не говорить так, как говорят все люди? Почему не выражаться естественно?»

Вот что она могла бы сказать. И вы знаете, что случилось бы, если бы она так сказала. Она также знала. Поэтому она только заметила, что его речь оказалась бы прекрасной статьей для «Обзора Северной Америки». Другими словами, она похвалила ее и в то же время наемкнула, что она не годится как речь. Лиман Эббот понял, разорвал свою тщательно подготовленную рукопись и прочитал

проповедь, не пользуясь даже заметками.

Чтобы изменить человека, не нанося ему обиды и не возбуждая в нем негодования, применяйте Правило 2:

Обращая внимание людей на их ошибки, делайте это в косвенной форме.

Глава 3. Сначала говорите о своих собственных ошибках

Несколько лет назад моя племянница Жозефина Карнеги покинула родной дом в Канзас-Сити и приехала в Нью-Йорк работать в качестве моей секретарши. Ей было девятнадцать лет, за три года до этого она закончила школу, и ее деловой опыт был равен почти нулю.

Однажды, когда я принял ее критиковать, то сказал себе: «Постой, Дейл Карнеги, постой минутку. Ты вдвое старше Жозефины. Твой деловой опыт в десять тысяч раз больше, чем ее. Как ты можешь ожидать от нее твоего взгляда на вещи, твоих суждений, твоей инициативы, как бы скромны они ни были? И еще минутку, Дейл, что ты делал в девятнадцать?»

Обдумав все честно и беспристрастно, пришел к заключению, что Жозефина в девятнадцать лет в среднем не хуже, чем я был в ее годы, и что, как ни печально сознаваться, я недооцениваю ее заслуги.

После этого, когда я хотел обратить внимание Жозефины на ошибку, начинал обыкновенно так: «Ты сделала ошибку, Жозефина, но знает бог, она не хуже, чем те, что делал я. Ты не родилась с умением верно судить. Это приходит с опытом, и ты лучше, чем я был в твоем возрасте. Делав столько глупых, бессмысленных вещей, я не имею никакого желания критиковать тебя или кого-нибудь другого. Но не думаешь ли ты, что было бы лучше сделать так и так?»

Гораздо легче выслушивать перечисление собственных ошибок, если критикующий начинает со скромного признания, что сам он далеко не безгрешен.

Чтобы изменить человека, не нанося ему обиды и не вызывая в нем негодования, применяйте Правило 3:

Прежде чем критиковать другого, скажите о своих собственных ошибках.

Продолжение следует

С У П Е Р М Е Н

Проклятье клана Брандо

В тот вечер изрядно поддавший тридцатидвухлетний молодец по имени Кристиан ненадолго покинул отчий кров, чтобы разыскать в расположенном тут же по соседству домике своей невесты припрятанный до случая револьвер. Впоследствии следователи сочли эту прогулку на сон грядущий неотвратимым доказательством преднамеренности действий молодого человека. Так или иначе, но, вернувшись в родовой особнячок, построенный некогда таинственным параноиком миллиардером Хьюзом, Кристиан выстрелом поприветствовал жениха собственной сводной сестры. Пуля, пробив височную кость и вырвавшись на волю через затылок, не причинила мебели никакого вреда. Банальная семейная трагедия, если бы убийца не носил легендарную фамилию

Брандо и не был старшим сыном живого американского идола — героя-любownika на все времена, Марлона Брандо, похвалившегося в свое время, что каждую ночь пятьдесят миллионов женщин, ложась в постель, мастурбируют, вспоминая о его киногероях.

Отца Кристиана выстрел, казалось, даже не вывел из равновесия. Он осмотрел тело несостоявшегося зятя, и, убедившись, что мертвее не бывает, разрядил орудие убийства и вызвал полицию. Брандо-старший словно давно все предчувствовал и заранее смирился с этим как с неизбежной небесной карой. Уж не грехи ли отца пали на его детей?

Защита на суде — дело адвокатов. Но Кристиан, богатый наследник и потомственный алкоголик в четвертом колене,

мог бы, вероятно, разжалобить любых каменнолицых присяжных, расскажи он о своем патологическом генеалогическом древе. Сам король из сказки Евгения Шварца, имевший привычку ссылаться на злокозненные гены от предков-преступников, пришел бы в ужас.

Прадед Марлона Брандо со стороны отца был некогда искуснейшим хирургом, но пропил талант врачевателя, умер в одиночестве и нищете. Прабабка, предчувствуя, видимо, столь печальный финал, исчезла из семейных хроник еще раньше, бросив на произвол судьбы трехлетнего сына. Выросший без материнской заботы, отец Марлона блестяще не оправдал поговорку: не родись красивым, а родись счастливым.

Единственное, что связывало родителей Марлона, — это, вероятно, увлечение спиритизмом, мистикой, всякого рода оккультными науками. Именно матушка всю пыталась привить чаду любовь к идеям и образу Елены Блаватской. Но Марлону одной женщины всегда было мало. Но больше, чем семейная мистика, подраставшего Марлона донимали материнские запои.

Марлон унаследовал от ро-

дителей жестокость по отношению к близким людям, мистицизм же трансформировался у него в безграничный нарциссизм. «Мессия без бога, иконоборец без икон», — так определила личность Марлона Брандо его первая жена Анна Кашфи, мать несчастного Кристиана. Длинноногая индуска с иссиня-черными волосами, она надоела Марлону уже через несколько месяцев после рождения ребенка. Супруги, вмиг ставшие врагами, долго судились за право обладать Кристианом, но когда процесс завершился победой будущего Крестного Отца, выяснилось, что дело было в принципе, а не в сыне. Победитель отослал наследника на воспитание к сестре, побежденная же заявила, что она ощущает себя никогда не бывшей близкой с Брандо и никогда не рожавшей.

Теперь же, по прошествии многих лет, Анна Кашфи решила взять реванш за прежние унижения в книге «Брандо на завтрак», выставив в ней экс-мужа со спущенными штанами.

Печатный удар пришелся в самую болевую для всякого мужчины, а тем более «секс-символа», точку, ту, что даже футбольные защитники старательно закрывают руками. Под мстительным испепеляющим взглядом прекрасной дочери Индостана Марлон превратился в любовника — колосса на глиняных ногах.

В супружеских мемуарах Анны есть все. И намек на бисексуальность живого голливудского божества. И описание его странного эдипова комплекса, не позволявшего Брандо заниматься любовью с белыми женщинами и потому толкавшего его на постоянные поиски цветных и, по большей части, экзотических партнерш. И, наконец, не подлежащий обжалованию даже в Лиге сексуальных реформ приговор: «предел любовных мечтаний многих женщин» оказался не слишком одаренным в плане сексуальных достоинств!

Ай да Кашфи, ай да... бедная дочь Азии. Она здорово поплатилась за извечное жен-

ское любопытство, за желание узнать, каков же Брандо в постели: «Мы сидели и смотрели телевизор. Вдруг он схватил меня на руки и потащил в спальню. Я спросила, не собирается ли он меня изнасиловать. На что Брандо ответил, что изнасилование — это всего лишь обычное нападение с применением «благородного оружия». «Благородное оружие» так и осталось до старости для Крестного Отца предметом самого искреннего поклонения.

Да, похоже, руку Кристиана с пистолетом поддержал целый сонм предков и ближайших родственников — параноиков, алкоголиков, мистиков и язычников. Кстати, и сестричка, за которую он заступился, отличалась скорее отсутствием тормозов, чем здравым смыслом. Недаром папочка предпочитал держать ее постоянно поблизости от себя. Будь то дом в Лос-Анджелесе или собственный остров в теплых морях. Словом, занавес над последним актом семейной трагедии опустился.

Михаил Ципанов

Стрелец

24 ноября — 22 декабря

Кто родился в это время, тот смел и дерзок, его любят и господа и слуги, осанка у него надменная, внешность часто красивая, охотно совершает путешествия по морю и суше. Он свыше меры любит лошадей и охоту, обычно имеет склонность к беседам и танцам — так писал в XV веке один итальянский астролог из Сиенны. Драгоценность их — это аметист, который приносит удачу на охоте и в рыцарских забавах. Топаз помогает снискать благоволение господ и правителей. А хризолит бережет от дорожных приключений.

Древние считали аметист амулетом наибольшей силы, греки утверждали, что свое название он получил от прекрасной нимфы Аметис, к которой бог вина и радости Дионис воспылал внезапной страстью. Но прекрасная нимфа отвергла его домогательства, так как любила пастуха Сирикоса — красивого музыканта и любимца Аполлона. Оскорбленный Дионис гнался за ней через луга и леса. Нимфа, убегая, призвала на помощь богиню Артемиду. Как только Дионис собрался заключить нимфу в свои объятия, богиня превратила ее в мерцающий лиловым блеском камень, отсюда название «аметист». А в память об отвергнутом боге вина этому камню была дана сила хранить от пьянства. Тот, кто пил вино из кубка, украшенного аметистом, или имел на пальце перстень с этим камнем, мог не бояться, что напиток отуманит его рассудок или чрезмерно развяжет язык.

Лиловый камень был любимым камнем древних также и потому, что помогал в охотничьих забавах, в спортивных играх и даже в делах. Его носили греки и египтяне, о его необычных свойствах упоминают шумерские надписи на глиняных табличках, расшифрованные английским археологом Брэдсом.

Одним из необычайных поверий, связанных с этим камнем, было убеждение в том, что аметист способен вызвать любовь к дарящему, и даже если принявший его в дар перед этим был влюблен в другого. «Аметист — камень «новой любви», прежнюю любовь заменяет равнодушием и открывает сердце для новой. Остерегайтесь его, женщины обрученные либо замужние» — эти слова шумерский жрец вырезал на глиняной табличке тридцать столетий тому назад.

А в Риме аметист называли «благословенным камнем», который приносил удачу, покой и благо, успокаивал нервные расстройства, улаживал распри. Перстни с благословенным камнем носили первые христиане, позднее этот обычай перешел к попам и епископам. Из аметистов делали четки, на которых обычно горячо молились во времена войн и стихийных бедствий.

То, что аметисты блистали на руках духовных лиц и на церковной утвари, несколько уменьшило популярность этого камня среди людей светских. В XIX веке его шутливо называли «камнем старых холостяков», а обычно запрещал дарить украшения с аметистами молодым девушкам и молодым женам.

Зато, по мнению астрологов, аметист — независимо от возраста, пола и общественного положения — был счастливым камнем для всех тех, кто родился под знаками Стрельца и Рыб.

О свойствах топаза — «Камня придворных» — и зеленоватого хризолита, которые и Стрельцам приносит счастье, рассказано там, где говорится о талисманах для Льва.

Козерог

23 декабря — 20 января

Мрачный Сатурн, изображаемый в виде старца с козой, управляет знаком Козерога. Когда на небосклоне возвышается этот знак, на свет приходят люди, уже смолodu не по

летам серьезные и суровые. Жизнь их полна всяческих трудов и забот. Судьба не жалеет им теней, такими не совсем ясными словами обрисовал будущее «козерожцев» знаменитый астроном, занимавшийся и астрологией, — Тихо де Браге. В конце своих рассуждений он добавляет: «Превратности изменчивой фортуны легче будет им перенести, если пурпурный рубин, темный оникс и зеленый малахит будут их талисманами».

Рубин — красивый красный камень с пурпурным отблеском — должен был приносить людям счастье в любви. «Если хочешь добиться взаимности, подари тому или той, к которой склоняется твое сердце, рубин цвета пламени — и разожжешь в ней любовь», — советовал еще один астролог.

Другим свойством рубина, из-за которого его охотно носили люди, было согласие поверить то, что он хранит своего обладателя от опасности конной езды (рубинами часто украшали сбрую), от молний и наводнений.

Перстни с рубинами или же неоправленные камни носили люди, опасаящиеся яда, ибо верили, что рубин, погруженный в отравленное питье или поднесенный к острию отравленного кинжала, меняет свой цвет.

Полудрагоценный камень коричневого или черноватого цвета под названием оникс в древности высоко ценили за его магические и лечебные свойства. Его называли «камнем вождей», так как он должен был давать владеющему им власть над другими людьми, прояснять ум и проникать в замыслы политических противников. Он также укреплял память и охранял от внезапной смерти и от покушений на жизнь.

Зато рискованно для супружеского счастья было дарить жене ониковые бусы, разве только муж соглашался с тем, что жена будет в результате играть первую скрипку.

Считалось, что оникс, оправленный в серебро, лечит болезни

сердца и бессонницу, дает желанье жить и прогоняет черные мысли.

Астрологи утверждали, что оникс — самый подходящий талисман для рожденных под знаком Козерога. А на родившихся под знаком Рака и Весов он оказывал неблагоприятное влияние.

Темно-зеленый малахит был амулетом, усиливающим духовные силы обладателя, и благодаря этому свойству его охотно носили люди науки, в его необыкновенную силу особенно глубоко верили жители Востока. Малахитовая пластинка с вырезанными на ней солнечными дисками должна была приносить владельцу удачу в делах, здоровье и успех в любви.

Медальон из малахита в медной оправе якобы лечил ревматизм, а перстни с малахитом охраняли от чумы и холеры. Средневековые врачи рекомендовали подмешать в вино щепотку малахитового порошка тем, кто жаловался на боль в печени и расстройство желудка. Это лекарство должно было помогать и при некоторых женских болезнях.

Водолей

21 января — 19 февраля

Астрологи утверждали: кто родился, когда на небе сияет Водолей, те кротостью, щедростью и врожденной добротой привлекают к себе сердца великих и малых, превратности судьбы сносят мужественно и терпеливо. В науках и искусствах они находят радость и охотно время над книгой проводят.

Этим людям должны были приносить счастье гранат и циркон.

Полудрагоценный камень гранат, существующий в нескольких разновидностях, различающихся между собой по цвету — от темно-красного до желтоватого, — был символом сердечных чувств, любви и дружбы. Персидский поэт Хафиз писал: «Как солнечный луч воспламеняет гранат в твоём перстне, так сердце мое разжигает любовь к тебе». Этим камнем охотнее всего обменивались влюбленные, кольца с гранатом дарили в доказательство дружбы, памяти, благодарности.

Эти украшения были особенно модны в эпоху романтизма, когда символике придавали

большое значение. Из мелких красных камешков делали кольца, броши, подвески в форме соединенных сердец, цветов четырёхлистного клевера, подков, якорей. А в древности на поверхности больших отшлифованных гранатов вырезали профили властителей, изображения богов, портреты близких.

На Востоке ценили красные камни за их якобы целительные свойства. Врачи советовали носить украшения с гранатами при болезнях и высокой температуре. Это поверье сохранилось до средних веков, когда считали, что гранатовые ожерелья помогают при воспалении горла и при упорных головных болях.

Гранат также должен был обеспечить своему обладателю хорошее настроение и веселые мысли, но лишь при условии, что его никогда не снимают. Камень этот считался не только «талисманом влюбленных», его называли также «камнем честности»: кто овладел им путем разбоя и воровства, не мог ожидать, что гранат принесет ему счастье.

Гранат приносил счастье и тем, кто родился под знаком Овна и Скорпиона, а родившиеся под знаком Тельца или Рака должны его остерегаться.

Циркон — редкий прозрачный камень, который на Востоке называли «младшим братом алмаза». Этот драгоценный камень якобы улучшал умственные способности своего обладателя, возбуждал в нем стремление к наукам и познанию истины. Он укреплял память, повышал сообразительность.

Цирконы голубоватой окраски были талисманами путешественников, так как они должны были отпугивать диких зверей и охранять от укусов ядовитых змей.

Рыбы

20 февраля — 20 марта

Когда солнце вступает в знак Рыб, рождаются необыкновенные люди, часто они приносят с собой на свет дары муз, поэзии, музыки и книг. Любят больше, нежели другие люди, к действиям магическим великий интерес питают. Рассудок их часто туманит гнев, и тогда трудно бывает их образумить. Жемчуга, найденные на дне морей, и аметисты, отливающие фиолетовым

блеском, приносят им счастье. Так говорил в XV в. болонский астроном и астролог Доменико Мария Новара, профессор и научный покровитель Николая Коперника.

Откуда внутри раковин, которые вылавливают в глубинах океанов, берутся эти округлые, с нежным блеском частицы? Греки утверждали, что это затвердевшие слезы морских нимф. В средние века рассказывали поэтическую легенду о том, что слезы сирот и невинно обиженных ангелы замыкают в раковинах, превращая их в драгоценность.

Теперь известно, что происхождение жемчуга гораздо прозаичнее, его производит особый вид морских моллюсков — жемчужниц. Жемчуг бывает различной окраски, величины и формы. У берегов Индии ловят ценный жемчуг — бледно-розоватый, в прибрежных водах Цейлона водолазы находят серебряный и желтоватый жемчуг, в Японском море — светло-зеленый, в Австралии — белый, в волнах Мексиканского залива дощцы находят оригинальный черный жемчуг, а в Калифорнийском заливе живут жемчужницы, создающие жемчуг розово-красный.

Украшения из жемчуга были известны уже чуть ли не в доисторические времена. Царицы древности очень любили жемчуга. Семирамида на дворцовых празднествах появилась в семи нитках розового жемчуга необычайного размера. Клеопатра также была обладательницей шкатулки с жемчугом огромной ценности. Богатые гречанки охотно носили жемчужные украшения, которые должны были придавать глазам блеск и охранять от мук безответной любви.

В те времена жемчуг считался хорошим лекарством. Раствор, в котором варился жемчуг, якобы помогал при болезнях печени. Детям, страдающим злокачественным малокровием, давали пить молоко с толченым жемчугом. А в Италии верили, что жемчуг бережет от дурного глаза и дает способность предвидеть будущее. В эпоху романтизма было модно дарить предмету влюбленности кольцо с жемчугом, символизирующим «слезы тоски».

Ну и как? Смогли вы воспользоваться предлагаемыми прическами? Одна из наших читательниц написала, что, как ни пыталась изобразить на голове что-то более или менее

похожее — ничего у нее не вышло. Вполне вероятно, что неудачу потерпела не только она. Поэтому мы предлагаем идеальный выход из столь затруднительного положения. Возьмите

журнал и отправляйтесь в парикмахерскую. Там вам помогут! Тем более что именно так поступили некоторые из вас. И результат превзошел их ожидания.

RAVENNE

MILAN

ÉDIMBOURG

MANCHESTER

DUBLIN

ROME

COPENHAGUE

OSLO

HELSINKI

BORDEAUX

LILLE

DIJON

PARIS

SAINT-TROPEZ

STOCKHOLM

LONDRES

LIVERPOOL

EEROE

Элтон Джон — пенсионер?

Элтон Джон также собирается несколько сменить примелькавшуюся наружность. Ветеран рока не скрывает своей усталости от суетной жизни музыканта: годы берут свое. Не исключено, что певец вскоре окончательно оставит сцену. Пока же он распродает свой артистический арсенал с аукционов и передает в музеи собственные экзотические костюмы. «Я больше не хочу предстать перед публикой гротескным персонажем», — заявил Элтон Джон, выпустивший диск под названием «Реджинальд». Реджинальд — это, кстати, имя, данное звезде во младенчестве папой и мамой. Что это, возвращение к истокам или же просто кокетство пресыщенной знаменитости?

Красота спасет от расизма

Похоже, что наконец пал один из последних бастионов заокееанского расизма. Белые ценители изящных форм и милых мордашек смирились с тем обстоятельством, что королевской красоты в Соединенных Штатах вполне может быть провозглашена темнокожая дива. Несколько лет назад появление первой темнокожей Мисс Америка вызвало целый переполох, и общественное мнение с облегчением вздохнуло, когда выяснилось, что гарлемская королева позволила себе в юности сняться в весьма пикантном виде и не может более носить свое высокое звание «Невеста Америки». В прошлом же году объявление первой красавицей Рени Тенисон было воспринято как должное. Фотографии Тенисон тут же появились на обложках «Плейбоя», «Мирабеллы», «Вога», «Мадемуазели» и других достойных иллюстрированных изданий. В США красота признана общерасовой ценностью.

Ален Делон — солдат

Ален Делон, как выясняется, не только не пьет одеколон, но и испытывает острую ностальгию по временам войны Франции в Ин-

докитае. Во всяком случае, вопреки серьезному возрастному несоответствию идущий к своему шестидесятилетию актер решил сняться в совместном франко-вьетнамском фильме «Дьен-Бьен-фу», повествующем о ключевом моменте этого конфликта — сдаче французского гарнизона хорошо укрепленной военной базы. «Я должен был сыграть в этой картине», — заявил сам Делон. Утверждают, что в юности он имел непосредственное отношение к этой войне, став, выражаясь современным языком, «вьетнамцем».

Фотомодели на ярмарке невест

Не родись красивой, а родись фотомodelью. Примерно так должна ныне звучать классическая поговорка. Во всяком случае, фотомодели становятся сейчас самыми престижными невестами. Так, Элен Ирвинг оказалась удачливее самой Мадонны, которой, несмотря на титанические усилия, не удалось построить прочную семью с актером Син Пенном. Под влиянием же юной и очаровательной фотомодели Пенн заявил, что намерен теперь остепениться и создать собственное семейное гнездышко с Ирвинг. А фотомодель Карен Джонсон и вовсе покорила сердце классика американской литературы, семидесятичетырехлетнего Гленна Форда. Кстати, не так давно другой классик, Альберто Моравия, в 77 лет также женился на молодой и очаровательной женщине... ныне уже вдове.

Болит? — Помоги себе сам

Ведет профессор Мак-Иов Риго

Лечим остеохондроз

Урок профессора Риго вызвал у нас двойственное чувство. С одной стороны — полная ясность проблемы и методики лечения, с другой — множество вопросов по деталям. Список вопросов был составлен быстро, но выйти на профессора не удалось: он очередной раз «нырнул», отключившись от обратной связи; очевидно, у него назрели дела особой важности. Нас это не очень огорчило, ведь мы знали, что всегда можем обратиться за помощью к Володе Шину. Но оказалось, что и его нет на месте: он совершал консультативные туры по странам Юго-Восточной Азии. (Оказывается, мы продаем не только ноги футболистов, но и уникальные способности наших экстрасенсов). Чтобы заручиться добрым расположением Шина, мы встретили его сразу по прилете в Шереметьево. Приятная поездка на предоставленной нами машине вместо униженного контакта с печально знаменитой шереметьевской таксистской мафией сделала свое дело: уже на следующий день Шин был в редакции.

Урок ему понравился.

— Здесь есть все, — сказал он.

— Все для кого? — попросили уточнить мы. — Для «дураков» или для «дилетантов»?

— Даже для специалистов средней руки.

— Но почему Риго указал так мало точек? Одну — на руках, одну — на ногах и всего две обязательные (очевидно, опорные) собственно на позвоночнике: чан-чан под копчиком и да-чжуй — под 7-м шейным позвонком.

— А весь позвоночник? Это

ведь десятки точек! И классических, и новых. Но если б здесь был только позвоночник! Риго схитрил и подсунил работу значительно большую, чем он говорит. Ведь, обрабатывая звонки с боков, вы поневоле оказываетесь на паравертебральных линиях и точках, которые сегментарно контролируют все туловище. Это грандиозный кусок работы! — просто каждый видит в ней лишь то, что способен увидеть. «Дурак» — только работу вдоль позвоночника; по инструкции — от и до. «Дилетант» работу «дурака» будет делать как бы между прочим, вроде бы попутно, все свое внимание сосредоточив на нескольких важнейших узловых точках. «Специалист» — зная проколы в здоровье данного больного — пользуется редкой возможностью контролировать всю его энергию, чтобы перераспределить ее самым благоприятным для больного образом. Вот так. Обстоятельства у них одни и те же, а результаты — несопоставимы.

— Но если объяснить «дураку» работу «специалиста»? — робко заикнулись мы, памятуя о тех сотнях писем, в которых требуют: давайте побольше точек!..

— Всегда одно и то же! — с досадой воскликнул Шин. — Ну хорошо... предположим, вы умеете починить электрический утюг, и я, зная это, принесу вам микроволновую плиту и попрошу: глянь, Христа ради, что с нею; в последнее время что-то стала барахлить...

9

— Следующий вопрос волнует очень многих наших читателей: как соотносятся методика Риго и работа костоправов? Например, знаменитый Касьян: стукнул несколько раз по спине — и человек здоров.

Шин засмеялся:

— Если бы все было так просто — разве бы у нас люди мучились от остеохондрозов, дисконий и искривлений позвоночника? Уж как-нибудь пропустили бы всех страдальцев через руки костоправов (которых у нас достаточно) — и нет проблемы. Но посмотрите, что происходит: костоправов множество, работают они не покладая рук, причем действительно очень быстро: раз, два — и готово, — а число больных не убывает. Мало того, статистика утверждает, что положение становится все острее.

— Но ведь после их сеансов люди объективно ощущают себя лучше...

— Надолго ли? Чаше всего — нет. На день, на неделю — до первой серьезной нагрузки; даже — до неосторожного движения. Не так повернулся — и мгновенно внутри взрывается боль. Она возвращается с прежней силой, хотя больному кажется более ужасной, чем прежде. Ведь к той больной успел привыкнуть, а эта ударила вдруг, застала врасплох. И вот возникает принципиальный вопрос: отчего это происходит? Отчего «исцеленные» костоправами живут не свободно, а с каким-то внутренним напряжением, скотинно, с ежесекундным ожиданием возврата боли? Ведь такое напряжение не случайно, оно у всех у них. Значит, это голос тела им подсказывает, что благополучие эфемерно, даже условно. Они стараются не задумываться об этом, и все же их радость освобождения от боли отравлена неосознанным ощущением, что это всего лишь передышка. Правда, есть немало простаков, которые не способны слышать голос тела и думают, что это «исцеление» — навсегда. Но их тело мудрее их, оно само борется, стараясь продлить срок свободы от боли... — Шин обвел нас своим насмешливым взглядом. — Так вот, повторяю вопросы: отчего в «исцеленном» костоправами сохраняется напряг? Отчего это врачевание недолговечно? Кто-ни-

будь откажется ответить?

Это был вызов — и мы приняли его. Но хотя каждый из нас уже проникся духом концепции Риго (что помогает нам жить куда приятнее и здоровее, чем прежде), мы еще не настолько уверены в себе, чтобы пускаться в подобное плавание в одиночку. Поэтому мы дружно навалились на поставленные Шиню вопросы — провели мозговой штурм — и вот что получили:

1. Любой способ лечения — это поиск равновесия.

2. Костоправы создают его из того материала, который в данный момент имеют под руками.

3. Энергетическая регуляция (сброс воспаления) производится костоправами за счет болевого всплеска в момент вос-

становления скелетного соединения.

4. Успех вправления зависит не только от мастерства костоправа, но и от величины воспаления. Чем сильнее воспаление — тем больше требуется попыток, каждая из которых (при правильных действиях) понижает уровень воспаления. Следовательно, удачное вправление с первого раза не обязательно самое лучшее. Скорее всего его устойчивость минимальна.

5. Естественное равновесие — это равновесие вертящегося волчка, который устойчив в любом положении — пока не иссякнет энергия вращения. Искусственное равновесие — это равновесие канатоходца, который тратит свою энергию на решение единственной задачи: ба-

лансировать всем телом таким образом, чтобы его центр тяжести и нитка каната находились на одной вертикали. Малейшая неточность карается падением. Вот отчего так напряжены «исцеленные» костоправом пациенты: они ощущают, что их благополучие эфемерно и требует постоянного внимания.

6. Достигнутое костоправом равновесие недолговечно, потому что очаг болезни не перестал функционировать. (Он не обязательно находится в месте костно-хрящевой деформации). Значит, достаточно воспалению подняться до прежнего уровня — и никакая осторожность не поможет больному.

7. Вывод: работу костоправа можно рассматривать только как скорую помощь, как действие с целью снятия дискомфорта, как подготовительный этап к собственно лечению,

— когда организм, избалованный врачом от воспаления, сам находит равновесие.

10

Во время мозгового штурма мы записали эти пункты и с гордостью предъявили их Шину; а теперь — с не меньшей гордостью — вам. Возможно, для специалиста это азбучные истины, но мы сами дошли до них. Еще год назад подобный анализ был для нас недоступен. Чего скрывать! — наше понимание происходящих в организме процессов было ограничено стереотипами, позаимствованными в кладезе прописных истин коммунальной кухни. Риго научил нас: 1) как освобождаться от стереотипов, разбивая их острой, энергичной мыслью; 2) как для понимания происходящих в организме процессов пользоваться принципами, едиными для всей природы; наконец, 3) научил верить себе: голосу тела, чувствам и интуиции.

— Поздравляю, — сказал Шин. — Вот видите, вы уже вполне можете обойтись без меня.

— Не уважаешь... — Наш главный редактор первым остыл после эйфории мозгового штурма и был способен к объективным оценкам. — Думаешь, мы не понимаем, что твои вопросы были так точны, что уже содержали и ответы? Правильно сформулированная задача уже наполовину решена — эту пре-

мудрость мы усвоили давно.

— И все равно вы молодцы,— сказал Шин.

— Это мы знаем.— Мы умеем держаться с достоинством.— Однако мы ждем от тебя ответа: возможно ли в нашей дилетантской практике воспользоваться какими-нибудь приемами из арсенала костоправов? Это было бы здорово: сразу снять избыточное воспаление; значит, для начала привести пациента в комфортное состояние. После этого основная работа производилась бы на относительно терпимой боли.

— С вами стало страшно работать,— засмеялся Шин.— На пятки наступаете. Профессор Риго был бы вами доволен.

Мы не обольщались. Мы знали: любые наши открытия — это всего лишь освоение того огромного мира, который открыл нам Риго. Он назвал нам предметы этого мира, их назначение и законы, по которым они живут. Мы же открывали только их функции. Но эти открытия подтверждали, что мы обжились в этом мире, и с каждым днем он все больше становился нашим собственным.

— Идея недурна,— сказал Шин,— но вот как ее реализовать?... Он немного подумал. — Я бы хотел, чтобы вы ясно поняли, что именно меня смущает. Дело в том, что работа костоправа очень проста, предельно проста — и потому производит впечатление легко исполнимой. Но исполнить ее удается далеко не каждому. И знаете — почему?

Когда простую работу исполнить непросто — это мы знали. Риго столько раз нам об этом твердил!

— Если все зависит от чувства меры,— сказали мы.— Если обычного приоритета «как» над «что» мало. Если «что» только называет работу и ее план, а все исполнение достается «как».

— Вот именно. От костоправа требуется изумительная точность. Он дергает, давит, бьет — но при этом его усилия, его удары, внешне резкие, даже грубые, отмерены аптечно. Мало того: в те ничтожные доли секунды, пока длится его действие, он умудряется работать с обратной связью. За это мгновение он успевает уловить ответ организма и внести в свое действие коррекцию.

Между его работой (на суставах) и вашей (на точках) есть принципиальное отличие.

Работая на точках, вы образуете единую энергетическую систему с больным. И время контакта становится решающим фактором вашего воздействия: 1) время определяет поиск равновесия, 2) время позволяет «приучить» точку, канал, орган и систему к нормальному режиму работы; 3) время позволяет корректировать усилия, компенсируя неумение пользоваться своей энергией — то есть дефицит мастерства.

А в работе костоправа время как бы меняет знак. Ваш главный союзник — для костоправа оно превращает в главного оппонента. Специалисты знают, что класс костоправа определяется по числу попыток...

— Обожди,— перебили мы Шина.— Но ведь только что, во время мозгового штурма, мы решили — а ты не стал спорить,— что чем сильнее воспаление, тем больше попыток требуется костоправу, пока он поймает норму, поймает равновесие.

— Одно не противоречит другому,— сказал Шин.— Ординарный костоправ сперва как бы пристреливается. Он создает себе благоприятную ситуацию за счет числа попыток — и не видит в этом ничего зазорного. Для мастера же — дело чести попасть с первого раза.

Итак, первое главное отличие — в функции времени; второе — в *средстве воздействия*. А средство зависит от системы, которую вы создаете в процессе лечения. От *качества системы* врач — больной.

Система может быть либо статичной, либо динамичной. Контактируя с больным посредством точек, вы создаете статичную систему. Как вы фиксируете нынешнее состояние. Но ведь при этом вы намерены состояние улучшить — не так ли? — а статика не может дать ни преобразования, ни излечения. Как же быть? Нужно внутри системы создать динамику, которая и переместит центр равновесия в нужном вам направлении. Что создает эту динамику? Ваша энергия, ваша жизненная сила.

А вот создаваемая костоправом система — динамична. Движение — его инструмент. Значит, он воздействует не

энергией (для чего требуется время), а силой. Он тоже сливается с пациентом, но не в единой энергии, а в едином движении. Это слияние возникает в тот момент, когда движение начинается, и прекращается в момент прекращения движения. То есть длится доли секунды.

Наконец, третье принципиальное отличие: вы ищете равновесие в организме (в целом), а он — в отдельном (поврежденном) суставе. Вы нацелены вылечить навсегда, он — на данный момент (он знает, что делает временную работу, но даже себе не признается в этом).

Желаю легкой руки.

Продолжение следует

ДОСЫЛ В НОМЕР

О «Вехах»

Мы обещали в номерах 1991 года познакомить вас с содержанием сборника «Вехи» (1909).

Но так случилось, что сразу два издательства выпустили этот сборник. Он довольно долго продавался даже в киосках «Союзпечати». И таким образом, наверняка все, кто интересуется русской философской мыслью, сумели приобрести этот небольшой томик. Кроме того, в ближайшее время он выходит еще одним изданием, в составе библиотечки журнала «Вопросы философии».

Имеет ли смысл нам в такой ситуации публиковать его? Что вы думаете об этом?

Пожалуйста, напишите. Тем читателям, кто по каким-то причинам не успел приобрести «Вехи» в магазине, мы готовы сборник выслать. Специально для этого мы купили 400 экземпляров. Кстати, в скором времени переиздается еще один редкий философский сборник — «Из глубины» (1918). Не пропустите!

На этой картине, запечатлевшей парижских знаменитостей, под № 1 изображен Пикассо. А кто же имеет номер три?

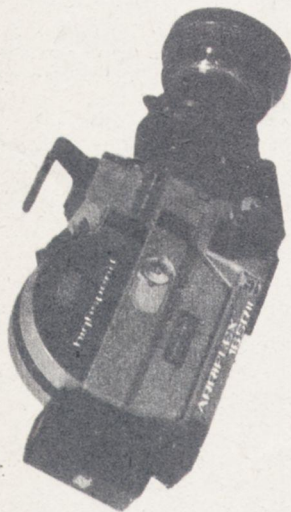
Гийом Аполлинер
Поль Элюар
Андре Жид

Спонсор конкурса —
международный эколого-рекреационный
консорциум «Эрконс»

Один из римских пап посвятил свою традиционную энциклику кино, радио и телевидению. Как его имя?

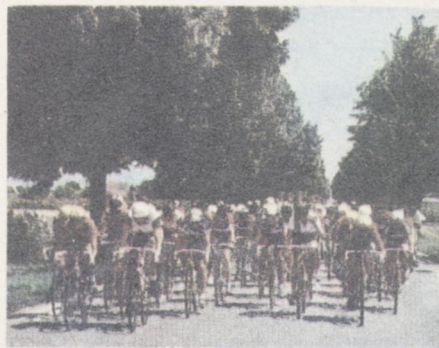
1. Иоанн XXIII
2. Павел VI
3. Пий XII

Снятый в Италии в 1959 году фильм с участием итальянских, французских и шведских актеров был неоднозначно встречен публикой и критикой из-за ряда весьма смелых по тому времени сцен. Что это за фильм?

1. «Сладкая жизнь» Феллини
2. «Ночь» Антониони
3. «Гепард» Висконти

Не опаздывайте с ответом. Последний срок —
15 марта 1991 года.

«Тур де Франс» — одна из самых престижных велогонки в мире. В 1987 году старт соревнованию был дан вне Франции, из одного крупного европейского города. Какого?

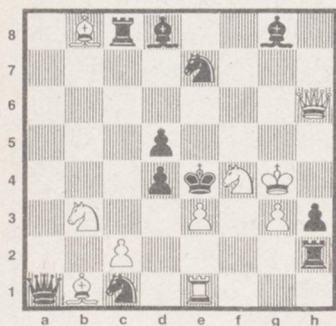
1. Амстердам
2. Берлин
3. Брюссель

Фамилия _____
Имя _____
Возраст _____
Адрес _____

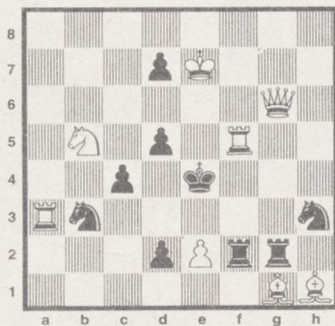
Под редакцией
Анатолия Карпова
В этом номере мы публикуем

вторую порцию заданий нашего
конкурса. Ответы второго тура
отправьте не позднее 15 апреля.

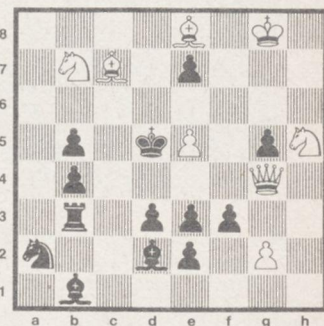
На конверте не забудьте сделать
пометку «Шахматный конкурс».
Желаем удачи!

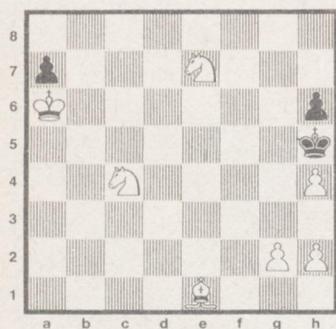
№ 10. Мат в 2 хода.

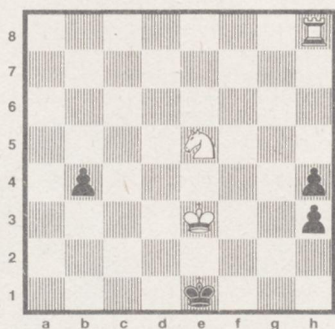
№ 11. Мат в 2 хода.

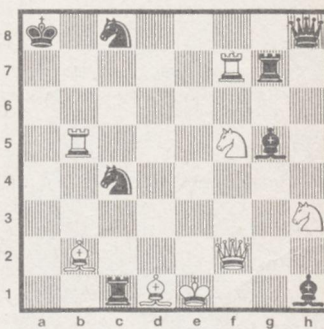
№ 12. Мат в 3 хода.

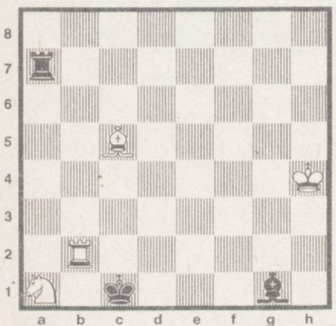
№ 13. Мат в 3 хода.

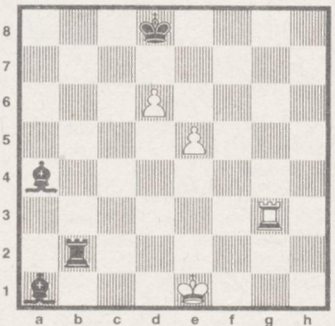
№ 14. Мат в 4 хода.

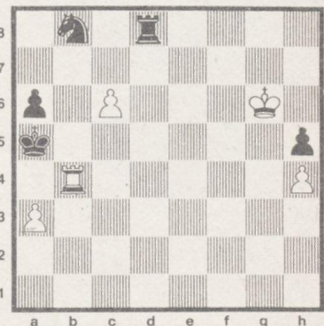
№ 15. Мат в 32 хода.

№ 16. Выигрыш.

№ 17. Ничья.

№ 18. Выигрыш.

ВИДЕОЗАЛ

Доктор Энглунд и мистер Крюгер

Такого еще не бывало. Кроважадный и мерзкий до отвращения шизоид Фредри Крюгер, плод группового насилия полутора сотен маньяков над несчастной монахиней, превратился в суперантигероя. От шоковой ненависти до любви оказался действительно один шаг, и еще полшага до всеобщего обожания и коллективной истерии поклонения.

Уже в течение семи лет, поделенных на пять серий, неутомимый в злодействе Крюгер демонстрирует гениальность в истреблении вполне послушных детишек с улицы Вязов; кого утопит, кого задушит, кого сервирует под пиццу, чтобы закусить после трудов несправедливых. Гвоздем программы, если, конечно, не считать прибавления к креслу одной из жертв, стало извлечение из тела, подвернувшегося под когтистую руку Фредри, мальша нервов и превращение страдаль-

ца в подобие тряпичной марионетки на ниточке. Страшно, аж жуть... Но ни одному из родителей, находящихся в здравом уме и трезвой памяти, просто не придет в голову страшить своих непокорных наследников тенью и духом садиста Крюгера.

Напротив, даже слух о близком появлении милого дружка Фредри вызывает восторг, сравнимый, вероятно, с воодушевлением первых христиан перед лицом явления очередного про-

рока. Экзальтированные тинэйджеры окружают Крюгера, стремясь дотронуться до его мерзопакостной изъязвленной физиономии. Впрочем, окружают они, естественно, не Крюгера, а актера Роберта Энглунда, которому личина злодея стбит трех часов упорной работы в гримерной.

Такие артистические удачи, как образ Крюгера в исполнении Энглунда, обычно величают режиссерскими находками. Действительно, трудно было

увидеть в добродушном сорокалетнем блондине, прославившемся к тому же ролью недотепы в бесконечном сериале «Свидетели», задатки непревзойденного садиста-одиночки и детоненавистника. Впрочем, постановщику Весу Гравену помогла определить весьма банальная сентиментальная трагедия.

Сам Роберт Энглунд утверждает, что в тот исторический день он должен был пережить два судьбоносных свидания: первое с подружкой, решившей его оставить, а второе — с режиссером, намеревавшимся его попробовать в принципиально новом амплуа. Сентиментальная неудача, естественно, не добавила Роберту энергии и оптимизма, и он, будучи натурой творческой, попытался художественными средствами выразить на лице свое удрученное состояние.

Первым делом Энглунд выбежал щеки, разрисовал черным карандашом глаза, а волосы безжалостно покрыл клееким составом. Прибыв в таком боевом раскрасе на деловое свидание, Роберт затеял еще и игру в гляделки с Гравеном. Режиссер проиграл, не вынеся взгляда Энглунда, и Роберт стал злодеем Крюгером.

Характерно, что для Энглунда, бывшего хиппи и сторонника политики ненасилия, живя в образ чудовищного Крюгера не стоило никакого труда. Добродушный Роберт с самого начала съюмок принял импровизировать в кадре, все дальше уходя от своих прежних киностереотипов. Словом, Энглунд (прежний) умер, да здравствует Энглунд, которого даже на улице величают Крюгером!

Впрочем, если уж быть злодеем, то хотя бы непохожим на остальных тиражируемых садистов. А у Крюгера нет киноблизнецов. В отличие от маньяка Джексона из «Пятницы, 13» Фреди является во сне, будучи как бы материализацией всех наших подсознательных кошмаров. Так задаются правила игры, сны видят все, и сотни лет нет для человека более милого занятия, чем толковать и перетолковывать свои ночные видения. В этом и состояла гениальная догадка щедрого на идеи Гравена. Ведь ирреальные кошмары переживали потенциальные зрители во всех частях

мира: они страшат, но и притягивают.

Ну а жуткий образ родился из случайно прочитанной газетной заметки. Дело в том, что многие из обосновавшихся в Соединенных Штатах беженцев из Индокитая стали умирать во сне. И никто так и не смог определить причины их странной гибели. Гравен предположил, что причина смерти — ночные кошмары, которых не смогли во сне вынести иммигранты. А затем уже предположение материализовалось в образе ужасного садиста, проникавшего в сновидения, которому специально было дано немецкое имя — Крюгер. Дело в том, что с немцами у большинства американцев были связаны некие мистические опасения. Можно было бы, конечно, обозвать злодея Ивановым, но уж слишком это отдавало бы политиканством.

Сейчас ассоциация, навеянная газетной информацией, стоит уже порядка ста пятидесяти миллионов долларов. Еженедельник «Таймс» вынес портрет Крюгера на свою обложку. Атрибутика Фреди — маски, когтистые лапы, шляпы продаются как пончики. Группа «Фэт Бойз» посвятила садисту свой далеко не худший шлягер. А если есть песня, то логично появление и танца также «а-ля Крюгер».

Над разрешением загадки притягательности Крюгера уже бьются целые американские университеты. Официальная версия: старина Фреди сумел вдохнуть новую жизнь в хиреющий в своем традиционном однообразии жанр фантастики. Ну а самому Крюгеру популярность пошла явно на пользу. В последних сериях он менее зловещ и более элегантен. Фреди по-прежнему убивает, но в его застывшем взгляде засверкали искорки юмора. Скоро он окончательно превратится в пародию на самого себя. «Фреди мстит нашим детям, перекормленным материализмом и разучившимся мечтать», — считает один из новоявленных «крюгероведов». Кстати, девушек в зале почти половина.

Михаил Александров

Ю Р И Д И Ч Е С К А Я К О Н С У Л Ъ Т А Ц И Я

«После окончания вуза отработала год на заводе. Убедилась, что ошиблась в выборе профессии. Правда, хотела уйти еще из института, но не хватило тогда смелости — надеялась со временем привыкнуть. Не получилось. Могу ли я, не отработав оставшиеся из обязательных два года, уйти с завода и поступить на вечернее отделение медицинского училища?

*Людмила Науменко,
г. Запорожье».*

Выпускники дневных отделений вузов обязаны отработать по распределению три года. Основание: «Положение о распределении и использовании в народном хозяйстве выпускников высших и средних специальных учебных заведений», объявленное приказом Гособразования СССР от 22.08.88, № 286.

Согласно Правилам приема в средние специальные учебные заведения СССР, утвержденным приказом Гособразования СССР от 09.12.88, № 524, кто имеет высшее образование, может поступить в среднее специальное учебное заведение (в порядке и на условиях получения второй специальности: при предоставлении ходатайства предприятия, учреждения, организации или медицинского заключения о необходимости переквалификации или приобретения смежной профессии).

Так что вам придется все-таки отработать три года по распределению, а потом уже поступать в медицинское училище на условиях, указанных выше.

«В этом году я окончила медицинское училище и распределилась на три года в г. Сим. Скажите, могу ли в следующем году поступить на дневное отделение факультета журналистики?
Ольга Араловец, г. Сим».

Согласно приказу Гособразования СССР от 07.05.90, № 315 выпускники дневных отделений средних специальных учебных заведений имеют право только в год их окончания поступать в любой вуз. Если достигнет неудача, они обязаны явиться к месту распределения и отработать там не менее трех лет.

ИЗ ДНЕВНИКА КОРОЛЕВЫ

Маша Калинина: странный, но удивительный мир

Тайна. Какое необычное и притягательное слово... Сколько в нем скрытого смысла, неизвестности. Тайна толкает человека на риск, заставляет чаще биться сердце, будоражит сознание, действуя бодряще, тонизирующе. При некоторой атмосфере таинственности жизнь делается гораздо интереснее.

Именно в такой атмосфере и проводились наши занятия. Подготовка к последним турам конкурса проходила в строжайшем секрете. Место занятий — здание филармонии было условно засекречено, чтобы не привлекать внимания многолюдной толпы фотографов и репортеров и, конечно, фотолюбителей (как известно, последние обладают даром просачиваться куда угодно и весьма бесцеремонно, если пришло на ум щелкать своим третьим глазом — камерой).

Итак, это лишь только завязка. Что же будет дальше? Но кто не знает истину, что любая тайна когда-нибудь раскрывается? Уже в первый мой приход в филармонию я обнаружила, что нас сопровождает любопытными взглядами толпа журналистской братии. Ровно в шесть часов вечера они уже толпились у дверей и лукаво поглядывали на множество красивых девушек, входящих в это мрачное здание.

Царившая там обстановка помнится мне и по сей день. Закрыв глаза, я с невероятной полнотой вспоминаю решительно все-все подробности, даже запахи различных туалетных вод, духов, дезодорантов. Хотя сразу после конкурса все куда-то исчезло под обилием иных впечатлений. Пишу и как будто бы заново еще раз переживаю состояние неразберихи и хаоса.

Да, это всего лишь эпизод в моей жизни, потом было много другого. Но впечатление чего-то яркого, настолько поразительного и полного непредсказуемости, острых ощущений останется на всю жизнь.

С первого же урока все пошло совершенно неожиданно быстро, без всяких предисловий и так внезапно, что, с ходу втянувшись в эту суматошную жизнь, я поняла, что мне уже не выбраться из водоворота событий, с молниеносной скоростью сменявших одно другое. Да и стоило ли выбираться? Ведь для меня тут все было ново и интересно! Возьмем, к примеру, занятия по аэробике. Мы ведь были не спортсменками, большинство вообще вряд ли когда занимались каким-либо видом спорта. Поэтому упражнения, которые с нами разучивала известная тренер Наталья Ефре-

мова, казались невыполнимыми. Все были убеждены, что проделать их под музыку в быстром темпе, синхронно да еще перед зрителями и телекамерами нам просто не под силу. Впрочем, времени на раздумья не оставалось.

На улице стояла жаркая погода, в залах — духота, но как ни тяжело было, никто не выражал желания все бросить и поехать на пляж позагорать, сходить в театр или кино. Мы стремились в это серое здание как одержимые. Я чувствовала себя свободно и раскованно в этом пестром, беспрепятственно щебечущем коллективе. Меня интересовало все, что творилось кругом, и буквально кружилась голова. Здесь можно было веселиться в шумной компании, болтать о чем угодно и, наконец, заниматься спортом. Что может быть лучше?

У человека бывают радостные моменты в течение дня. Бывают счастливые дни и даже недели... А у меня — целых полтора месяца! Как же я была счастлива! Вначале даже не осознавала этого, жила себе и все. Но спустя какой-то определенный промежуток времени приходит ощущение пережитого счастья. Конечно, у кого-то раньше, у кого-то позже. А я в полной мере ощутила это только ровно год спустя после всевозможных неизмеримо замучивших событий.

Раньше, в самых первых интервью после завершения конкурса, я практически одинаково отвечала на вопрос о том, в какой мере у меня изменилась жизнь и что пережила за время «Московской красавицы». «Моя жизнь просто перевернулась!» — говорила я. А как? Что? Я тогда еще не успела разобраться. Да и как бы могла еще ответить? В совершенно мне неизвестном мире я была похожа на девочку из провинции, в первый раз приехавшую в большой шумный город, пестрящий рекламными вывесками, обилием людей и бешеным потоком информации. В эти дни, полные неожиданности, события вертелись с такой быстротой, что каждая минута для меня была сенсацией.

Я зачастую не успевала поведать о них даже папе, который отвозил меня после тренировок домой, длившихся порой

до 12 часов ночи. Дома — быстрый ужин, и ныряю в постель, забыв даже о моих чудных плюшевых мишках. Отключаюсь сразу — настолько сильно уставала.

Бедная мама беспокоилась за меня больше, чем я сама. Они с папой так за меня «болели», так близко все принимали к сердцу, что это даже несколько пугало. Во всем есть свои крайности, и я, конечно, могу понять их (я у них одна), но можно ли в такой степени оберегать, волноваться за своего ребенка?! Я знаю, что, пока меня нет дома, мама все время тревожится, как бы со мной что не случилось, пьет кофе и стоит у окна. Она не в состоянии даже чем-то заняться по хозяйству, читать, смотреть телевизор. Просто не может ничего делать, а только стоит и думает, думает обо мне. Волнение спадает лишь тогда, когда мы все трое вместе, дома. Папа пьет чай с вареньем, а мама сидит возле меня и неотрывно смотрит, как я улетаю за обе щеки уже третий раз подогретый ужин. Я вижу, что они безумно рады за меня и вконец замучают расспросами. Наконец-то, кажется, мамы глаза перестают выражать вечную «неуверенность в завтрашнем дне». Может быть, лучше вообще никуда не ходить и сидеть дома, чтобы родители так не нервничали? Уж слишком дорого им обходятся мои конкурсные вечера. Их не переделать... Как быть? Уж такие они у меня — мама и папа.

Но вернемся к занятиям по аэробике. Все шло как нельзя лучше: хорошая ритмичная музыка, движения, которые позже, возможно, станут красивыми. Девочки ходят кто в чем: просто в шортах, в элегантно красивом купальнике, а кто и в профессиональном, переливающимся всеми цветами радуги костюме, как у нашего тренера. Эх, как мне тоже хочется! Я с огромным трудом упрашиваю родителей купить такой же. И что? Придя на очередное занятие, так сказать, «при полном параде», поняла, что сделала ошибку: на другой день с огромной радостью влезла обратно в свои старые шорты и майку, которые хоть как-то скрадывают мои еще не отработанные неловкие движения.

До сих пор никак не пойму:

то ли я уж слишком старалась, то ли у меня хуже всех получалось, но только по завершении тренировок все было мокрое — начиная от волос, которые приходилось сушить феном, и кончая одеждой. Мой вид довершалось томатного цвета лицо, и такой я выходила на улицу, радуясь, что уже стемнело.

Слухи, слухи...

Неужели опять слухи? Не может быть! Ведь мы только начали заниматься и у нас что-то шаг за шагом стало получаться... А тут очередной отборочный тур! И зачем он только нужен? Все опять занервничали. Так не хочется отсюда уходить, не доведя до конца занятий!

По мере продвижения к финалу требования к нам возрастали. Теперь уже было мало разумительно ответить на предлагаемые вопросы и кое-как, не пошатываясь на каблуках, проплыть перед будущим жюри в купальнике. Требуется показывать свое умение в хореографии (чему нас учили еще вчера), и не дай Бог перепутать движения в аэробике. Ух, как же тряслись у нас поджилки, когда надо было одной войти в зал и усесться на стул прямо перед самым носом жюри, чтобы оно из тебя выжало все соки своими расспросами...

Кое-как опустившись на краешек стула, я решила, что не так уж и плохо было бы одарить моих судей улыбкой, хотя честно, мне было совсем не до веселья... Вопросов было много. Но запомнился всего лишь один, и то благодаря странному совпадению, случившемуся позже со мной. «Что вы будете делать, если вас выберет Мисс Москва?» На что я не задумываясь ответила, что обязательно поеду путешествовать, ну а потом, может быть, писать мемуары. Жюри ничего не оставалось другого, как отпустить меня с Богом после такого категоричного заявления.

Что-то писала я и до конкурса. То были дневники и небольшие веселые истории. Одни со мной действительно случались, другие выдумывала. Но кто мог знать, что мне предложат написать о себе книгу?! Понятно, что мемуарами это назвать нельзя. Но в любом

случае совпадение очень на меня подействовало. Написать книгу о себе самой было более чем заманчиво, никто не будет сочинять для сенсации глупые, нелепые истории и случаи из моей жизни. Например: «Я люблю собирать фантики, — ответила Маша на приеме, аккуратно складывая их в стопочку», — как писали в одной из газет. Надо же — фантики! И это еще всего лишь маленькая, самая безобидная глупость...

В этом отборочном туре из 44 должно остаться 36. «Последний бой, он трудный самый». Вот мы и добрались наконец-то до заключительных заданий — программы по аэробике. Нас

разбили на группы — по 4—5 человек, включили музыку, и мы начали стараться изо всех сил. Ну а когда очень стараешься, всегда происходит что-то не то. И у нас не обошлось без чрезвычайного происшествия.

Всем известно, что существуют необычайно навязчивые мотивы, от которых весьма трудно отделаться. Весь день я бубнила себе под нос популярный шлягер. Под вечер, когда началась отборочный тур и царила всеобщая паника, он на время от меня отвязался. Но, как назло, внезапно всплыл именно тогда, когда началась аэробика! И вот (со страха или как),

не слыша ритмичную музыку и не осознавая, что творю, начинаю тихонько напевать себе под нос запомнившийся мотив (который, кстати, тактов на пять медленнее). Я выделяю бог знает что руками и ногами под музыку, звучащую во мне. Но если бы это было все! Мои подружки, сами того не ведая, по инерции, вслед за мной, стали вытворять что-то невероятное, не замечая, как глаза у членов жюри все более расширяются от удивления по мере нарастающей у нас прилива сил. Даже вспоминать неловко, что было дальше. Одним словом, когда все кончилось, нам было уже не до баллов.

О результатах этого беспокойного тура можно сказать следующее: самое большое количество баллов — 87 — набрала девушка-лидер, которая сделала все четко, грамотно и артистично. Дальше шли еще 3—4 человека, набравшие 86, 84 и 78 баллов, затем следовала я — 76 баллов. Боже мой! Какое счастье, что мы не «вылетели» (мы безумно обрадовались: никто из нашей «достойной» четверки не «сошел с дорожки» и остался до финала)! Из 44 — мы снова были вместе.

Не веря в свершившееся и оглянувшись, я заметила, что в царившей здесь прежде атмосфере явно творилось что-то неладное: привязанность друг к другу начала уступать место завистливо и зло сверкавшим глазам, раздраженным голосам и даже волне протеста на несправедливость. Что ж, спорт есть спорт... Мне почему-то стало немного не по себе, увидев таких милых, внимательных, веселых и жизнерадостных девочек с перекошенными от злости и зависти лицами.

Полночь. Папа ждет внизу. Я спускаюсь по ступенькам и в первый раз не жалею, что пора ехать домой. Какое же это страшное чувство — зависть. От него все и идет: и тоска, и печаль, и злость, и ненависть. И много всяких других бед. Раньше мне с этим не приходилось соприкасаться так близко — просто повода не было, а теперь... Как бы мне хотелось, чтобы подобное не повторялось никогда! Но тогда я еще не представляла, что это лишь начало, сколько зависти еще будет впереди...

Движение к финалу

Очередной отборочный тур остался позади, и началась пора интереснейшей подготовки к финалу. Что ни день, то новое событие.

В один из солнечных майских дней нас везут в Дом моделей выбрать себе одежду для финала. В первый раз увидела такое обилие платьев, костюмов, брюк и юбок, плотно развешанных на вешалках и уходящих длинными рядами в недра хранилища. Вот это да! Заранее предвкушая удовольствие от долгожданной примерки, довольно потираю руки. Ну, думаю, пусть проторчу здесь целый день, зато уж выберу то, что надо!

— Ну, так что? Выбрала себе что-нибудь?

Уже потеряв всякую надежду, я устало примостилась на стуле под вешалкой. Все что-то не то: то красивая дорогая ткань, а фасон плохой, то, наоборот, платье современное, модное, а вот ткань неяркая, тусклая, со сцены ее и видно-то не будет... Да и самой хочется чего-нибудь сочного, экстравагантного и... неожиданного.

Ко мне подходит женщина-модельер с чем-то странным бело-голубым, перекинутым через руку. А, это тот самый костюм, над которым только что все потешались и никто не выбрал. Надо же такое придумать! Бриджи, скрепленные с юбкой в полоску, которая (чтобы стояла торчком) набита поролоном, соединены с обтягивающим лифом с огромным декольте. Это чудо довершают короткие в полоску рукава-фонарики. Мало того, вещь называется — «Пьерро». Единственное преимущество костюма — броскость. Он и по фасону резко отличался от остальных элегантных моделей. И теперь его предлагают именно мне! Нет уж! Лучше что-нибудь другое! (О боже, кто бы мог знать, что наше знакомство с ним еще продолжится...)

В другой раз к нам пожаловали художники-модельеры, чтобы помочь подготовиться к самому необычному туру конкурса. Суть его заключалась в том, чтобы подобрать кусок ткани и за двадцать минут с помощью ножниц и булавок сделать себе костюм. Да, сорев-

нование было не из простых — необходимо продумать все: стиль, фасон. Модельеры помогали нам фантазировать, показывали различные варианты: пестрящие бабочками японские кимоно, легкие индийские сари, вечерние платья и даже арабские шальвары с чалмой. Я подолгу крутилась среди этих чудесниц, творящих настоящие чудеса с куском ткани. Вот у кого следовало бы поучиться! И мне сразу захотелось стать модельером.

Режим — великая вещь

Как? Нас будут гипнотизировать? А зачем это? Оказывает-

ся, помимо занятий с психологом, нас решили повести в центр экстрасенсорики, где опытные профессора-психотерапевты окончательно могли бы снять растущее предфинальное напряжение. Мы все были немного растеряны (ведь никто гипнозу еще не подвергался), однако любопытство взяло верх.

Утопая в огромных мягких креслах, мы расположились в небольшой полутемной уютной комнате, сняв туфли и закрыв глаза. Нас просят расслабиться. Мы притихли. Но на самом деле никто расслабляться и не собирался! Уж я-то знаю! Каждую не покидало чувство беспокойства и страха. В этом уреди-

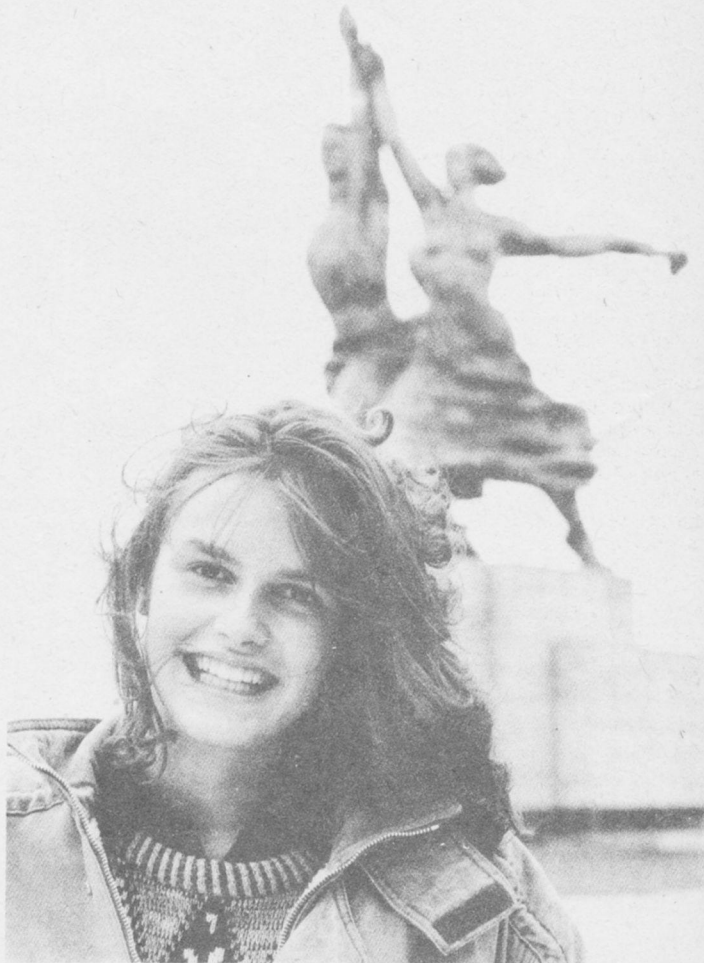

Фото из семейного архива

лась во время сеанса, приоткрывая то левый, то правый глаз и внимательно всматриваясь в полумрак комнаты.

Чувство страха у каждого выражается по-своему: кто моргает глазами, боясь закрыть их, провалившись в небытие, кто нахмурился и пытается чем-то отвлечься, барабани пальцами по деревянной ручке кресла, другие смиренно полулежат в кресле, остерегаясь лишний раз вздохнуть, а то мало ли что случится. У некоторых же, к их числу относилась и я, страх ощущался в еле сдерживаемом смехе.

По мере перемены гипнозизером тем мне все труднее было сдерживаться и уж просто было невозможно, когда он внушал, что я парю в небе с тучками, вижу стаю птиц и одновременно держу ноги в теплой, необычно приятной воде. Как я ни старалась представить себе подобную картину, у меня почему-то получалось все по отдельности: одновременно лететь и стоять по колено в воде я никак не могла. Может, это у меня одной ничего не получается? И я опять тихонько приоткрываю глаз и смотрю кругом...

Все бы ничего, да, на беду, оказалось, что нас все время снимали скрытой видеокамерой. А на просмотре пленки пришлось видеть настоящие чудеса: в другой группе одна из девочек принялась под действием гипноза даже танцевать вальс с закрытыми глазами и с неподвижным, ничего не выражающим лицом. Кто-то с глупым видом очищал воображаемый банан и ел его, громко причмокивая от удовольствия. Вот те-теха!

Занятия заставили меня более требовательно относиться к себе. Режим дня стал стабильный; тренировки проходили каждый день, и нужно было хорошо рассчитывать время. Хоть и много всяких дел, но почему-то все успевала. И в школе учиться, и к учителям ездить, и к экзаменам готовиться, и тренироваться... Режим — великая вещь!

Продолжение следует

Ведущий рубрики Павел Губанов

Девять неизвестных

В своей книге «Паспорт в Магонию» известный на Западе уфолог и консультант НАСА в 60-е и 70-е годы Жак Валле указывает на прямое воздействие феномена НЛО на человечество. Проведя исторические линии, соединяющие отдельные известные факты, автор «Паспорта в Магонию» подводит читателя к пониманию сущности этого феномена, но в одном аспекте: «Да, «они» активно вмешиваются в ход исторических событий на Земле, в наши чисто земные дела, снабжают нас как полезной информацией, так и дезинформацией». Все же остальные вопросы остаются открытыми, и в первую очередь такие, как: «зачем?» и «кто?»

А теперь остановимся на одном из аспектов проявления феномена — на передаче информации, которую земляне получают через контактеров.

О потрясающих наше воображение знаниях древних народов Индии, Египта, Малой Азии, Рима и Греции известно немало, но смело можно предположить, что большая часть их знаний безвозвратно потеряна.

Если мы начнем размышлять обо всем этом, то вполне можем прийти к выводам, которые сделали блестящие французские исследователи Луи Повель и Жак Бержье, опубликовавшие несколько совместных работ о «пограничные наук». Вот один из них: идея международного тайного общества, объединяющего людей, духовно преобразенных силой своего знания, желающих защитить свои открытия (открытия надо понимать и как полученную информацию) от использования в целях зла или пустить в обращение лишь бесконечно малую часть их. Таково, быть может, происхождение легенды о Девяти Неизвестных.

...Традиция Девяти Неизвест-

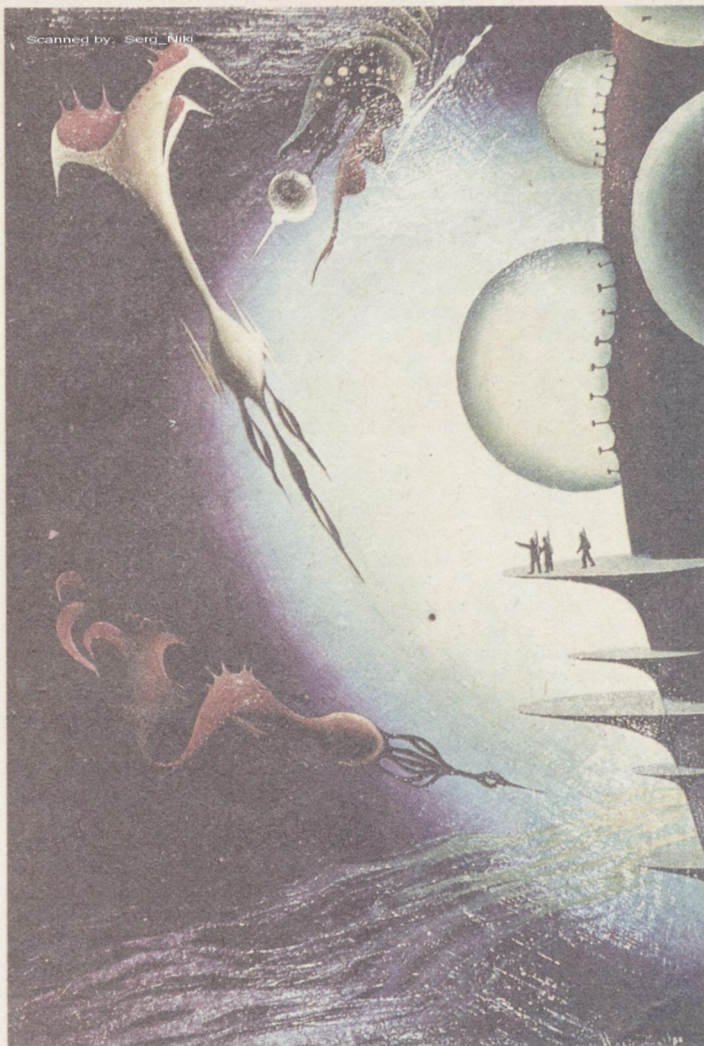
ных восходит к императору Ашоке, царствовавшему в Индии с 273 года до нашей эры. Он был внуком Чандрагупты, первого объединителя Индии. Полный честолюбия, как и его дед, труды которого он хотел продолжить, Ашока предпринял завоевание страны Калинга, тянувшейся от нынешней Калькутты до Мадраса. Жители этой страны оказали упорное сопротивление и потеряли в битве десятки тысяч человек. Вид этого множества убитых потряс Ашоку. Император отказался от дальнейшего присоединения «огнем и мечом» еще не подчинившихся ему стран, заявив, что подлинное завоевание состоит в покорении сердец законом долга и набожности.

Говорят, что, умудренный ужасами войны, царь решил навсегда запретить людям использовать разум во зло. И в его царствование была засекречена наука о природе, о прошлом и будущем. Исследования, начиная от строения материи до техники коллективной психологии, с этого времени скрываются на протяжении двадцати двух веков. Ашока основал самое могу-

шественное тайное общество на Земле — это общество Девяти Неизвестных.

Утверждают также, что важнейшие лица, ответственные за судьбу современной Индии, и некоторые крупные ученые страны верят в существование Девяти Неизвестных. Более того, получают от них советы и послания. Воображение предугадывает могущество тайн, обладателями которых могут быть девять человек, пользующихся непосредственно опытом, трудами, документами, собранными в течение двух десятков веков. Каковы цели этих людей? Не допустить, чтобы средства уничтожения попали в руки профанов, продолжать исследования на благо человечества. Состав этого общества обновляется посредством кооптации, чтобы сохранять технические средства и знания, дошедшие из далекого прошлого.

Внешние проявления Девяти Неизвестных крайне редки. Одно из них связано с судьбой одного из самых таинственных людей Запада — папы Сильвестра II, известного также под именем Герберта из Ориийяка. Родившийся в Оверни в 920 году, умерший в 1003 году, Герберт был монахом-бенедиктинцем, преподавателем Реймского университета и папой милостью императора Оттона III. Он прожил некоторое время в Испании, потом таинственное путешествие привело его в Индию, где он почерпнул различные знания, поражавшие его окружение. Так, в его дворце была бронзовая голова, которая отвечала «да» или «нет» на вопросы о политике и общем положении христианства. По словам Сильвестра II (том СXXXIX «Латинской патрологии» Миня), этот способ был очень прост и соответствовал двоичному исчислению. Речь идет об «автомате, аналогичном нашим современным двоичным машинам. Эта «магическая голова» была уничтожена после его смерти, и знания, принесенные Сильвестром II, тщательно скрыты. Нет сомнений, что в ватиканской библиотеке хранится немало сюрпризов для исследователей, которые, быть может,

«Первый день контакта». Живопись
Николая Недбайло

когда-нибудь получат возможность с ними ознакомиться. В кибернетическом журнале «Счетные машины и автоматы» за октябрь 1954 года можно найти следующую информацию: «Нужно предположить человека исключительных знаний, исключительной изобретательности и ловкости в механике. Эта говорящая машина могла быть создана при известном сочетании звезд, которое бывает точно в тот момент, когда все планеты начинают свое движение...» Говорили, что Герберт, очевид-

но, сумел создать эту машину только потому, что поддерживал отношения с дьяволом и поклонялся ему в вечной верности.

Соприкасались ли другие европейцы с обществом Девяти Неизвестных? Лишь в XIX веке эта тайна вновь обнаружилась в книгах французского писателя Луи Жаколио.

Жаколио был французским консулом в Калькутте при Второй Империи. Он создал научно-фантастические произведения, сравнимые по масштабу с произведениями Жюль Верна. Кроме того, он оставил много работ, посвященных великим тайнам человечества. Но это исключительное наследие было ог-

раблено многочисленными оккультистами и пророками, а потом и забыто в самой Франции.

Жаколио предельно точен в своих высказываниях: общество Девяти Неизвестных — это реальность. И поразительно, что он упоминает в этой связи о технике, невообразимой в 1860 году, то есть в момент написания своей работы: высвобожденные энергии, стерилизация посредством излучения и психологическая война.

Иерзен, один из ближайших сподвижников Пастера, по-видимому, получил сообщение о биологических тайнах во время своего путешествия в Мадрас в 1890 году и по указаниям, которые были ему даны, создал сыворотку против некоторых болезней.

Первое обнаружение истории Девяти Неизвестных произошло в 1927 году при публикации книги Талбота Мэнди, в течение 25 лет служившего в английской полиции в Индии. Его книга — это полуроман, полурасследование. Девять Неизвестных пользуются синтетическим языком. Каждый из девяти — обладатель книги, постоянно дописываемой и содержащей подробное описание определенной науки.

Первая из них посвящена технике пропаганды и психологической войне. «Из всех наук, — пишет Мэнди, — самая опасная — это наука о контроле над мыслями толпы, потому что он позволяет управлять всем миром». Следует отметить, что только после опыта последней мировой войны на Западе стала выкристаллизовываться техника психологии языка, то есть пропаганды. Первый американский колледж по изучению семантики был создан лишь в 1960 году.

Вторая книга посвящена физиологии. Она, в частности, может дать средство убить человека одним прикосновением, смерть при этом происходит от «изменения направления нервного тока». Как говорят, дзюдо родилось благодаря «утечке» из этой книги.

Третья изучает микробиологию, в частности, защитные коллоиды.

Четвертая рассказывает о превращении металлов. Легенда гласит, что во времена большой нужды храмы и религиозные организации по оказанию помощи получали из тайного источника большое количество очень высокопробного золота.

Пятая содержит учение о всех средствах связи, земных и внеземных.

В шестой описываются тайны гравитации.

Седьмая — самая обширная космогония, созданная человечеством.

Восьмая говорит о свете.

Девятая посвящена социологии и содержит правила эволюции обществ, позволяя предвидеть их распад.

С легендой о Девяти Неизвестных связывают тайну вод реки Ганг. Множество пилигримов, носителей самых ужасных и самых различных болезней, купаются в ней без всякого вреда для здоровых.

Священные воды очищают все. Это странное свойство реки хотели приписать образованию бактериофагов. Но почему же они не образуются также и в Брамапутре, Амазонке или Сене? Гипотеза о стерилизации появилась в работе Жаколио за сто лет до того, как стало известно о возможности такого явления. Эти стерилизационные излучения, по словам Жаколио, исходят из тайного храма, высеченного под руслом Ганга.

Девять Неизвестных воплощают образ светлой науки, науки, имеющей совесть. Могущее владеть судьбами человечества, но воздерживающееся от использования собственной силы, это тайное общество — самая прекрасная дань свободе на высочайшем уровне. Эти девять человек видят, как создаются, уничтожаются и вновь возникают цивилизации. Они не столько безразличны, сколько терпимы, готовы прийти на помощь, но всегда в том же молчании, которое служит мерой человеческого величия.

Миф или действительность? Если миф, то, во всяком случае, превосходный, дошедший до нас из глубины времен, и одновременно — прибой будущего.

РЕКЛАМА

Международный эколого-рекреационный консорциум «Эрконс» приглашает к сотрудничеству творческие коллективы специалистов и отдельных лиц в любой сфере деятельности.

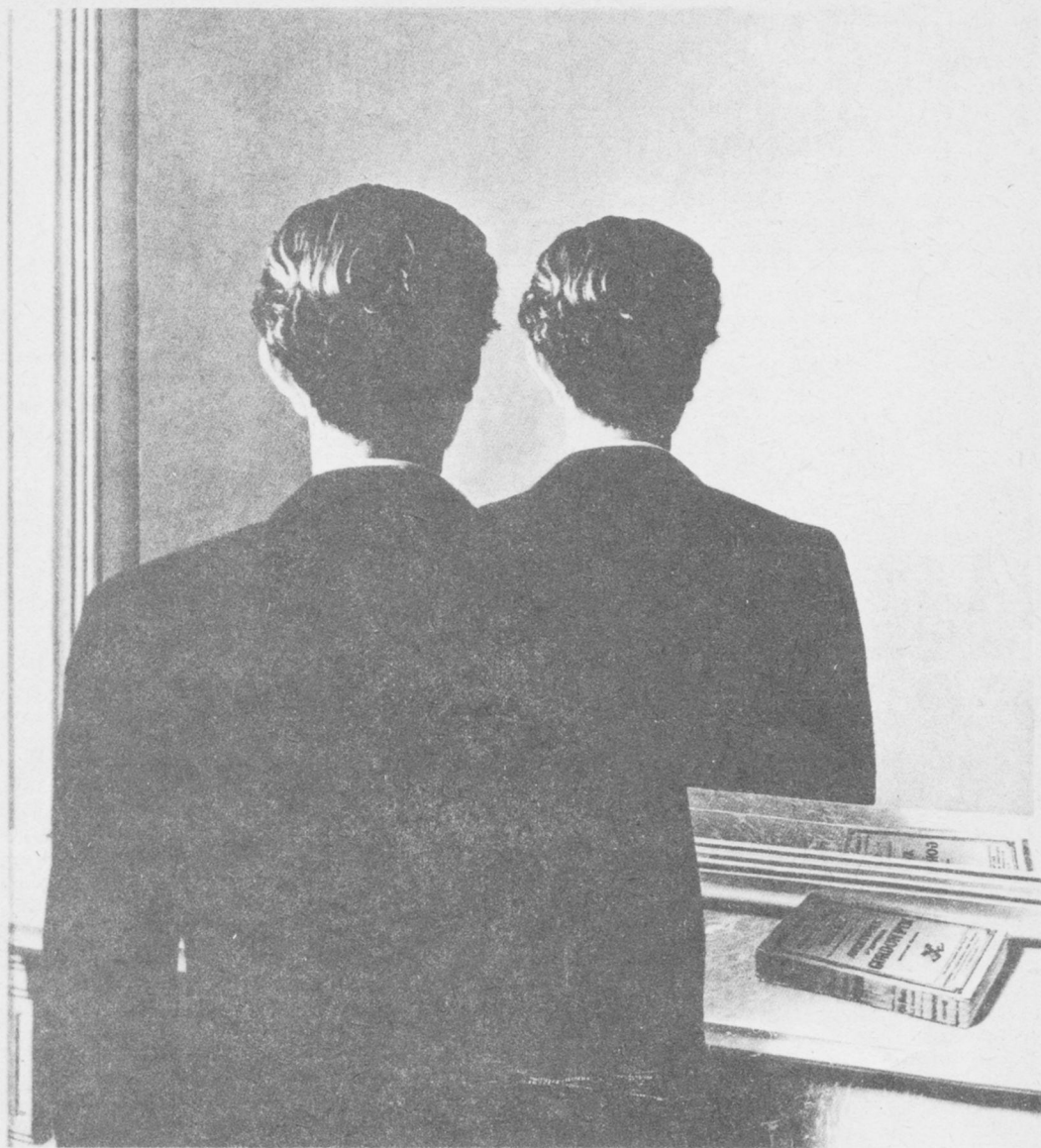
Мы рассмотрим все ваши предложения по внедрению новых технологий, новых материалов и новой техники, проекты и идеи, для реализации которых необходимо вложить денежные, материальные и трудовые ресурсы.

Найдем партнеров для совместного проекта в СССР и за рубежом.

Консорциум учреждает предприятия (акционерные, государственно-кооперативные, совместные, малые) с правами юридического лица, имеющие счета в банке и печать с собственным наименованием.

Наше сотрудничество основано на доверии, нераспространении информации и невмешательстве во внутренние дела партнера! Итак, у вас есть проекты, идеи, проблемы? У нас есть решения!

Наш адрес для предложений и контактов:
121248, Москва,
Кутузовский пр., д. 2/1,
для консорциума «Эрконс».
Телефон: 169-25-25
(Ольга Иванова).

Секреты успеха Ури Геллера

Убежден, что каждый человек обладает талантом, который он мог бы использовать во благо себе и другим. Проблема лишь в том, чтобы определить, какое именно у вас дарование, и сосредоточить на его совершенствовании свои усилия. ПСИ-силы могут помочь в этом. А я постараюсь рассказать, каким образом.

Как вы на себя смотрите? Часто ли садитесь в тишине и вглядываетесь пристально в самого себя? Всем, кто хочет больше узнать о своих ПСИ-силах, я бы искренне посоветовал выполнить одно очень полезное упражнение — так называемое «психологическое зеркало». Удостоверьтесь, что в комнате нет никого, кроме вас, выполните

Продолжение, начало в № 1 с. г.

несколько простейших упражнений, которые помогут расслабиться, и затем долгим и внимательным взглядом посмотрите на себя в зеркало, по возможности в такое, где бы вы видели свое отражение в полный рост. Тщательно оглядите себя с головы до пят, а затем сконцентрируйте внимание на лице. Изучите последовательно лоб, глаза, нос, рот и подбородок. Возможно, в какой-то момент вам может показаться, что вы смотрите на совершенно незнакомого человека. Это хорошо. Именно так вы и должны всматриваться в самого себя. А теперь сосредоточьтесь и попытайтесь определить, какие чувства вы испытываете к этому «незнакомцу». Нравится он вам или нет? Что вам удалось разглядеть за привычной физической маской? Сумели ли вы прочитать нечто новое в этих глазах? К стати, какого они цвета? А волосы?

Подробно проанализируйте лицо, которое вы видите перед собой. Лучше всего возьмите тетрадь и последовательно запишите все свои впечатления. Что вы думаете об одежде? Вам нравится, как одет этот «незнакомец»?

Совершенно безразлично, в каком порядке вы зафиксируете мысли и оценки, главное, чтобы в ваших заметках нашлось место и тому, что вы увидели, и тому, что при этом почувствовали. Уверю вас, вы будете немало удивлены тем, какие чувства испытываете по отношению к этому образу.

Когда закончите писать, вернитесь еще раз к зеркалу и спросите себя — на других людей ваше отражение производит такое же впечатление, как и на вас?

Снова взгляните в зеркало и представьте себе, что вы смотрите на себя глазами одного из близких друзей. Какие чувства внушает вам облик человека, которого вы видите перед собой? И хорошо, если бы вы снова занесли свои наблюдения в тетрадь или даже, быть может, записали на магнитофон, чтобы впоследствии их можно было воспроизвести. Отнеситесь к этому заданию серьезно, потому что самопознание и самооценка очень важны.

Вы не должны быть слишком самокритичны. Ничего хоро-

шего не будет от того, что вы скажете, глядя в зеркало: «Я ненавижу все, что в нем отражается». Постарайтесь разглядеть в равной мере достоинства и недостатки, сильные и слабые стороны своей природы и наружности. Помните, что главная цель — стать лучше, жить счастливее, понимать себя и мотивы своих поступков. Отбросьте все наносное, оставшись один на один с зеркалом. Приведите себя в порядок, уложите красиво свежесмытые волосы и представьте, что вас снимают в кино или берут интервью для телевидения. Ведь вы хотите понравиться публике, а значит, должны выставить на первый план свои лучшие качества.

Следующее упражнение перед зеркалом имеет смысл проделать вместе с товарищем или подругой. Объясните ему или ей, что вы хотели бы увидеть себя глазами другого человека. Попробуйте убедить партнера, что и для него было бы полезно обменяться впечатлениями друг о друге. Но не высказывайте оценки вслух раньше времени, до тех пор, пока не закончите упражнение. Лучше всего, если бы вы оба записали свои мысли на бумаге, а затем сравнили, что у вас получилось.

Упражнения с зеркалом действительно очень важны. Это самое начало дороги, которая должна привести к реализации и осуществлению ваших внутренних возможностей. И первый шаг здесь — узнать все о себе и своей психоэнергетике. Задайте себе следующие вопросы:

1. Чувствуете ли вы себя по-настоящему счастливым?
2. Если нет, то, как вы думаете, почему?
3. Знаете ли вы, что необходимо для этого сделать?
4. Вы занимаетесь делом, которое вам по душе?
5. Может быть, вы хотели бы сменить работу?
6. У вас есть такая возможность?
7. Религиозны ли вы или живете по своим заповедям?
8. Строго ли вы их соблюдаете?
9. Ваше отношение к семье, к друзьям, к работе?
10. Вы честолюбивы?
11. Вы удовлетворены своей интимной жизнью?
12. Благополучно ли складыва-

ются ваши взаимоотношения с людьми другой расы, другой национальности?

13. Высоко или низко вы оцениваете сами себя?

14. Что, по-вашему, думают о вас окружающие?

15. В ваших ли силах изменить их отношение к вам в лучшую сторону?

16. Вы довольны своим внешним видом?

17. Можете ли вы выглядеть лучше?

18. Хотели бы вы стать другим?

19. Верите ли вы в перевоплощение душ? Если да, то кем бы вы предпочли быть в прошлой жизни?

20. Какое животное вам больше всего нравится?

21. Кто оказывает на вас наибольшее влияние?

22. Если бы была такая возможность, хотели бы вы кардинально изменить свою жизнь?

23. Считаете ли вы, что жизнь обошлась с вами слишком сурово?

24. Как вам кажется, в состоянии ли вы переломить ситуацию в свою пользу?

25. Ваши сильные стороны?

26. Ваши слабости?

27. Могли бы вы от них избавиться?

28. Какими природными талантами вы обладаете?

29. Следите ли вы за своим здоровьем?

30. Как бы вы могли себя объективно охарактеризовать?

Хорошенько подумайте над этими вопросами и определите, к какому типу личности вы относитесь: кто вы — экстраверт, то есть человек открытый, общительный и в целом чувствующий себя счастливым, или интроверт, то есть человек замкнутый, сосредоточенный на самом себе, часто впадающий в депрессию.

Дело в том, что экстраверты, как люди, склонные к авантюрам и рискованным предприятиям, более предрасположены к проявлениям ПСИ-воздействия. Но как бы там ни было, если вы относитесь к противоположному типу, то не стоит отчаиваться, вы вполне можете преуспеть в использовании ПСИ-сил, нужно только преодолеть недоверие к ним.

Перевод с английского

Владимира Толстого

Продолжение следует

ИЗ ДОСЬЕ «С.Т.М.»

Легенда о Викторе Цое

Валентина Васильевна Цой

Я не раз читала, что смешение далеких кровей часто рождает талантливых людей. Сын у нас был метис: я — русская, коренная ленинградка, муж — кореец, родом из Казахстана. У Вити с детства проявлялись различные художественные наклонности. Он хорошо рисовал, лепил. Был в детстве очень импульсивным, и еще в 4-м классе преподаватель в изостудии сказал как-то, что Витя не склонен к терпеливому, кропотливому труду. Если хочет — рисует, и рисует замечательно, но если не хочет — не заставишь.

Витя читал много хороших книг, мы привили сыну настоящий вкус к чтению. Учился легко. Но к 8-му классу пришел

с тройками: через день ходил в художественную школу, поэтому я не требовала отличных оценок в общеобразовательной.

Я полностью доверяла ему. И у нас с ним был контакт. Семейных сцен мы оба не любили и жили очень мирно. У нас сейчас внук растет. Так на него сто влияний со всех сторон. Витю я старалась «делать» сама. Любила читать ему книги из ЖЗЛ. Мне самой было интересно, как формируются талантливые люди. Главное, хотелось помочь Вите раскрыться, развить его способности.

Музыка, как и рисование, тоже были ему близки. Помню, первая гитара, которую мы подарили сыну, появилась в 5—6-м классе. Уже в 8-м он организовал в школе свою группу.

После восьмилетки Витя ре-

шил продолжать художественное образование и поступил в Серовское училище на оформительское отделение. Но многое там оказалось для него неинтересным — газетные шрифты, размеры. Ему было скучно кропотливо и настойчиво заниматься. В училище, кстати, он тоже сразу же создал группу. Но ребятам пришлось туго: на втором году учебы сына, как и всех, кто играл в этом ансамбле, отчислили «из-за неуспеваемости». Но думаю, что это связано с гонениями в то время на рок-музыкантов, потому что в этой группе были очень способные начинающие художники.

Я его не очень-то ругала. «Не хочешь учиться, — говорю, — не надо. Делай, что умеешь». Витя пошел на завод и в вечернюю школу. Но на заводе пришлось делать какие-то мелкие детали, замки, что ли, а такой монотонный труд только отупляет. К тому же, помнила по себе, как хотелось, когда росла, читать, рисовать, но из-за работы была лишена всего этого. Вите тогда исполнилось 16. Поэтому я и решила — ничего страшного, если он бросит завод и будет только читать, учиться, просто зани-

маться саморазвитием. Потом поняла, что это решение стало моей самой большой удачей.

Вообще сын с детства так или иначе получал эстетическое образование, развивал вкус. Помню, как подростком он, впервые приехав в Москву, сразу побегал в Третьяковку.

После вечерней школы Витя закончил художественное ПТУ по специальности «резчик по дереву». Из-за плохой успеваемости ему даже не выдали диплома, а только справку об окончании. Но он был талантливым резчиком, и распределение ему дали отличное: в реставрационную мастерскую Екатерининского дворца в г. Пушкине. Туда и по благу-то трудно попасть — престижное место. А Витяко поленился ездить так далеко, за город, и вскоре бросил. Кстати, впервые его показали по телевизору как раз в это время — в программе «Монитор», как одаренного резчика по дереву. Он был талантлив во всем.

В 20 лет сын женился. Вскоре у них с Марьяной родился Саша. Сейчас ему 6 лет. Году в 82-м открылся Ленинградский рок-клуб, и они стали все время проводить там. Марьяна была его единомышленником и настоящим помощником. Витя попеременно работал коچهгаром, сторожем, мыл баню. Я их поддерживала как могла, помогала снимать квартиру.

Потом были редкие концерты на квартирах. Как-то я спросила: «Витя, сколько же ты на них зарабатываешь?» — «Ну, рублей пятнадцать», — говорит. Я слушала его первые записи, и мне казалось: не плохо, не хуже, чем у других. Но я никак не ожидала такой огромной популярности, которая пришла потом.

Марьяна Цой

Старое доброе время чистого рок-н-ролла. Никакой коммерции. Цой сам договаривался о концертах. Однажды, когда его уже стали узнавать, он привел меня к ребятам и сказал: «Марьяна будет администратором». И все заржали, потому что каждый свою «мочалку» делал администратором, а из этого ничего не получалось, но у меня, кажется, пошло.

Когда поняла, что мы расстаемся, то пошла в рок-клуб ис-

кать работу. Сейчас я менеджер группы «Объект насмешек». Я была в съемочной группе фильма «Рок». Леше Учителю очень хорошо удалось показать «Аквариум», он его понял, а «Кино» оказалось крепким орешком, он его так и не разгрыз. «Кино» вошло туда как факт: Цой в котельной, одна песня, кусочек интервью. Но я люблю этот фильм.

У Джоанны Стингрей были куда большие возможности делать рекламу нашим ребятам. Но думаю, что и без выпуска «Красной волны» Цой был бы звездой. В его карьере это не сыграло большой роли.

Андрей Бурлака¹

«Сорок пять» — лучший альбом «Кино» по откровенности, по искренности, это настоящий рок. И он лучше сделан. Группе «Кино» было присуще наплевательское отношение к записям. У меня создавалось ощущение, что Цою важно было понять, что он может достичь некоего уровня, и тогда уже не обязательно было его достигать.

Второй сильный альбом «Кино» — «Группа крови». По настроению напоминало Шевчука, предощущение разрушения. У Цоя всегда было интересное ощущение времени.

Журнал «РИО», № 3, 1988 год

— Ты мог бы определить концепцию «Кино» как группы? С виду, по крайней мере, «Кино» производит впечатление абсолютно цельного механизма.

— Нет, ну всегда есть конфликты, потому что все ведь ленивые очень и больше всего хотят развлекаться, а не работать.

— Чай и лень — синонимы?

— Нет. Но мысль, конечно, очень хорошая.

— Витя, как ты считаешь, чего в вашей музыке больше: естественности или продуманности?

— Не знаю. У нас в группе у всех есть какое-то чутье —

¹ Андрей Бурлака, редактор ленинградского журнала «РИО», который появился в 86-м году и занял лидирующее положение в рок-самиздате наравне с московским «Ур лайтом».

когда я прихожу и показываю новую песню, мы начинаем о ней думать — что должен играть бас, что гитара и т. д. И когда, например, Юрик предлагает вот такую-то партию, как правило, раздается несколько голосов — «это классно», «это лажа», «это-то мы играть не будем»... Просто мы стараемся сделать так, чтобы нам всем понравилось.

— Чем все-таки вызвано то, что «Кино» в последнее время так редко выступает?

— Вызвано тем, что я снимался в кино. Это отняло массу времени, и поэтому выступать не было никакой возможности. Я приезжал в Ленинград время от времени... Самый длинный срок — на две недели. И все эти две недели мы доделывали альбом.

— А фильм имеет какое-нибудь отношение к року?

— Нет, никакого. За исключением музыки. Но музыка вся за кадром — в кадре я не пою.

— А музыки в фильме много?

— Я записал полчаса. Сколько ее войдет, не знаю.

— Кого играешь в фильме?

— У меня самая главная роль — поэтому и отняло много времени. Я там такой же совершенно, как здесь. Даже так же одетый... Ну, герой, настоящий положительный... хамоват, правда, но этим, я думаю, даже симпатичен.

— Что из западной музыки ты сейчас слушаешь?

— Исключительно развлекательную музыку. Раньше, до последнего времени, слушал независимые группы. Они все очень мрачные, занудные такие. Пластинки у них выходили очень малыми тиражами. Но, как показала практика, независимость группы не всегда следствие ее хорошего качества. Не знаю, на самом деле я не вижу сейчас ничего особенно интересного в западной музыке. Ни одной новой интересной группы назвать не могу.

— Ты не замечал, что у некоторых твоих песен появляются другие, часто полностью неверные трактовки? У тех же «Перемен» — песни в общем-то личной, обращенной к самому себе — возникла другая трактовка, превратившая песню в призыв типа «Give Peace a Chance». Не то чтобы она повердела группе, просто у людей, которые ее раньше не знали, со-

здался некий свой стереотип, собственно говоря, чуждый «Кино».

— В общем, да. Так получилось: как только началась гласность — все как с цепи сорвались говорить правду. Это было очень популярно. А в наших песнях нет никаких сенсационных разоблачений, но люди по привычке пытались и здесь найти что-то этакое. И в результате «Перемены» стали восприниматься как газетная статья о перестройке. Хотя я ее написал давно и совершенно не имел в виду никаких перестроек. Конечно, это не очень хорошо, но думаю и надеюсь, что в конце концов все встанет на свои места.

— Существует такой термин: неоромантика. Как ты сам считаешь, насколько существенна эта приставка «нео» для работ «Кино»?

— Думаю, абсолютно несущественна. Просто очередная наклейка. Я всегда был очень романтичным молодым человеком, но никогда себя никак не называл.

— Сталкивался ли ты где-нибудь в каком-нибудь городе с неприятием вашей музыки?

— Никогда. Последний год точно. Естественно, в разных местах по-разному. Бывает, более вяло и прохладней, чем в Ленинграде или Москве, где люди знают все песни наизусть. Но все равно, как правило, когда я ухожу, люди хотят послушать еще.

— Картины ты давно рисуешь?

— Давно.

— И много нарисовал?

— Довольно много.

— Ты их сильно ценишь?

— Очень.

— Какие картины ты больше всего любишь рисовать?

— Иногда рисую очень реалистические. Я учился рисованию, живописи десять или одиннадцать лет, поэтому умею рисовать. Знаю анатомию, как падает свет и все такое прочее, иногда рисую собирательные картины, как «История любви», которая висит в ДК Свердлова. Мне больше нравятся собирательные картины, как некая вещь, которая имеет меньше отношения к академическому искусству.

— Вить, вот ты, не знаю, сознательно или нет, поставил

себя в такое положение, что, по большому счету, никому ничем не обязан: захочешь — будешь сниматься, не захочешь — не будешь, захочешь — запишешься, не захочешь — не запишешься...

— Абсолютно сознательно.

— И дальше ты собираешься поддерживать такое состояние?

— Да, конечно...

Примечание первое

«Игла» — фильм, снятый Рашидом Нугмановым по чужому сценарию почти случайно (он уже был в запуске, но что-то не получалось, Рашиду предложили его спасти). В операторы Рашид взял своего брата, роли раздал друзьям. Романтический боевик принес Цою неслыханную популярность, с другой

стороны, фильм своим успехом во многом обязан музыке и актерскому таланту Виктора Цоя.

«Московский комсомолец». 23 сентября 1990 года

Джоанна Стингрей. рассказывает: «В 1986 году мне отказали в разрешении приехать в Советский Союз на собственную свадьбу с Юрием Каспаряном. Полгода ждала визы, и именно Виктор поддерживал меня все это время. Он писал мне письма со смешными картинками, в которых повторял: «Джо, не грусти, ты обязательно вернешься. Мы все тебя ждем, мы — твои друзья и не забудем тебя. Пожалуйста, не плачь. Будь счастлива».

ФОТО ИГОРЯ МУХИНА

Слева направо: «Африка», Алекс Кан (журналист), К. Курёхин, Joanna Stingray, А. Троицкий, В. Цой, Ю. Каспарян, Ленинград 1986 г.

В 1989 году в Америке была премьера фильма «Игла» на фестивале американского кино. После показа фильма Виктор сыграл с Юрием короткой концерт. Зал был заполнен до отказа голливудскими знаменитостями, и, хотя они не понимали ни слова, энергия Виктора, страсть его песен их захватила. К сожалению, это был первый и последний концерт Виктора в Америке, но для всех, кто видел его тогда, он стал незабываемым.

В 1990 году мы с Виктором ездили в Японию по приглашению одной из крупнейших японских компаний «АМБЮЗ». Эта фирма решила купить «Иглу», а также выпустить пластинку «Кино» и пригласить группу на гастроли. Путешествие было для Виктора очень важным. У него была слабость ко всему японскому, ему были понятны восточная сдержанность и застенчивость.

В самолете, возвращаясь домой, мы проговорили всю ночь, и именно тогда я поняла, что Виктор стал настоящим мужчиной. В глубине души он по-прежнему оставался ребенком, но вмес-

те с тем стал взрослым. Он чувствовал ответственность за свою первую жену Марьяну, их сына Сашу, а также за Наташу и ее ребенка, не говоря уже о своей аудитории, к которой была обращена его музыка. Тогда, в самолете, он сказал мне, что добился всего, чего хотел в жизни, что он счастлив.

Эти печальные дни тянутся медленно для меня, все время пытаюсь найти ответ на вопрос — почему? Почему именно он? И единственно, во что мне остается верить, — это, что на то была Божья воля, что такова его судьба».

Примечание второе

В июле 1986 года на Западе вышла пластинка «Красная волна». Двойной альбом содержал по шесть песен групп «Алиса», «Аквариум», «Кино» и «Странные игры». До этого Джоанна целый год нелегально вывозила из России записи советских рок-групп. Пластинку выпустила маленькая фирма в Калифорнии. «За бугром» появились рецензии, в которых мало внимания было уделено музыке и очень много тому, какая смелая девушка Джоанна и как она обманула КГБ. После этого она долгое время не могла получить разрешения на въезд в Советский Союз.

Валентина Васильевна Цой

— Я учительница, мой муж инженер. И нашу жизнь никак не назовешь особенно интересной или яркой, поэтому очень рада-валась, глядя на Витю.

Это редкое материнское счастье видеть сына таким популярным и любимым, встречать в киосках его фотографии, а у прохожих значки с его именем. Мне все хотелось как-то сказать ему об этом... «Вить, — говорю однажды, — я очень благодарна тебе. Ты подарил мне во-от такое большое небо!» Он только глаза опустил и промолчал.

Мне очень нравятся Витины песни. Тексты в них замечательны: правдивые и искренние, так гармонично слиты, срачены с музыкой. Мне кажется, его песни прямо в душу идут.

Как-то спросила его: «Откуда явилась вдруг вся эта музыка?» — «А помнишь, мама, — говорит, — ты меня с завода забрала. Тогда все и началось. Я тебе очень благодарен за это». Он никогда раньше не говорил мне ничего подобного! Я была тронута и поражена этими словами. Видите, все твердят, что труд делает человека, а получилось наоборот. Витю «сделала» свобода и возможность свободно раскрыть себя.

Дорогу к старой кочегарке на Зверинской, в народе известной как «Камчатка», найти несложно. Оттуда слышны песни Цоя. Внутри, в маленькой рабочей комнатке, где своя «тусовка», среди наклеенных на дверь и стенку газетных вырезок и рисунков, забавных надписей и подписей старый, 87-го года, пожелтевший листок бумаги с фамилиями-прозвищами работавших тогда в кочегарке — всей команды «Камчатки», и с двумя именами в черных рамках: А. Башлачев, В. Цой.

Андрей Машнин

Виктор работал здесь два с половиной года — до весны 88-го. Тогда сюда тоже иногда приходили фэны. Но не столько, конечно. Бычки воровали. Витка за это их не любил.

А однажды, весной 88-го, Цой уже ушел отсюда, произошел такой смешной случай. Приехали какие-то ребята из Северодвинска и умоляли подарить им что-нибудь из вещей Цоя. Что делать, я нашел какие-то старые, ненужные сапоги, которые уже лет сто валялись в углу. Ладно, говорю, берите, но могу подарить только один сапог. Девушке. Потом они прислали нам газету, какая-то «...звезда», где была статья, что «наши люди ездили в Питер и привезли оттуда замечательные сапоги Цоя».

В первые дни после гибели Виктора «Камчатка» неожиданно стала местом паломничества. Трудно себе представить, что здесь происходило. Толпы людей, сотни, приходили и стояли здесь сплошной стеной, через которую нельзя было пробраться. У всех нас было искреннее горе, и бессознательно, кто любил его, шли сюда... а придя, не знали, что им делать дальше... Это было какое-то заторможенное состояние сотен людей. Все ходили туда-сюда, как-то бессмысленно двигались... Сам собой сложился какой-то странный ритуал: люди заходили в кочегарку, потом в нашу комнатку, пытались садиться на диван, вставали, пили из крана воду и уходили. Так же следующие...

Кочегарку завалили цветами. Девочки подходили к котлу и мазали щеки угольной пылью.

Некоторые набивали углем свои карманы, а парни из какого-то дальнего города даже с мешком пришли — на память себе и своим друзьям унесли полмешка угля. Мы боялись, что разнесут на сувениры всю кочегарку.

Рядом с «Камчаткой» само собой сформировалось «тусовочное» место — постоянно сидит народ, поют Витины песни. Нечто подобное — на кладбище. Там возникла коммуна. Они остались наблюдать за могилой и все это время живут там, почти никуда не отлучаясь, в палатке.

По словам программы «600 секунд», в первые дни после гибели Виктора Цоя в Ленинграде на 30 процентов подскочило число самоубийств. Что это было? Истерия? Искренняя боль от утраты близкого человека?

Лене Чунаревой 18 лет. Она из Перми. Школа, техникум, работа. Все, как обычно. Узнав о смерти Цоя, она ушла из дома, сказав родителям, что теперь ей незачем жить. Лена приехала в Ленинград, на кладбище, и со дня похорон все время здесь.

— Я слушала его песни, и они стали моим миром. Когда он ушел, поняла, что умер самый главный для меня человек. И все. Больше ничего не будет. После той страшной минуты, когда услышала о том, что случилось, все как будто ушло вдаль. Я двигалась как во сне, не понимала, что происходит вокруг, и с трудом понимала чужие слова. Да, мы не были знакомы. Но это неважно. Для меня достаточно было знать, что он есть, что живет где-то рядом. Что будет дальше? Не знаю. Мне хорошо и спокойно только тут. Рядом люди, и нас сближает любовь к нему и наша боль.

Только бы не получилось так, что одни будут слезы лить, а другие богатеть на продаже фотографий и на концертах «памяти Цоя». А в это время родные по копейкам собирать деньги на памятник. Или того, что случилось с могилой Саши Башлачева, где до сих пор висит старая, размытая дождями фотография...

Записали Ольга Миткина
и Лика Гетманчук

А Н О Н С

«Формула» победы, или Просто ли стать Простом?

Если вы любите спорт и следите за главными его событиями, то наверняка давно определили свое отношение к вечным соперникам в том или ином виде спортивных соревнований. А значит, без труда ответите, за кого «болеете» — за Карпова или Каспарова, за киевское «Динамо» или за московский «Спартак». Но не поставит ли вас в тупик вопрос: на кого вы ставите в воскресной гонке — на Айртон Сенну или Алена Проста?

Много ли вы знаете о непримиримом соперничестве ведущих команд мира «Мак-Ларен», «Феррари» и «Бенетон», о знаменитых пилотах «Формулы-1»? На нашей фотографии один из них — трехкратный чемпион мира, почти полсотни раз побеждавший на этапах сумасшедшей гонки, француз Алэн Прост.

Ален и в самом деле прот в жизни и в общении с людьми, насколько это, конечно, возможно в его положении — кумира миллионов, великого гонщика, незаурядного инженера и весьма обеспеченного человека, получающего в месяц больше трех миллионов франков. Но на трассе он не из простаков и по праву заслужил славу тонкого стратега и непревзойденного тактика.

Вам интересно? Хотите узнать подробности увлекательнейшей спортивной борьбы великих «профи»? А может быть, вам захочется узнать о бесконечных закулисных интригах «Формулы-1», о которых Прост сказал так: «Я ненавижу все, что есть в «Формуле» по ту сторону дворца моего болида...» И в этом нет ничего удивительного, ведь «Формула-1» — это бешеные деньги, а там, где счет идет на миллионы, никак не обойтись без головокружительных афер и махинаций. Словом, мы готовы познакомиться с вами тайнами знаменитой «Формулы-1». Хотите?

Фев. 2-30 Сушищеву

«В море информации, в котором
мы тонем, один только выход
есть: самовнушение...»
Б. Гребенищikov

ГРАФИКА TULLIO PERICOLI

Борис, ты прав!
С помощью самовнушенья (аутотренинга) и скоростного чтения вы будете себя чувствовать в море информации как рыба в воде! Но только в том случае, если поступите во Всесоюзную школу рационального чтения! Обучение на заочном отделении проводится по переписке и начинается с любого дня. Окончив ШРЧ, вы увеличите скорость чтения

в 5 раз, запомните весь необходимый материал, научитесь искусству концентрации и расслабления. Но это еще не все. Желющие овладеть методами самовнушения, почти как индийские йоги, могут прислать также заявку и на приобретение аудиокассеты с записью четырех сеансов аутотренинга.

Адрес: 121151, Москва,
Кутузовский проспект, 24, ШРЧ.

Не забудьте вместе с заявкой прислать пустой конверт со своим адресом.